

Содержание

Юбилей

Поздравляем юбиляров	3
Б.С. Братусь Христианская психология как научное направление: к истории вопроса	4
В.А. Иванников О природе и происхождении психики	15

Психология и общество

Г.Я. Меньшикова, Ю.П. Зинченко, А.И. Ковалев, Л.А. Шайгерова Новые информационные технологии в социальных исследованиях: постнеклассическая парадигма	23
Стратегическое партнерство между Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова и Российской академией образования	24

Методология психологии

И.Н. Погожина Детерминация развития познавательных структур: постнеклассическая теоретическая модель	35
Н.А. Каминская, А.М. Айламазян Исследования образа физического «Я» в различных психологических школах	45

Психология виртуальной реальности

Г.У. Солдатова, О.И. Олькина Отношение к приватности и защита персональных данных: вопросы безопасности российских детей и подростков	56
--	----

Психология экстремальных ситуаций

Ю.С. Шойгу, Л.Г. Пыжьянова, Ю.М. Портнова Особенности организации и оказания экстренной психологической помощи в чрезвычайной ситуации (на примере работы психологов при ликвидации пожара в торговом центре «Адмирал» г. Казань)	67
А.С. Власик, А.В. Коршунов Диссоциация в феноменологической перспективе (на примере спортсменов и представителей экстремальных профессий)	74

Психология спорта

А.В. Морозов Психологические проблемы российского спорта (навстречу XXXI Летним Олимпийским играм в Рио-де-Жанейро)	81
В.В. Барабанщикова, М.В. Останина, О.А. Климова Феномен прокрастинации в деятельности спортсменов индивидуальных и командных видов спорта	91

Медицинская психология

А.Н. Харьковский Представления детей о болезни и их опосредующая роль в терапевтической работе с болеющими детьми	105
--	-----

Приложение

Информация для авторов	118
Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям)	120

Content

Anniversary Celebrations

Congratulations on Anniversary.....	3
Boris S. Bratus	
Christian psychology as a scientific direction: on the history of the issue	4
Vyacheslav A. Ivannikov	
On the nature and origin of the human psyche	15

Psychology and Society

Galina Ya. Menshikova, Yury P. Zinchenko, Artem I. Kovalev, Ludmila A. Shaigerova	
New information technologies in social studies: postnonclassical paradigm	23
The strategic partnership between the Lomonosov Moscow State University and the Russian Academy of Education.....	24

Methodology of Psychology

Irina N. Pogozhina	
Determination of cognitive development: postnonclassical theoretical model	35
Natalia A. Kaminskaya, Aida M. Ailamazyan	
Studies of the body image in various psychological approaches.....	45

Psychology of virtual reality

Galina U. Soldatova, Oxana I. Olkina	
Attitude to privacy and protection of personal data: safety of Russian children and adolescents	56

Psychology of Extreme Situations

Julia S. Shoigu, Larisa G. Pyzhyanova, Julia M. Portnova	
Features of organization and provision of emergency psychological assistance in an emergency situation (psychologist assistance during fire suppression in Admiral Shopping Center, the city of Kazan)	67
Anastasia S. Vlasik, Alexey V. Korshunov	
Dissociation in the phenomenological perspective (in athletes and representatives of extreme careers)	74

Sport Psychology

Alexander V. Morozov	
Psychological issues of the Russian sport (towards the 31st Summer Olympic games in Rio de Janeiro, Brazil).....	81
Valentina V. Barabanshchikova, Maria V. Ostanina, Oxana A. Klimova	
Procrastination phenomenon in individual and team sports athletes' activity.....	91

Medical Psychology

Arkady N. Kharkovskiy	
Disease representation in children and its mediating role in the therapeutic work with patient children.....	105

Application

Information For Authors.....	118
Guidelines for Abstract Writing	120

Поздравляем юбиляров

Congratulations on Anniversary

Весной 2015 года на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова прошли торжественные заседания, посвященные юбилеям выдающихся отечественных ученых.

1 марта друзья и коллеги поздравляли с 75-летием Вячеслава Андреевича Иванникова – профессора кафедры психологии личности, доктора психологических наук, академика Российской академии образования.

17 апреля отмечался юбилей заслуженного профессора Московского университета, профессора кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора психологических наук Елены Теодоровны Соколовой.

19 апреля исполнилось 70 лет заслуженному профессору Московского университета, заведующему кафедрой общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, действительному члену Академии естественных наук Российской Федерации, член-корреспонденту Российской Академии образования, профессору, доктору психологических наук Борису Сергеевичу Братусю.

От лица всего психологического сообщества поздравляем наших замечательных ученых и желаем им активного долголетия, творчества, новых достижений, и конечно же – здоровья, счастья исполнения всех желаний!

По традиции мы публикуем на страницах нашего журнала статьи юбиляров. В этом номере мы представляем материалы Б.А. Братуся «Христианская психология как научное направление: к истории вопроса» и В.А. Иванникова «О природе и происхождении психики».

Христианская психология как научное направление: к истории вопроса

Б.С. Братусь Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 6 февраля 2015/ Принята к публикации: 24 февраля 2015

Christian psychology as a scientific direction: on the history of the issue

Boris S. Bratus Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: February 6, 2015 / Accepted for publication: February 24, 2015

В статье впервые рассмотрены культурно-исторические предпосылки формирования нового научного направления в постсоветской России – христианской психологии. Показана преемственность этого направления с работами, которые велись в данной области до Октябрьской революции, и связь с трудами по психологии веры зарубежных ученых.

Исследуются причины возрождения интереса к психологическим проблемам духовного развития и религиозного мировоззрения. Несмотря на то, что определенные идеи, мысли относительно этих проблем появлялись и при советской власти, возможность же открытого движения в этом направлении возникла только после конца диктата советской идеологии. Появился и рос интерес к исследованиям личности, индивидуальности, к проблемам внутреннего мира человека, который немаловажен без учета духовных и религиозных аспектов сознания.

Описываются главные вехи истории становления Московской школы христианской психологии: деятельность семинара по христианской психологии и антропологии на психологическом факультете МГУ (1990 г.), создание лаборатории философско-психологических основ развития человека (по сути лаборатории христианской психологии) при Психологическом институте РАН, возникновение направления специализации психологического факультета МГУ – «психологии религии» (начало 1990-х гг.), издание первого в России учебного пособия для вузов «Начала христианской психологии» (1995 г.), организация «Челпановский чтений» в Психологическом институте РАО, проблематика которых затрагивала и христианскую тему.

Отмечена деятельность ряда подразделений Института педагогических инноваций РАО, начавших разработку практических вопросов христианской педагогики и психологии. Упомянуты международные конференции конца 1990-х – начала 2000-х годов по проблемам психологии религии и другие факты внедрения идей христианской психологии в научную, педагогическую и практическую деятельность в нашей стране.

Ключевые слова: Психология веры, психология религии, духовная сфера личности, христианская психология, история постсоветской психологии, Московская школа христианской психологии.

The paper is the first attempt to consider cultural and historical background of the new scientific direction of Christian psychology in the post-Soviet Russia. It shows the continuity of this trend with the works of the Tsar Russia period, and the connection with the works on the psychology of faith by foreign scientists.

The reasons for reviving the interest in the psychological issues of spiritual development and religious outlook are described. Despite the fact that certain ideas and attitudes to the issues mentioned above appeared at the Soviet time, the possibility of the open movement arose only at the decline of Soviet ideology. The interest in the study of personality and individuality was increasing on a par with the issues of man's inner world, which is unthinkable without spiritual and religious aspects of human mind.

The main milestones of Moscow school of Christian psychology development are highlighted: Seminar on Christian Psychology and Anthropology at the Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University (1990), Laboratory of Philosophical and Psychological Foundations of Human Development (actually Christian psychology laboratory) at the Psychological Institute of RAS, new specialty «Psychology of Religion» at the Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University (early 1990s), the first Russian edition of textbook «Christian Psychology» for high schools (1995), «Chelpanovskye readings» in the Psychological Institute of RAO, which touched on Christian issues.

Several departments of the Institute of Educational Innovations RAO start practicing Christian education and psychology. International conferences of the late 1990s - early 2000s on the psychology of religion and the implementation of other facts of the Christian ideas of psychology at educational and practical activities in Russia are mentioned.

Keywords: psychology of faith, psychology of religion, the spiritual sphere of the person, Christian psychology, history of post-Soviet psychology, Moscow School of Christian psychology.

Напомним афоризм, приписываемый Герману Эббингаузу: «У психологии давнее прошлое и короткая история». Давнее прошлое теряется в веках, когда предметом психологии была душа, разного рода представления о ее страстях, волнениях, переживаниях, падении, возвышении и т.п. Изыскателями этой области были философы, писатели, историки и, едва ли не в первую очередь, теологи. Например, связь между психологией и духовным образованием в России присутствовала издавна, со времен еще Киево-Могилянской духовной академии. Достаточно сказать о самой первой в России книге по психологии. Это – «Наука о душе» Ивана Михайлова, которая вышла в Москве в 1796 году (Ананьев, 1947; Ждан, 1997). Однако, как было показано петербургским историком Ю.М. Зенько, автором книги является не Иван Михайлов, а Иван Михайлович Кондорский, который, что важно в данном контексте, был лицом духовного звания: во время написания книги дьяконом, а позже – протоиереем Русской православной церкви (Зенько, 2000, 2009). Отметим, что эта книга сочетала как духовно-религиозную сторону изучения души, так и последние достижения тогдашнего психологическо-

Возвращаясь к афоризму Эббингауза, можно сказать, что сравнительно долгое (почти 200 лет) прошлое взаимоотношений церкви (более узко – духовного образования) и психологии сменилось в России совсем коротенькой историей ее диалога с уже научной психологией. Если условным годом рождения научной психологии считать год открытия Вильгельмом Вундтом Лаборатории экспериментальной психологии при Лейпцигском университете (1879), то эта история укладывается примерно в сорокалетие, поскольку к 1920-ым годам ни о каких изысканиях в области психологии веры, религии, христианства при советской власти речи уже быть не могло. На десятилетия остановились в России теологические исследования (малая часть ушла с русской эмиграцией на запад и там сохранился очаг их свободного развития). Что касается репрессированной научной психологии, то в нашей стране были под корень вырублены: педология (детская и педагогическая психология), психотехника (психология труда и инженерная психология), психоанализ, тестология, зоопсихология, социальная психология, поведенческая психология, психотерапия и др. (Братусь, 2000).

с упоминанием (тем более, исследовани-ем) религии, веры в Бога (писавшимся тогда с маленькой буквы), подвергалось жесткой цензуре. Более того, именно в это (хрущевское) время из программ духовных училищ была исключена психология, читавшаяся там, как говорилось, со времен Киево-Могилянской академии. В этом плане христианская психология – наиболее длительно (около семидесяти лет) репрессированная ветвь психологического познания.

Надо ли говорить, что на Западе психологические исследования такого рода шли все эти годы своим чередом и в настоящее время можно назвать десятки зарубежных журналов, сотни статей и монографий, множество симпозиумов и конференций, связанных с темами христианской психологии и психотерапии. Вряд ли можно назвать хоть одного крупного зарубежного психолога, который не был бы отмечен значимыми работами в области психологии веры и религии. Достаточно вспомнить В. Джеймса, З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма, Г. Олпорта, В. Франкла и др. В России же возможность открытого движения в этом научном направлении могла появиться только после конца диктата советской идеологии.

***

Вместе с тем, дело нельзя представить лишь таким образом, что сами по себе новые условия («перестройка», «демократия») могли вернуть исследования в этой области. Как справедливо написал в начале девяностых прошлого века С.Л. Воробьев, постановка вопроса о христианской психологии была отнюдь не данью тогдашней моде, а попыткой «в специфической форме решить актуальную задачу восстановления связи. Наивно полагать, что кто-то по своей воле может вызвать из небытия полузабытые истины. Напротив: это полузабытое нами Бытие «вызывает» нас из нашего неподлинного бытия – «небытия». Мы лишь духовный орган, реагирующий на этот «зов» и пытающийся дать какой-то «ответ» (Воробьев, 1995, С. 85).

Неслучайно поэтому, что определенные идеи, мысли относительно христианской психологии появлялись (даже так – не могли не появляться) и при советской власти. Разумеется, не прямо и открыто в жестко подцензурной печати, а в разговорах, рассуждениях, на-

Фактическое уничтожение целых направлений научной психологии пришлось на тридцатые годы прошлого века, а первая возможность вновь приступить к некоторым из них появилась лишь к 1960-ым. Однако о христианской психологии, несмотря ни на какие «оттепели», по-прежнему речи быть не могло

го знания. А.Н. Ждан свидетельствует, что «И. Михайлов произвел систематизацию психологических знаний в духе английского эмпиризма (Ждан, 1999, С. 122). С этого времени можно проследить диалог церкви и психологии в России, который длился до начала XX века, когда он был прерван разгромом церкви и церковных наук, а вскоре и разгромом самой психологии (Братусь, 2000).

Фактическое уничтожение целых направлений научной психологии пришлось на тридцатые годы прошлого века, а первая возможность вновь приступить к некоторым из них появилась лишь к 1960-ым. Однако о христианской психологии, несмотря ни на какие «оттепели», по-прежнему речи быть не могло. И хотя «безбожные пятилетки» и массовые репрессии миновали, все, связанное

Борис Сергеевич Братусь – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Области научных исследований: клиническая психология, общая и прикладная психология личности, философские основы психологии. Автор более 180 печатных работ, в том числе 12 монографий. E-mail: kop-msu@mail.ru

меках, письмах. Со стороны богословия очень интересным в этом плане документом является письмо (от февраля 1975 г.) иеросхимонаха Сампсона (Сиверса), в котором он, в частности, писал: «Очень жаль, выражу я, грешнейший и убогий ученостью, что на лекциях по нравственному богословию, т.е. по аскетике (которая с некоторых пор не читается и не преподается в нашей Духовной Академии) не введен предмет «православная психология», который анализировал бы психологию страстей греховных, склонности к ним, виды их проявлений, корни их и происхождение, и невольно бы научал пастырей быть лекарями грехов и пороков кающихся, и смог бы наглядно-убедительно приводить к покаянию, т.б. которое не есть осознание наименованиями греха священнику на исповеди, но есть жителство, перерождение сердца с принятием плодов осознания греха...».

Комментируя текст, его публикатор С.Л. Воробьев пишет: «Оставим в стороне обычные для христианского подвижника самохарактеристики типа «грешнейший» и «убогий ученостью»: старец Сампсон, в миру граф Сиверс – человек уникальной духовной биографии и европейской учености. Обратим внимание на два момента в письме: четкое осознание «зова» Бытия и конкретный ответ на этот зов, формирующий, в сущности, предмет и задачи православной психологии: целостное живое знание о генезисе греховных страстей и пастырское искусство врачевания человеческих душ. При таком понимании православная психология становится частью сотериологии – учения о спасении человека, восстановлении его души, поврежденной грехопадением» (Воробьев, 1995, С. 86-87).

По сути, в этом письме старец Сампсон говорит об острой актуальности для всей пастырской деятельности систематической разработки одного из пунктов представленной еще святителем Феофаном Затворником программы христианской психологии, где кроме «состояния под грехом» планировалось исследование «в естественном состоянии» и «в со-

стоянии под благодатью» (Феофан Затворник, 1995). В любом случае, мысль о соотношении такой психологии с сотериологией, спасением человека и его души остается стержневой для данного (со стороны богословия) подхода¹.

***

Нельзя сказать, что не было опреде-

В этом повороте следует особо отметить исследования смысловой сферы личности, ее мотивационно-ценностного содержания. Наконец, и главное, в профессиональной среде стали появляться психологи, сознательно формирующие понятийный аппарат, способный идти на сближение с началами христианской антропологии

ленного движения и внутри психологии советского периода (по крайней мере, могу свидетельствовать о семидесятых-восьмидесятых годах прошлого века). Хотя об употреблении в науке близких к христианскому подходу представлений, как упоминалось, прямой речи быть по-прежнему не могло, но в эти годы появился и возматерился общий интерес к исследованиям личности, индивидуальности. Это уже поворачивало психологов к проблемам внутреннего мира человека, который, в свою очередь, немалым без учета духовных и религиозных аспектов сознания. В этом повороте следует особо отметить исследования смысловой сферы личности, ее мотивационно-ценностного содержания. Наконец, и главное, в профессиональной среде стали появляться психологи, сознательно формирующие понятийный аппарат, способный идти на сближение с началами христианской антропологии (Т. А. Флоренская, Ф. Е. Василюк, В. И. Слободчиков, Б. С. Братусь и др.). «Перестройка» в этом плане (прав С.Л. Воробьев) создала условия для перевода этих предпосылок и возможностей в стадию первых реальных шагов.

***

Если определить условную точку отсчета этого движения (в Москве), то можно назвать апрель 1990 года. Именно в апреле в Московском университете проходят Ломоносовские чтения, в которых принимают участие ведущие

ученые всех факультетов. С определенного времени эти форумы стали предварять так называемые (в рабочем, разумеется, обиходе) «детские Ломоносовские чтения» – Всероссийскую студенческую конференцию. В рамках этой конференции на факультете психологии примерно с 1987 года сложилась традиция делать в один из последних ее вечеров

большой открытый семинар, посвященный какой-либо общей и значимой теме. Организовывать и вести эти семинары студенты просили меня. Помню очень удачные, с участием многих замечательных психологов семинары: «Вавилова и Лысенко как архетипы науки», «Сталинизм как социально-психологическое явление» с привлечением созданного тогда недавно общества «Мемориал» и др. В начале 1990-го года ко мне пришли студенты с просьбой об очередном общем «детско-ломоносовском» семинаре, но на этот раз тему предложили сами: «Психология и религия». Сказали и о том, что пригласили на этот семинар двух православных священников, примерно за десять лет до этого окончивших наш факультет, а затем уже перешедших в церковь (в те годы это всегда было достаточно драматическое деяние, требующее личного мужества и противопоставления советскому миру). Конечно, я сразу понял, кого они имели в виду – священников Бориса Ничипорова и Иоанна Вавилова. Семинар собрал полный зал, было много вопросов, выступлений и, по итогам, было решено в скором времени собраться вновь.

Так на факультете психологии Московского университета появился и стал регулярным семинар по христианской психологии и антропологии под руководством Б.В. Ничипорова, И.В. Вавилова и автора этих строк. На обсуждение с самого начала ставились вопросы не только психологии веры и религии,

¹ Святитель Феофан употреблял словосочетание «христианская психология». Впервые оно встречается у святителя Игнатия (Брэнчанинова) в 1860 году. Как замечает Ю.М. Зенько, термин «христианская психология» не есть какая-то необоснованная выдумка настоящего времени, изобретение современных психологов, заинтересовавшихся христианством, но обычное для православия выражение, которому уже более 150 лет (Зенько, 2000, 2009). Что касается круга проблем христианской психологии, затрагиваемых отечественными авторами до революции 1917 года, то в качестве примеров можно привести такие темы, как психология веры (Введенский, 1889), психология молитвы (Платонов, 1913), психология святости (Меньшиков, 1903), психология фанатизма (Чиж, 1905), психология атеизма (Владимирский, 1904) и др.

но самого широкого гуманитарного круга – от литературоведения, культурологии до психологии восприятия и психотерапии. Весьма широким и ярким был и состав участников – не только ведущие отечественные психологи (В.В. Давыдов, В.П. Зинченко, Л.А. Петровская, И.В. Равич-Щербо, К.Г. Сурнов, Т.А. Флоренская, А.Г. Асмолов, Ф.Е. Василюк, А.И. Донцов, Е.Н. Ениколопов, В.А. Иванников, А.Ф. Копьев, Н.Л. Мухелишвили, В.Ф. Петренко, В.А. Петровский, А.И. Подольский, В.А. Пономоренко, Е.Н. Проценко, А.А. Пузырей, В.В. Рубцов, В.И. Слободчиков, А.С. Спиваковская, В.В. Умрихин, В.Н. Цапкин, Е.И. Шлягина и др.), но и биологи, философы, историки, литературоведы (В.Л. Воейков, С.Л. Воробьев, А.Б. Зубов, А.Н. Кричевец, Б.Н. Любимов, В.Г. Мороз, В.С. Непомнящий, Л. Тайван, Ю.А. Шрейдер, Б.Г. Юдин и пр.) и, разумеется, священники, многие из которых являлись вы-

лись, продолжая (уже в кулуарах) обсуждение и разговоры. Зрелище получалось совершенно необыкновенное для недавней, да официально еще продолжающейся (до августа 1991) советской истории: по коридорам Московского университета ходили вперемешку священники, преподаватели, ученые, студенты – парами, группами, говорили, спорили на темы, которые еще недавно были под строгим запретом.

Скоро вокруг семинара образовался постоянный кружок – «актив», появилась группа интересующихся проблемой студентов (большую роль в консолидации последних сыграла старший преподаватель факультета Г.Н. Плахтиенко). Студенты стали помогать в проведении семинаров (обеспечение аудитории, стульев, столов, встреча докладчиков, организация чаепития после семинара и т.п.). Расходились окончательно из зда-

предстоящих результатов и открытий². На деле (надо ли это лишний раз говорить нашему просвещенному читателю) направления рождаются изнутри самой науки, ее внутренней логики развития и поиска истины. Науку, как свободное искусство (раньше, в некоторых классификациях, она в эту рубрику и входила), нельзя купить или продать, что, разумеется, не отрицает необходимость часто весьма дорогостоящей «материально-технической базы», заслуженно высоких зарплат и т.п. Замечательна формула, приписываемая академику Арцимовичу: «Наука есть осуществление собственного любопытства за государственный счет». Еще лучше у Пушкина: «... не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Первое – не покупаемое начало («священный огонь») не только свободной поэзии, но и свободной науки. И лишь как следствие первого может (риск неизбежен как при всякой свободе) появиться второе, относительно которого не грех и поторговаться (чего, кстати, как наглядно демонстрирует история, настоящий ученый или художник делать, как правило, решительно не умеют и своими, даже выдающимися результатами особого капитала не наживают).

Начало девяностых при всех его сложностях, перегибах, промахах, безденежье стало «глотком свободы», откупориванием прежде закрытых возможностей и направлений (другое дело, что далеко не все из них оказались потом благоприятными)

пускниками Московского университета (Иоанн Вавилов, Артемий Владимиров, Владимир Кильчевский, Андрей Кураев, Валерий Ларичев, Андрей Лоргус, Борис Нечипоров, Владимир Мокренко и др.).

Практически все эти семинары проходили при переполненной аудитории, которую составляли не только студенты и преподаватели факультета психологии, но и (судя по спискам участников) представители многих других учреждений и институтов, словом, «вся Москва».

Начало девяностых при всех его сложностях, перегибах, промахах, безденежье стало «глотком свободы», откупориванием прежде закрытых возможностей и направлений (другое дело, что далеко не все из них оказались потом благоприятными)

Каждый семинар становился, действительно, событием, которого ждали, и которое не обманывало ожиданий. Начиналось действие в пять вечера и длилось (без перерыва) часа три, это включало основной доклад (или несколько докладов), вопросы, обсуждения, дискуссии, заключение ведущих. После семинара большинство участников не расходи-

ния на Моховой только перед закрытием факультета – часов в десять вечера.

Пишу это вовсе не ради лирических воспоминаний, а потому, что происходившее было важным показателем, можно сказать, критерием, индикатором действительной актуальности, внутренней необходимости появления данного события. Существенное в науке возникает вовсе не так, как это видится многим нынешним (впрочем, и прошлым и, боюсь, будущим) чиновникам от науки. Им

кажется, что с помощью ими же прикомандированных экспертов они могут определять (назначать) «приоритетные направления», которые снабжать затем (следующий повод для комбинаций) разной по уровню «материально-технической базой», премиями, грантами и т.п. Они же планируют сроки и формы

***

Оглядываясь сейчас назад, видишь, что в тех семинарах (1990-1993) сошлись основные условия событийного явления: Время, Место, Люди, Действие. Начало девяностых при всех его сложностях, перегибах, промахах, безденежье стало «глотком свободы», откупориванием прежде закрытых возможностей и направлений (другое дело, что далеко не все из них оказались потом благоприятными). В психологии (в противовес прогнившему за годы «застоя» официальному Обществу психологов СССР) стали появляться все новые добровольные профессиональные объединения: Ассоциация практических психологов, Психоаналитическая ассоциация, Ассоциация гуманистической психологии и др. Была фактически снята цензура на зарубежную психологическую литературу, появились разнообразные переводные книги как классические, так и современные, стали приезжать западные ученые

² В известном некогда фильме Михаила Ромма «Девять дней одного года» герой с иронией читает в стенгазете физического института об объявлении открытой новой частицы непременно в ближайшем квартале и находит это заявление дурацким. Ныне «социалистические обязательства» подобного рода сменялись «капиталистическими», что не меняет, однако, данной герою фильма оценки.

(причем поначалу звезды самой первой величины – Виктор Франкл, Карл Роджерс, Вирджиния Сатир и др.). К читателям возвращались запрещенные произведения художественной литературы, книги по философии, теологии, истории. Общество потянулось к Церкви, это было время необыкновенного подъема интереса к религии, к духовным традициям. В храмах образовывались, буквально, целые очереди людей, стремившихся принять крещение (что дало основание назвать это время «вторым крещением Руси»). Лекции священников собирали залы, а заезжие американские проповедники иногда – стадионы. Этот, с позволения сказать, «ажитажный спрос», конечно, должен был иссякнуть и наступить некоторое отрезвление, а затем откат и даже «мода» на отрицание всякой церковности, но семинары пришлось как раз на подъем этого пика.

Что касается Места, то оно (по субъективному мнению автора) лучшее из возможных в стране – Московский государственный (в прошлом императорский) университет³. Факультет психологии, где происходили семинары, находился на старой территории университета, в «центре центра», на Моховой улице, рядом с Кремлем⁴. И вот уже четверть тысячелетия развитие российской культуры и просвещения связано со стенами Московского университета.

Но главное – Люди. Семинары создали условия для встречи, знакомства и затем создания группы тех московских психологов, которые при всем научном разномыслии каждого были объединены общим желанием вернуть психологию душу и душе – психологию. Это была линия, непосредственно ведущая к осуществлению идеи христианской психологии. Но была и другая, может быть менее очевидная на первый взгляд, однако чрезвычайно важная – возвращение психологии в то переплетение

наук о человеке, в котором она пребывала (и даже могла занимать центральное место) во времена своего становления, поиска и обретения самостоятельного статуса. Напомним, что среди учредителей и активных участников первого

Семинары создали условия для встречи, знакомства и затем создания группы тех московских психологов, которые при всем научном разномыслии каждого были объединены общим желанием вернуть психологии душу и душе – психологию

в России и одного из первых в мире Психологического общества, созданного при Императорском Московском университете (1885) были и философы, и биологи, и врачи, и антропологи, и литераторы, и математики, причем, часто звезды первой величины. Заседания общества становились событиями, имена выступавших, последующие дискуссии и обсуждения привлекали образованную публику со всей Москвы. Среди них были и видные писатели, поэты: достаточно назвать Афанасия Фета или Льва Толстого, который на двух заседаниях (в одно не уложились) выступал с докладами о смысле жизни. Последним председателем общества перед его разгоном

Наука и религия за годы советской власти обрели статус антиподов, причем, религия прочно ассоциировалась с невежеством, темнотой, мракобесием, злым гонением в истории на разум и образование

был известный философ Иван Ильин – один из тех, кого советская власть выслала из страны в 1922 году на печально известном «Философском пароходе» (Ждан, 1995). Рискну сказать, что наши семинары, разумеется, в очень скромном отношении, пусть не возвращали, но, по крайней мере, отдаленно напоминали об этой порушенной на долгие десятилетия традиции заинтересованного и свободного общения представителей разных университетских (прежде всего, конечно, гуманитарных) специальностей вокруг психологии.

Еще один момент, который надо отметить. Наука и религия за годы советской власти обрели статус антиподов, причем, религия прочно ассоциировалась с невежеством, темнотой, мракобесием, злым гонением в истории на

разум и образование. Одним из главных (по высказываниям некоторых – «ошеломляющих») впечатлений многих рядовых участников было то, что «церковники», которых они видели, оказались не темными и оголтелыми, а образованными, умными, яркими людьми. Они убедительно говорили, спорили, приводили веские аргументы, шутили, смеялись, наконец, а не просто отстраненно «вещали» незбылемые истины в последней инстанции.

Крайне важным было и то, что крупные светские ученые, принимавшие участие в семинаре, отнюдь не чурались тех, кого согласно многолетней массивированной пропаганде следовало

относить к «церковным мракобесам», а находили с ними общий язык, приветствовали, и многие не скрывали при этом своей веры в Бога. Но и в тех случаях, когда эта вера не проявлялась или даже налицо был подчеркнутый нейтралитет, само участие звезд науки в семинаре по христианской антропологии и психологии было в то время значимым и говорящим само за себя⁵. Уже много (более двадцати) лет спустя я встретился с одним московским священником, который рассказал, что он студентом

³ Это Место в этом Времени оказалось ключевым (тусковым) и для создания в стране нового типа высших учебных заведений, где наряду с дипломами государственного образца (педагогика, юриспруденция, экономика, история, филология) учащиеся получали солидную теологическую подготовку. Так, Свято-Тихоновский православный гуманитарный институт (затем – университет) начался с Катехизических курсов, помещения для которых были безвозмездно предоставлены в гуманитарных корпусах МГУ его Ректором – академиком В.А. Садовничим. В это время появляется в Москве и Православный институт святого Иоанна Богослова.

⁴ Где-нибудь в позапрошлом веке в частном письме приятелю местоположение можно было бы описать примерно так: «Найди угол Тверской и Моховой, где площади начало Манежной, а суротив Иверские ворота и наискосок Александровский сад Кремля, малую толику иди по Моховой. Как пройдешь первое здание Университета, повороти сразу во двор и там чуток вглубь и направо...».

⁵ Хотя не обходилось и без некоторых курьезов. Например, крупнейший психолог и методолог Владимир Петрович Зинченко охотно согласился выступить на одном из семинаров с докладом, но потом (со свойственной только ему мягкой иронией в голосе) жаловался автору: «Понимаете, выхожу я на трибуну, вдруг весь зал встает, смотрит на меня и начинает креститься. Я опешил в недоумении, хорошо, догадался оглянуться и увидел, что прямо за мной висит икона. Ну, так же нельзя, вы бы хоть предупредили...»

одного из вузов, только начавшим интересоваться религией, случайно попал на этот семинар и был поражен тем, что «такие люди» оказываются верующими, значит, в вере есть что-то даже для них притягательное и незаменимое. Это, как он признался, оказалось тогда толчком, знаком на пути к Храму.

Теперь о Действии. Организация семинаров, их ритма, содержания, атмосферы требовала постоянных целенаправленных усилий (помню: полмесяца готовимся к очередному семинару, полмесяца от него отходим). Для того, чтобы все не ограничилось лишь вспышкой интереса, необходимы были все новые шаги и действия, успех которых, в свою очередь, зависел от пересечения Времени, Места и Людей.

***

В 1991-1992 гг. Академия педагогических наук СССР после буквально шквала общественной критики (в большинстве вполне справедливой) была преобразована в Российскую Академию образования. Вскоре Научно-исследовательский институт общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР (НИИОППАН СССР) был переименован в Психологический институт Российской академии образования (ПИ-РАО). Директором института (который до революции был построен для Императорского Московского университета на средства С.И. Щукина и назывался Психологическим институтом имени Л.Г. Щукиной), был назначен академик В.В. Рубцов. Побывав на одном из заседаний семинара, он щедро предложил автору этих строк создать при институте первую за всю историю страны лабораторию христианской психологии.

Однако именно так назвать лабораторию В.В. Рубцову в Президиуме РАО

категорически не разрешили (настороженность оставалась, откат интереса уже намечался) и после сложных переговоров сошлись на таком, предложенном мной названии – лаборатория философско-психологических основ развития человека. Название, в общем-то, достаточно приемлемое, ибо осуществление «проекта» христианской психологии прямо подразумевало рассмотрение и анализ исходных философско-психологических проблем развития человека. Однако за все время существования лаборатории это название никто из коллег (и даже сотрудников самой лаборатории) толком не выучил и затруднялся точно воспроизвести. Обычно ограничивались для ее обозначения либо именем заведующего, либо первоначально задуманным, но отвергнутым начальством именованием «христианской психологии» – так или иначе все понимали, что в действительности являлось здесь предметом исследования.

Лаборатории предоставили комнату, в которой многие годы до того находился партком института, что, согласитесь, само по себе уже выглядело весьма символично. Комната располагалась на третьем этаже и выходила окнами на заставленный со всех сторон случайными постройками остов церкви в стиле «нарышкинского барокко», окруженный (лучше сказать – плененный) рабочей территорией какого-то номенклатурного гаража с мастерскими и подсобками. При всей разности уровней задач и то, и другое (храм и христианская психология) нуждались в вызволении из-под завалов (глыб) советского наследия, в становлении и новой жизни.

Помню, с какой неохотой передавал мне ключи бывший партийный секретарь института, как я первый раз вошел вместе с ним в пропитанное пылью и ка-

ким-то тягостным духом, сплошь заставленное шкафами с папками партийных и профсоюзных бумаг тесное помещение. Секретарь не без скрытого пафоса объявил, что здесь хранится красное знамя института, указав на высокий холщевый чехол, стоявший в углу. Чехол показался мне каким-то пустоватым и хорошо, что я сразу пощупал его рукой и обнаружил, что знамени там нет – одно древко, о чем и сказал сразу секретарю, дабы не быть позже заподозренным в пропаже. «Сперли уже», – обескуражено и с досадой проворчал секретарь. Констатировав тем самым, что символ верности института делу партии – большое плюшевое знамя с золотыми кистями, портретом Ленина посередине и каким-нибудь лозунгом относительно неизбежной победы коммунизма во всем мире кто-то предприимчивый взял (выкрал) и продал, наверное, сувенирщикам на Арбате. Там в изобилии распродавались в то безденежное и голодное время атрибуты уходящей эпохи, включая знамена и ордена.

По своему штатному расписанию лаборатория была крошечной: кроме ставки лаборанта, ее составляли полторы научные ставки, разбитые по половинкам, и половина ставки заведующего, которые заняли священник Борис Ничипоров⁶, С.Л. Воробьев, В.В. Умрихин и, в качестве заведующего, автор этих строк. Лаборантом (единственная полная ставка) была В.С. Чернякова.

С возникновением лаборатории образовался уже другой – внутренний, узкий, постоянно действующий рабочий семинар по проблемам становления христианской психологии. В нем, кроме сотрудников, принимали деятельное участие Т.А. Флоренская, Ю.А. Шрейдер, священник Иоанн Вавилов, Ф.Е. Василюк, В.Л. Воейков, В.К. Загвоздкин, А.Б. Зубов,

⁶ Это был первый тогда православный священник, настоятель сельского прихода, официально взятый на работу в светское (еще недавно советское) научно-исследовательское психологическое учреждение. О том, насколько это было новым, неожиданным и для многих тревожным фактом, свидетельствует следующий, прошедший тогда по институту слух, будто «наняли пона, которого посадят около лестницы и он будет крестить всех входящих». Позже о. Борис был приглашен тогдашним директором Института педагогических инноваций РАО, профессором В.И. Слободчиковым на должность заведующего Лабораторией духовно-культурных основ образования. Он перешел на работу в Институт педагогических инноваций, его интересы стали все более смещаться в сторону педагогики, педагогической психологии, духовного воспитания. Там он со временем смог добиться выдающихся успехов, основав в Тверской области крупный учебно-воспитательный центр «Новая Корчева», получивший всероссийскую известность. Жизнь и подвижническая деятельность протоиерея Бориса Ничипорова, кандидата психологических наук, Заслуженного учителя России, оборвалась в декабре 2003 года, ему было тогда всего пятьдесят лет ... Помню его еще студентом факультета психологии МГУ, общение по поводу первых курсовых (я был их научным руководителем, диплом и кандидатскую он писал уже под руководством Б.В. Зейфарник), его искренность, жажду познания, заразительный смех, умение общаться (особенно с детьми), его всегда смелые планы, столь многие из которых свершились. Вечная память!

⁷ Некоторые из этих статей были опубликованы тогда в журнале «Человек» Российской Академии наук (председатель редколлегии Б.Г. Юдин), пройдя перед этим высокопрофессиональную (но при этом весьма жесткую и нелицеприятную) редактуру члена редколлегии журнала и старшего научного сотрудника Лаборатории С.Л. Воробьева.

Н.Н. Мусхелишвили, Е.Н. Проценко, В.И. Слободчиков и др. В Лаборатории обсуждались возможные подходы и концепции, содержание только что подготовленных первых статей по христиански ориентированной психологии⁷.

***

Важным Действием в этот период стала работа со студентами, которые, как упоминалось, появились, выявились, консолидировались вокруг семинаров по христианской психологии и антропологии на факультете психологии МГУ в начале девяностых. Решено было открыть, или, говоря принятым тогда жаргоном – «пробить» (ибо это требовало немалых усилий и согласований) новое направление (вариант) специализации в рамках кафедры общей психологии. Назвали направление – «психология религии» (непосредственно «христианская психология» категорически не прошла), но, так же как в случае с лабораторией, реальная суть и название превалировали в сознании, разговорах и обсуждениях коллег, студентов и, думаю, администрации.

Для студентов этой группы прямо по ходу учебного процесса были созданы некоторые отдельные от общего потока лекционные курсы, семинарские и практические занятия, конференции, выездные школы (самая памятная была организована о. Борисом Ничипоровым в палаточном лагере у стен Оптиной пустыни). В учебных занятиях (фактически безвозмездно) участвовали Т.А. Флоренская, о. Борис Ничипоров, о. Иоанн Вавилов, Ф.Е. Василюк, А.Б. Зубов, Е.Н. Проценко, В.И. Слободчиков, В.В. Умрихин, А.Г. Шкуропат, Б.С. Братусь и др. Непосредственным курированием студенческой учебы и жизни группы «Пси-

хология религии» заботливо занималась Г.Н. Плахтиенко.

***

Для того, чтобы конституировать новое научное направление, мало было отдельных статей, выступлений, обсуждений, семинаров (широких и узких), мало было даже начала работы лаборатории и успешного опыта новой учебной специализации. Нужна была книга, способная (пусть в первом приближении) представить не отдельные мнения и акценты, но некую относительно единую на то время позицию, к которой могла бы отнестись научно-психологическая общественность с учетом, в данном случае, и философско-теологической стороны. Для того, чтобы удостоиться серьезного научного критического обсуждения, конечно, надо было его заслужить, а значит сделать нечто действительно стоящее и заметное на фоне новых подходов и книг.

Мы понимали, однако, что появление в краткий срок такой книги на новом (если не сказать – пустом) для тогдашней отечественной науки месте, а тем более, скорое издание ее в условиях нищенского финансирования образования и науки, является делом крайне маловероятным. И здесь надо добрым словом вспомнить академика В.П. Зинченко (1931-2014), который, став тогда одним из ответственных руководителей по психологии в Международном фонде «Культурная Инициатива», содействовал моему (а значит и моей лаборатории) участию в конкурсе «Гуманитарное образование в высшей школе». При этом наш энтузиазм по отношению к христианской психологии (порой, наверное, с неопитскими пережестами) он не разделял, удерживая известную

толику скепсиса и свойственной ему иронической дистанции, но как настоящий ученый, хорошо знавший многих из нас, оценивал и авансировал прежде всего научный потенциал, предоставляя в сложных тогдашних условиях ценную возможность его реализации⁸.

Так или иначе, развернутая заявка была написана, участвовала в конкурсе на новые учебные пособия для гуманитарного образования в российской высшей школе и вошла в число победителей (уверен – не без деятельной поддержки самого В.П. Зинченко⁹). Так мы получили обеспечение для написания и, главное, издания первого в России учебного пособия для вузов «Введение в христианскую психологию». Незадолго до выхода в свет, название, однако, пришлось срочно изменить: вместо «Введения в христианскую психологию» – «Начала христианской психологии».

Необходимость изменения была вызвана тем, что в 1994 году в издательстве «Школа-Пресс» вышла книга Б.В. Ничипорова, на титуле которой стояло наше название – «Введение в христианскую психологию». Аннотация поясняла, что «книга о. Бориса (Ничипорова) – православного священника, психолога, общественного деятеля посвящена задачам духовного просвещения и воспитания человека. Мистика родной земли, таинство семьи и дома, грех и покаяние, духовный мир и смысл жизни – проблемы, приобретенные в наше время особую остроту, становятся предметом проникновенных размышлений автора. Основанная на пасторском и педагогическом опыте о. Бориса, данная книга будет полезным пособием всем тем, кто занимается духовным строительством и возрождением личности человека» (Нечипоров, 1994).

⁸ О личных качествах В.П. Зинченко его друг и коллега В.П. Мунипов писал: «Мощный и острый ум, множенный на творческое воображение и неисчерпаемую энергию, в сочетании с чувством юмора... Он прямой, смелый и надежный человек, с которым радостно работать и дружить... Непорядочным людям высказывает свое мнение в лицо, так что они его избегают. Его высочайший профессионализм в сочетании с указанными чертами личности зачастую приводит к тому, что его боятся приглашать на работу в организации психологического профиля. Зинченко не лишен недостатков, они у него так сложно вплетаются в положительные черты, что их трудно расчлнить. Зинченко без недостатков, убежден я, – не будет Зинченко, которого все знают... Независимый и свободный человек» (Мунипов, 2013, С. 165, 174). Основываясь на своем опыте общения с В.П. Зинченко, полностью соглашусь с этой характеристикой. Добавлю лишь, что после смерти В.В. Давыдова (1930-1998) внутренне стал считать В.П. Зинченко «психологом номер один» среди живущих в России по неформальному (а значит никем официально не утвержденному) «табелю о рангах» или по «гамбургскому счету». Хорошо, что успел сказать это несколько раз публично на разных собраниях и самому Владимиру Петровичу при его жизни.

⁹ В очерке «Слове о Сергее Леонидовиче Рубинштейне» В.П. Зинченко, в частности, писал: «Когда Институт «Открытое общество» (Фонд Дж. Сороса) доверил мне заказать новое пополнение учебников по психологии, я назвал около 30 авторов. Среди них: Г.М. Андреева, Б.С. Братусь, А.И. Донцов, В.П. Зинченко, В.М. Мунипов, В.С. Мухина, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский». И далее, в двух фразах следовал типичный зинченковский поворот, возвращающий к теме очерка – глубине и эрудиции Рубинштейна, его умению создавать фундаментальные учебники, но делающий это неожиданно, колко, с иронией, со «щепоткой соли» по отношению к перечисленным им профессорам и академикам, среди которых (обратите внимание) и он сам: «На резонный вопрос, почему так много, я ответил, что если бы был жив С.Л. Рубинштейн, я назвал бы его одного. Сейчас, когда почти все заказанные книги изданы, могу сказать, что отвечая так, я не ошибся» (Зинченко, 2011, С. 287).

Сам о. Борис позже так объяснил мне в личном разговоре выход своей книги именно под таким названием. Он предложил для издательства некоторые свои статьи, проповеди, эссе, объединив их под простым и совершенно точным в данном случае названием «Размышления священника-психолога». Однако издательство, специализировавшееся на литературе учебного характера, предложило добавить педагогический подзаголовок «Введение в христианскую психологию». Но потом и этого оказалось недостаточно, и редакция настояла поменять местами заголовки и подзаголовки (спутав, тем самым, предмет и контекст). Так «введение» оказалось титулом, а «размышления» ушли в пояснение (Ничипоров, 1994). Так или иначе, чтобы не плодить сущности, пришлось срочно менять заявленное ранее название нашего повсюду готовившегося к печати коллективного труда (Начала..., 1995).

Надо признать, что весьма нереальными выглядели и сроки выполнения работы, и поставленная задача: представить серьезное пособие для вузов по области, которая фактически научно не определена, по которой нет современных отечественных исследований и устоявшихся обобщений. По сути, принять (напроситься на этот) вызов было большим дерзновением и риском. Неслучайно, некоторые из участников рабочих семинаров лаборатории высказывали свои сомнения относительно возможности и необходимости таких темпов. Один из них, например, считал, что прежде «начал» христианской психологии надо найти все ее «концы» – изучить, кому конкретно книга будет предназначаться, кто ее будет читать,

нужна она в таком виде или в другом и т.п. А поскольку об этом нельзя точно сказать прямо сейчас, то до выяснения всех обстоятельств дело написания нужно отложить на неопределенный срок, занявшись вышеназванными вопросами и ожидая результатов соответствующих наблюдений, опросов, проверок.

Не вдаваясь в детали этой прошлой рабочей полемики, скажу лишь, оглядываясь через двадцатилетие, что, если бы тогда мы предались неспешному выжиданию, выскиванию «концов» еще не появившихся «начал», если бы прошли стороной мимо чудесного, дарованного нам стечения Места, Времени, Действия и Людей, то христианская психология как отрасль науки, вероятно, до сих пор оставалась бы «проектом» – упущенной потенциальной возможностью, мелькнувшей вспышкой интереса, но не реальностью, пусть до сих пор во многом недостаточной и уязвимой.

***

За подъемом внимания к религии последовал, как и полагается, некоторый спад, отношение в обществе к церкви и ко всему, что могло с ней ассоциироваться, стало меняться. Общественность и администрация факультета, поначалу несколько ошеломленные бурной семинарской деятельностью и потому, видимо, не очень понимавшие, как на нее следует реагировать (тем более при отсутствии ясных указаний «сверху»), стали постепенно проявлять сначала скрытое (на уровне слухов, сплетен, обсуждений¹⁰), а затем и открытое недовольство. Начались шаги по отчуждению семинара от факультета. Например, появилось мнение, что поскольку

его содержание не всегда касается только академической психологии, не всегда направлено на факультетский учебный и научный процесс и среди участников слишком много людей «со стороны», не числящихся в сотрудниках факультета психологии, то семинар в значительной степени – «чужой», «посторонний». Поэтому, пусть его организаторы арендуют помещение (за соответствующие деньги, разумеется – на дворе ведь заря капитализма) у администрации факультета. Мнение, вполне согласующееся с тогдашним духом «дикого» предпринимательства, но совершенно не согласующееся с духом Московского университета как просветительского учреждения, всегда обращенного в мир, а вовсе не замкнутого в своих стенах¹¹.

Чтобы подчеркнуть важность семинара именно для факультета и тем самым отместить предложения об «аренде», на плакатах, извещающих об очередном семинаре, с полного согласия Научного студенческого общества (НСО) факультета появилось с тех пор упоминание об НСО как об одном из организаторов (плакаты, к слову, стали часто срывать кем-то со стенда, а однажды были изрезаны бритвой в клочки).

Наконец, в эту, уже вполне готовую к реагированию среду, поступил «сигнал сверху». Из ректората в Ученый совет пришло письмо о недопустимости вторжения разного рода деструктивных культов в университет, в качестве примера приводился один из факультетов, где сдавались (капитализм проклятый) комнаты секте Муна. В связи с этим ректорат напоминал о соблюдении принципа светскости образования и недопустимости сдачи в аренду религиозным ор-

¹⁰ Одни, например, утверждали (несмотря на семинары о Пушкине, об истории, о театре, о психологии развития личности, о воспитании, о психотерапии и т.п.), будто «там» идет речь только о «пропаганде религии». Другие, их было большинство, избегая каких-либо утверждений, ограничивались постоянным (сказал бы даже – навязчивым) вопрошанием (обращенным, в том числе, и к автору этих строк): «Нет, ну, скажите, а что же там все-таки происходит?» Судя по тону, доверительной приглушенности голоса, смеси любопытства и тревоги в глазах вопрошающих, явно подразумевалось, что происходит нечто странное и неладное, требующее именно от вас специальных конфиденциальных разъяснений. Но, сколько бы вы не разъясняли, тревожность и любопытство не угасали и вопрос повторялся при каждой встрече вновь и вновь. И почему-то в голову им не приходило (и нельзя было вложить), что разъяснить все свои сомнения и ответить на вопрос: «Что там все-таки происходит?» совсем несложно – надо просто в назначенный для Семинара час (лучше заранее, а то не пробьешься сквозь толпу у дверей) прийти в соответствующую аудиторию, чтобы услышать все самому, составив свое (положительное, отрицательное – какое угодно) мнение. Рискну предположить, что причину избегания столь простого решения надо было искать отнюдь не в мыслительной деятельности (всегда заведомо высокого качества) коллег, а в их личной сфере, тех личностных заслонках и фильтрах, что оттесняли, не допускали это решение и его реализацию, ощущая в нем (осознанно или, скорее, неосознанно) некую потенциальную угрозу своей безопасности (выход из позиции любопытствующего, но стороннего наблюдателя в позицию ответственного личного отношения). Советская власть (что только-только прекратилась, перекрасилась) хорошо сформировала (сформировала) негласную (но постоянно и жестко подкрепляемую) установку – «быть как все», «не высовываться», не искать, а, тем более, не выражать свое мнение, отличное от общеустановленного, чтобы «не засветиться». Конечно, в данном случае опасаться было вроде как уже нечего. Ну, а вдруг ...

¹¹ Посмотрите хотя бы на крупнейшие московские общедоступные музеи – Исторический, Политехнический, Изобразительных искусств и другие. Все они выросли из соответствующих кабинетов и аудиторий Московского императорского университета, благодаря подвижническому труду его профессоров. Вспомним и знаменитые Публичные лекции и чтения профессоров университета, собиравшие «всю Москву». Университет всегда был (должен был быть) открыт для Образования и Просвещения всех, а не только своих сотрудников и студентов.

ганизациям своих аудиторий. Некоторые члены Ученого совета, заслушав это письмо, стали наперебой говорить о такой же опасности на факультете психологии и о необходимости в связи с этим разобраться с «деятельностью Братуся», что и было официально поручено кафедре общей психологии, где он (Братусь) состоял ординарным профессором. Кафедра в ответ на это поручение создала специальную комиссию, которой было поручено всестороннее рассмотрение и подготовка решения. Далее – комиссия на заседании кафедры ознакомила с выводами своего изыскания и предложила проект резолюции, в котором говорилось, что никакие помещения кафедры деструктивным культам не сдаются, что запрещенная пропаганда религии не ведется, и что деятельность профессора кафедры Б.С. Братуся по просвещению и воспитанию студентов заслуживает всякого одобрения. Проект решения на заседании кафедры был обсужден, единогласно принят и соответствующая резолюция отправлена в Ученый совет (спасибо кафедре).

Однако продолжать семинары в прежнем масштабе становилось все более затруднительным. Происходящее касалось и направления специализации «психология религии»: набранная из студентов разных курсов в 1993 году группа (около 20 человек) после трех лет существования, когда были защищены уже последние дипломы, закончила свою деятельность.

***

Но все это было, признаться, уже запоздалыми мерами по отношению к христианской психологии (арьергардные бои), поскольку главное для ее начала было уже сделано, просто менялось Время и Место, приводя новых Людей и требуя нового Действия. Центр тяжести смещался с факультета психологии МГУ в Психологический институт РАО – в крошечную лабораторию с громоздким названием «Лаборатория философско-психологических основ развития человека». В институт был перенесен с факультета психологии и большой публичный семинар, вернее, его новая ступень, серия. Эти семинары в соответствии с Местом были названы «Челпановскими чтениями» – по имени од-

ного из основателей отечественной психологической науки и первого директора Психологического института – Георгия Ивановича Челпанова (1862-1936).

«Челпановские чтения» или, как их еще называли в печати, «Философско-психологические семинары памяти Г.И. Челпанова» были, конечно, не просто следствием необходимости механического переноса семинара с факультета. Придя, пусть и на полставки, совместителями в созданную специально для нас лабораторию, размещенную на третьем этаже исторического особняка в глубине университетского двора (в комнате, как уже знает читатель, бывшего парткома), мы подумали: чем отблагодарить институт, его директора В.В. Рубцова за эту щедрую и столь необходимую в тот момент возможность. Ответ пришел быстро – общими для славного института семинарами, используя накопленный опыт и круг участников семинаров по христианской психологии и антропологии на факультете психологии МГУ.

Название («Челпановские чтения») пришло сразу, тематика была скорректирована в сторону философии психологии или, согласно названию лаборатории, в сторону «философско-психологических основ развития человека». Это тема была чрезвычайно близкой и тому времени, когда появился Институт (1912-1914), и самому Челпанову, считавшему, что «конечные ключи от психологии лежат в философии» (Челпанов, 1914). Главенствующим оставался принцип широты подхода, включения психологии в культурно-исторический контекст, приглашение видных ученых из других областей. Оставалась в фокусе и христианская тема, в частности, впервые состоялось публичное обсуждение только что вышедших «Начал христианской психологии», длившееся пять часов подряд.

В связи с «Чтениями» справедливо упомянуть еще об одном деятеле в том Времени и Месте. Это был опытный московский журналист Владимир Ильич Левин¹². Перейдя тогда из научно-популярного журнала «Знание – сила» в журнал Академии наук «Человек», он предложил своей новой редакции под-

готавливать для каждого номера (шесть выпусков в год) стенографические отчеты по семинарам «Челпановских чтений». Это предложение было принято и одобрено главным редактором Б.Г. Юдиным, директором Психологического института РАО В.В. Рубцовым и мной, как заведующим лабораторией и постоянным ведущим «Чтений». Составление подобных текстов, которые были бы и объективны, и, одновременно, понятны и увлекательны не только узким специалистам, но и вообще интеллигентной публике – особый талант, которым Левин обладал в полной мере. В результате этой работы (в которой посильное участие принимала вся лаборатория) появился уникальный, доступный широкому кругу материал, фиксирующий живое движение научного процесса, само рождение тех или иных мыслей и положений. Так что, если у кого-то возникнет теперь вопрос: «Что же там все-таки происходило?», он может обратиться к номерам «Человека» и услышать (пусть в письменном изложении) речи и споры многих ведущих ученых конца двадцатого века, некоторых из которых, увы, уже нет с нами (Вектор взаимодействия, 1995; Культура незаочного ... , 1995; Ценности, смыслы ... , 1995; Психология личности ... , 1995; Зов бытия ... , 1996).

***

Подводя итог девяностым, Ю.М. Зенько в качестве основных вех становления христианской психологии в России называет уже знакомые читателю семинары, специализацию по психологии религии (а реально – по христианской психологии), деятельность лаборатории Психологического института РАО и др. (Зенько, 2009). Необходимо специально отметить также деятельность ряда подразделений Института педагогических инноваций РАО (директор профессор В.И. Слободчиков), начавших разработку практических вопросов христианской педагогики и психологии. В 1995 году в Москве прошла I Международная конференция «Психология и христианство: путь интеграции», вышел сборник материалов конференции под редакцией А.В. Махнача. В 1997 году состоялась следующая Международная конференция под этим же названием, но уже

¹² *Окружающие, да и он сам, нередко шутили (подшучивали) по поводу того, что по имени и отчеству он был полным тезкой вождя мирового пролетариата, а фамилия отличалась всего одной буквой – «в» вместо «н».*

в Петербурге, соответствующий сборник материалов вышел в издательстве «Иматон». В начале 1996 года в Москве при Православном центре «Животворный источник» появилась психологическая служба, организованная И.Н. Мошковой (при участии А.Ф. Копьева). Год спустя на основе методологии христианской психологии стала строиться консультативная служба под руководством А.В. Шувалова. В 2002 году трудами священника Андрея Лоргуса при Православном Институте Св. Иоанна Богослова открывается факультет психологии. Крайне значимой была инициатива профессора Ф.Е. Василюка, который представил целый номер редактируемого им Москов-

ского психотерапевтического журнала (1997, № 4) под публикации по христианской психологии (с 2003 года эти выпуски стали ежегодными). Христианские психологи, богословы получили возможность регулярно печатать свои статьи, обмениваться мнениями, дискутировать. Речь шла при этом не только о Московской школе христианской психологии, авторами стали представители многих городов, а также зарубежные коллеги. Отдельного рассмотрения в будущем, безусловно, заслуживает петербургская линия, в становлении которой особую роль сыграл выпускник факультета психологии Санкт-Петербургского университета, кандидат психологиче-

ских наук, протоиерей Владимир Цветков. В начале девяностых годов прошлого века он инициировал создание Общества православной культуры имени Святителя Игнатия (Брянчанинова). Из семинара по христианскому символизму, который в рамках Общества вел о. Владимир, выделилась секция православных психологов, возглавляемая профессором Л.Ф. Шеховцовой. Важные исследования были инициированы петербургскими профессорами В.В. Семейкиным, В.Х. Манеровым и др. Новое движение стало постепенно набирать ход.

При поддержке проекта «Вера как общепсихологическая категория»

РГНФ 13-06-00590

Литература:

- Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков / Б.Г. Ананьев. – Москва, 1947.
- Братусь Б.С. Христианская психология как новое движение в России / Б.С. Братусь // Психология и христианство. – Москва, 1995.
- Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология / Б.С. Братусь. – Москва, 2000.
- Братусь Б.С. Проблема человека в психологии / Б.С. Братусь. – Вопросы психологии. – 1997. – № 5.
- Братусь Б.С. Психологический институт как замысел Г.И. Челпанова // Вестник Моск. Ун-та. Сер.14. Психология. – 1999. – № 4.
- Вектор взаимодействия (Опыт возрождения Челпановских чтений) // Человек. – № 2. – 1995.
- Введенский А.И. Психология веры / А.И. Введенский. –Сергиев Пасад, 1899.
- Владимирский Ф. Психология атеизма / Ф. Владимирский. – Почаев, 1904.
- Воробьев С.Л. Онтологические образы психологии. Начала христианской психологии / С.Л. Воробьев ; отв. ред. Б.С. Братусь, науч. ред. С.Л. Воробьев. – Москва. – 1995. – С. 85.
- Ждан А.Н. Московское психологическое общество (1885-1922) / А.Н. Ждан // Вопросы психологии. – 1995. – № 5.
- Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности / А.Н. Ждан. – Москва, 1997.
- Зенько Ю.М. Трехвековой диалог психологии и религии в России / Ю.М. Зенько // Христианское чтение. – 2000. – № 19.
- Зенько Ю.М. Психология религии. – 2-е изд.6 испр. и доп. / Ю.М. Зенько. – Санкт-Петербург, 2009.
- Зинченко В.П. Слово о Сергее Леонидовиче Рубинштейне / В.П. Зинченко // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. – Москва, 2011. – С. 287.
- Зов бытия : философско-психологический семинар (памяти Челпанова) // Человек. – 1996. – № 2, 3.
- Меньшиков М. Психология святости / М. Меньшиков. – Новое время. – 1903. – № 3.
- Культура незаочного постижения : философско-психологический семинар памяти Г.И. Челпанова // Человек. – 1995. – № 3.
- Мунипов В.П. От психотехники к инженерной психологии / В.П. Мунипов // Стиль мышления: проблемы исторического единства научного знания. – Москва, 2011. – С. 165, 174.
- Начала христианской психологии : учеб. пособие / отв. ред. Б.С. Братусь ; научн. ред. С.Л. Воробьев. – Москва : Наука, 1995.
- Ничипоров Б.В. Введение в христианскую психологию : размышления священника-психолога / Б.В. Ничипоров ; ред.-сост. В.Г. Щур. – Москва, 1994. – Вселенная духа.
- Платонов В. Психология молитвы / Вениамин Платонов. –Санкт-Петербург, 1913.
- Психология личности: новые подходы : философско-психологический семинар (памяти Г.И. Челпанова) // Человек. – 1995. – № 6.
- Феофан Затворник, свт. Собрание писем. Вып. 7. – Москва, 1995. – С. 215.
- Христианская антропология и психология в лицах. Основные авторы и работы с древнехристианского периода по настоящее время : библиограф. справочник / сост. и ред. Ю.М. Зенько. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2010.
- Ценности, смыслы, поступки : философско-психологический семинар (памяти Г.И. Челпанова) // Человек. – 1995. – № 4.
- Челпанов Г.И. Психологический институт им. Л.Г. Щукиной при Императорском Московском университете / Г.И. Челпанов. – Москва, 1914.
- Чиж В.Ф. Психология фанатизма / В.Ф. Чиж // Вопросы философии и психологии. – 1905. – № 1, 2.

References:

- Ananiev, B.G. (1947) Ocherki istorii russkoy psikhologii XVIII i XIX vekov [Essays on the history of Russian psychology of the 18th and 19th centuries]. Moscow.
- Bratus, B.S. (1995) Khristianskaya psikhologiya kak novoe dvizhenie v Rossii [Christian psychology as a new movement in Russia]. Psikhologiya i

- khristianstvo [Psychology and Christianity]. Moscow.
- Bratus, B.S. (2000) Russkaja, sovetskaja, rossijskaja psihologija [Russian, Soviet, Russian psychology]. Moscow.
- Bratus, B.S. (1997) Problema cheloveka v psikhologii [The problem of person in psychology]. Voprosy psikhologii [Issues of psychology]. 5.
- Bratus, B.S. (1999) Psikhologicheskiy institut kak zamysel G.I. Chelpanova [Psychological Institute as G.I. Chelpanov's plan]. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 14. Psychology. 4.
- (Ed.) Bratus, B.S. (1995) Nachala khristianskoy psikhologii: uchebnot posobie [The beginning of the Christian psychology: Textbook]. Moscow, Nauka.
- Chelpanov, G.I. (1914) Psikhologicheskiy institut imeni L.G. Shchukinoy pri Imperatorskom Moskovskom universitete [Schukina Psychological Institute at the Imperial Moscow University]. Moscow.
- Chizh, V.F. (1905) Psikhologiya fanatizma [The psychology of fanaticism]. Voprosy filosofii i psikhologii [Issues of Philosophy and Psychology]. 1, 2.
- Menshikov, M. (1903) Psikhologiya svyatosti [Psychology of holiness]. Novoe vremya. 3.
- (1995) Kul'tura nezaochnogo postizheniya: filosofsko-psikhologicheskiy seminar pamyati G.I. Chelpanova [Culture of direct comprehension: philosophical and psychological seminar in memory of G.I. Chelpanov]. Chelovek [Person]. 3.
- Munipov, V.P. (2011) Ot psikhotehniki k inzhenernoy psikhologii [From psychotechnics to engineering psychology]. Stil' myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya [Style of thinking: the problem of the historical unity of scientific knowledge]. Moscow, 165, 174.
- Nichiporov, B.V. (1994) Vvedenie v khristianskuyu psikhologiyu: razmyshleniya svyashchennika-psikhologa [Introduction to the Christian psychology: Reflections of the priest-psychologist]. Moscow, Vseleonnaya duha.
- Platonov, V.P. (1913) Psikhologiya molitvy [Psychology of prayer]. Sankt Petersburg.
- (1995) Psikhologiya lichnosti: novye podkhody: filosofsko-psikhologicheskiy seminar (pamyati G.I. Chelpanova) [Personality Psychology: new approaches: philosophical and psychological seminar (in memory of Chelpanov G.I.)]. Chelovek [Person]. 6.
- Theophane, the Recluse (1995) Svyatoe Sobranie pisem [St. Collection of letters]. Vol. 7, Moscow, 215.
- (1995) Tsennosti, smysly, postupki: filosofsko-psikhologicheskiy seminar (pamyati G.I. Chelpanova) [Values, meanings, and actions: the philosophical and psychological seminar (in memory of Chelpanov G.I.)]. Chelovek [Person]. 4.
- Vektor vzaimodeystviya (Opyt vozrozhdeniya Chelpanovskikh chteniy) (1995) [The vector of interaction (experience renewing Chelpanovskie readings)]. Chelovek [Person]. 2.
- Vvedenskiy, A.I. (1899) Psikhologiya very [Psychology faith]. Sergiev Pasad.
- Vladimirskiy, F. (1904) Psikhologiya ateizma [Psychology of Atheism]. Pochaiv.
- Vorobyov, S.L. (1995) Ontologicheskie obrazy psikhologii. Nachala khristianskoy psikhologii [Ontological image of psychology. Christian psychology]. Moscow, 85.
- Zen'ko, Yu.M. (Ed.) (2010) Khristianskaya antropologiya i psikhologiya v litsakh. Osnovnye avtory i raboty s drevnekhristsianskogo period po nastoyashchee vremya: bibliograficheskiy spravochnik [Christian anthropology and psychology in the people. Main authors and works from early Christian period to the present day: a bibliography]. St. Petersburg.
- Zen'ko, Yu.M. (2000) Trekhvekovoy dialog psikhologii i religii v Rossii [Three centuries of dialogue psychology and religion in Russia]. Khristianskoe chtenie [Christian reading]. 19.
- Zen'ko, Yu.M. (2009) Psikhologiya religii [Psychology of Religion]. St. Petersburg.
- Zhdan, A.N. (1995) Moskovskoe psikhologicheskoe obshchestvo (1885-1922 [Moscow Psychological Society (1885-1922)]. Voprosy psikhologii [Issues of psychology]. 5.
- Zhdan, A.N. History of Psychology: from antiquity to modernity / AN Wait. - Moscow, 1997.
- Zinchenko, V.P. (2011) Slovo o Sergee Leonidoviche Rubinshteyne [Word of Sergey L. Rubinstein]. Stil' myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya [Style of thinking: the problem of the historical unity of scientific knowledge]. Moscow, 287.
- (1996) Zov bytiya: filosofsko-psikhologicheskiy seminar (pamyati Chelpanova) [Call of existence: the philosophical and psychological seminar (memory Chelpanova)]. Chelovek [Person]. 2, 3.

О природе и происхождении психики

В.А. Иванников Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 26 мая 2015/ Принята к публикации: 2 июня 2015

On the nature and origin of the human psyche

Vyacheslav A. Ivannikov Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: May 26, 2015 / Accepted for publication: June 2, 2015

В предлагаемой статье анализируется проблема происхождения психики. Вводятся несколько допущений о природе психического, основным начальным элементом которой принимается чувственное субъективное переживание, выполняющее роль строительного материала для порождения образа предметных условий поведенческого пространства действующего субъекта и роль сенсорного чувственного языка, на котором субъект восприятия описывает окружающую его среду. Анализируются особенности физического, биологического и психического отражения и управления поведением на основе физических, биологических и психических процессов. Психическое отражение понимается как открытие субъектом отражения его поведенческого пространства (поля его приспособительного поведения). Показана невозможность построения образа предметных условий поля действий как результата трансформаций первичных следов взаимодействия внешней среды и воспринимающей системы (анализаторов) живого существа. Подчеркивается роль собственной активности субъекта восприятия в порождении образа объекта и чувства достоверности отражаемой среды. Анализируется содержание понятия «сознание». Указывается на три наиболее часто встречающихся подхода к пониманию сознания. Сознание понимается как особая форма психики, присущая только человеку. Второе понимание чаще всего встречалось в советской психологии, когда сознание считали продуктом социального бытия человека. Третье понимание сознания связано с познавательной и преобразующей (конструктивной) деятельностью человека, создающей новые условия его жизни. Сознание выступает как особый высший уровень познания мира, а человек – как идеальный (т.е. совершенный) субъект познания и преобразующей деятельности. В этом случае сознание надо понимать не как особую форму психики, а как особую работу в субъективном пространстве психики. И результат этой познавательной работы – это не столько анализ психических явлений (рефлексия), сколько понимание мира и самого себя в этом мире, в соответствии с которым человек реализует себя как социальное, духовное существо.

Ключевые слова: чувственные субъективные переживания, психика, образ, сознание, объект, предмет, предметные условия поведенческого пространства (поля действия) субъекта.

The paper analyzes the problem of the origin of the human psyche. Some assumptions about the nature of human psyche are introduced, the main element of the latter to be deemed as subjective sensory experience, which is carrying out a role of a building material to generate an image of subject conditions of behavioral space of the acting agent and the role of the sensual language by which the subject describes his/her environment. The features of the physical, biological and psychological reflection and behaviour management based on the physical, biological and psychological processes are given particular analysis. Mental reflection is deemed as the subject discovering his/her reflection of his/her behavioural space (his field of adaptive behaviour). The impossibility of constructing the image of objective conditions of the field of action as a result of transformation of primary traces the interaction of the environment and the receiving system (analyzer) of a living being is shown. The role of perceiving the subject's activity in constructing the image of the object and the feeling of the adequate perception of the environment is emphasized. The notion of "consciousness" is analyzed. First of all, consciousness is understood as a special form of psyche which occurs only to humans. The second interpretation is most common in Soviet psychology, within which consciousness is considered a product of human social life. The third meaning consists in understanding consciousness as cognitive and transformative (constructive) human activity that creates new conditions of life. Herewith consciousness is the highest level of world cognition, whereas a person is an ideal (i.e. perfect) subject of cognition and transforming activity.

Keywords: subjective sensory experience, human psyche, image, consciousness, object, subject, subject conditions of behavioural space (field of action) of the subject.

С развитием практической психологии появились новые задачи и проблемы, которые отодвигают в тень теоретическую и экспериментальную тематику психологии. Но психология не перестала быть фундаментальной наукой, требующей больших усилий для решения старых и новых теоретических проблем.

Одной из таких проблем является понимание природы и происхождения психики. Решение этой проблемы, в свою очередь, требует уточнения содержания основного понятия психологии – понятия «психика».

Способность человека отдавать себе отчет в том, что он видит, слышит, вспоминает, желает или обдумывает, позволила ввести понятие «сознания» как особой формы психики, которое стало на долгие годы основным понятием психологии

Это понятие вводилось в психологию под разными именами (душа, разум, психика и т.д.) как теоретический объяснительный конструкт, с помощью которого пытались объяснить особенность поведения живых существ, в том числе, человека. Способность человека отдавать себе отчет в том, что он видит, слышит, вспоминает, желает или обдумывает, позволила ввести понятие «сознания» как особой формы психики, которое стало на долгие годы основным понятием психологии.

Главной теоретической проблемой психологии остается вопрос о происхождении и природе того, что существует в науке под разными именами – душа, разум, психика, сознание

Долгое время понятие «сознание» и представляло собой всю психику, но введение понятия «бессознательное» разделило содержание понятий «сознание» и «психика», хотя критерия их разделения предложено не было. Предполагалось, что сознание и бессознательное есть только у человека, а что собой пред-

ставляет психика животных оставалось неясным, как остается неясным до сих пор соотношение содержания трех вышеупомянутых понятий: «психика», «сознание», «бессознательное». Равно ли содержание понятия «психика» сумме «сознание» плюс «бессознательное» или есть в психике еще что-то помимо них? А может быть нет никакого бессознательного, а есть только неосознаваемое как другая форма того, что бывает в сознании? Заметим, что и понятие «бессознательное» неоднозначно по содержанию, оно имеет два понимания: то, что не осознается в данный момент, и осо-

бая организация психики, явно не социальная по своей природе.

Главной теоретической проблемой психологии остается вопрос о происхождении и природе того, что существует в науке под разными именами – душа, разум, психика, сознание и т.д. И психология, как и другие науки, вынуждена время от времени обращаться к анализу своих основных понятий. После классических работ А.Н. Леонтьева, А.А. Запорожца, и П.Я. Гальперина по проблеме происхождения психики внимание

к этой теме в отечественной психологии было ослаблено, но интерес к ней периодически возобновляется (Миракян, 1999, 2004; Панов, 2011, 2014; Петренко, 2014; Шадриков, 2010).

Философия оставила психологии три варианта решения вопроса о природе психики (души). Вариант пер-

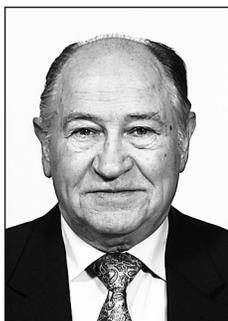
вый. Душа (дух, сознание, психика) есть не просто самостоятельная сущность, а является началом всего неживого и живого мира, всего того, что называется физический мир или живая и неживая природа. Где она (психика или душа) находится, что является ее носителем – вопросы неуместные, ибо эта сущность не может быть описана на языке физики или житейском языке.

Вариант второй. Существует Мир, Вселенная, Космос как вечное физическое, в широком смысле слова, образование разных форм и видов (получившее название «материя»), которое трансформируется (преобразуется) со временем и дает возможность существования живым существам разной степени сложности, в том числе, обладающим такой способностью как душа (психика, сознание). Живые тела подчиняются законам физики (в широком смысле, т.е. и химии, и механики и др.), но у них есть свои биологические законы существования, а существа, обладающие психикой, подчиняясь законам биологии, следуют и особым законам психологии.

Вариант третий. Существуют независимо друг от друга два самостоятельных начала мира – душа (сознание) и материя. В человеке они зачем-то могут соединяться.

Эти варианты, в основном, отвечают на вопрос: что первично, а что порождено этим первичным – душа (психика, сознание) порождает материю или, наоборот, материя порождает то, что мы называем душой (психикой, сознанием).

Попытки решения этой проблемы породили в философии две предельно общие категории – материя и сознание или материальное и идеальное. Но в дальнейшем содержание этих понятий было расширено и они стали использоваться при решении вопроса о природе психического, что не является оправданным – эти понятия работают только при обсуждении проблемы первичности или вторичности психического. При этом, материальное часто понималось как вещественное, а идеальное – как невещественное. Но идеальность психики означает другое – она вторична по происхождению и образ является конструкцией, создаваемой субъектом действия и восприятия по запросам деятельности живого существа, успешность которой зависит от адекватного по содержанию

Вячеслав Андреевич Иванников – доктор психологических наук, академик РАО, профессор кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vaiv@mail.ru

отражения внешнего мира. Понятие материя означает тоже только одно – ее возможность существования самой по себе независимо ни от чего-то другого, в том числе, от психики (сознания, души).

Решение вопроса о первичности или вторичности души (психики) важно для психологии. Но для психологии более важна другая задача – это описание и понимание той субъективной реальности (для человека), которая носит название психика.

Ведь факт объективного наблюдения за живыми и неживыми объектами (телами) говорит только о том, что большое число видов живых существ, способно учитывать в своем поведении внешний мир, точнее, предметные условия своего поля действия, имеющие для живого существа жизненное значение: пища, опасность, ориентиры для их достижения или избегания и пр. Внешнее наблюдение само по себе не дает нам возможность увидеть, выделить то, что называется психикой. Мы можем только по результатам наблюдения за изменениями поведения животного и человека предполагать наличие у них чего-то, получившего название психики, выделяя логические аргументы в пользу такой гипотезы, и получать рассказы человека о том, что он видит, слышит, о чем мечтает, чего желает и т.д.

Для объяснения этих фактов и привлекаются понятия «душа», «психика», «сознание», которые должны обеспечивать субъекту открытие его поведенческого пространства с предметным наполнением.

Объект исследования в любой науке должен наблюдаться либо непосредственно, либо с помощью приборов (телескоп, микроскоп и др.). При невозможности такого наблюдения объект должен оставлять следы своего взаимодействия с другими объектами, по характеристикам которых можно было бы судить о свойствах изучаемого объекта. Это должно относиться и к той реальности, которую мы обозначаем термином психика (сознание), но которая не является физическим объектом, хотя и существуют как особая способность некоторых живых существ. И тогда появляется научная задача: найти объективные показатели (проявления) этой особой реальности (способности) – прямые или в виде следов ее взаимодействия с миром.

Какие свидетельства наличия психики мы имеем и какие описания психики существуют в научной литературе?

Конечно, профессиональные психологи знают, что мы имеем дело с нашими образами того, что нас окружает. Но наивный наблюдатель не сомневается, что он имеет дело непосредственно с объектами внешнего мира и не подозревает о наличии у него образов этих объектов. Он видит яблоко, берет его в руки и ест его. И не надо спрашивать, что он ест – яблоко или образ яблока. В обыденном житейском сознании принято считать, что нам непосредственно

Решение вопроса о первичности или вторичности души (психики) важно для психологии. Но для психологии более важна другая задача – это описание и понимание той субъективной реальности (для человека), которая носит название психика

открывается внешняя среда и состояние нашего тела (больно, жарко, холодно и пр.). Причем внешний мир открывается нам как пространственное поле наших действий, предметная наполненность которого является либо пищей, либо опасностью, либо ориентирами или преградами на пути к ним, либо фоном, на котором разворачивается поведение субъекта. Это поведенческое пространство открывается не только человеку, который может рассказать, что он видит, слышит, ощущает, но и в каком-то виде, по своему – животным. Вспомним замечание Л. Фейербаха о том, что кошка, увидевшая мышь, не царапает свои глаза (где должно быть световое изображение мыши), а бросается на мышь, стараясь поймать ее.

Философы и психологи объясняют наивному наблюдателю, что на самом деле он имеет дело не с самими объектами, а с образами этих объектов. Сегодняшние возможности позволяют показать, что наблюдатель действительно имеет дело с чем-то, похожим на голограмму объекта, получившим название образ. И мы, как субъекты поведения и восприятия уверены, что наблюдаем реально существующие объекты, потому что в норме образ объекта и объект всегда совпадают, по крайней мере, по месту своего нахождения в поведенческом пространстве. То есть, для субъекта деятельности и восприятия воспринимаемое предметное поле действий и реальное пространство не различаются, так

как образ всегда строится в месте взаимодействия с объектом. Но с помощью специальных очков образ яблока можно сдвинуть в сторону от реального яблока и тогда попытка человека взять яблоко заканчивается неудачей – рука находит пустоту вместо яблока. Курица в таких очках многократно пытается склевать зерно в стороне от реально расположенного зерна. Это означает, что образ и объект это две разные реальности: одна – физическая, другая – субъективная.

Простейший анализ показывает, что мы описываем образ в терминах его содержания, т.е. в терминах воспринимае-

мых вещей. Еще можем указать модальность образа. И больше про психическое мы почти ничего сказать не можем. Фактически никакого описания психики мы не имеем и это не случайно – психические образы, по мнению Л.М. Веккера (Веккер, 1998), прозрачны, т.е. не могут быть восприняты ни самим субъектом восприятия, ни другими людьми. Предназначение образа – открывать субъекту поле его поведения, выдавая себя за реальные объекты. Тогда возникает вопрос: а что субъект воспринимает, если ни объекты, ни образы ему недоступны?

Понятно, что субъект открывает себе предметные условия своего поведенческого пространства и они даны ему как реальные предметы поля действий. То есть, мы должны в данном контексте развести понятие «объект», как нечто, существующее независимо от воспринимающего что-то человека, и понятие «предмет», как то, что создается субъектом восприятия на основе его чувственных языков (зрительный, слуховой, тактильный и т.д.) в его поле действий и восприятия. Понятие «образ» в этом случае становится синонимом понятия «сконструированный предмет», подчеркивающего субъектное происхождение предмета как конструкта, характеристики которого представляют субъекту (описывают на чувственном языке) отдельные свойства (характеристики) объектов из его поведенческого пространства.

В споре о первичности или вторичности психики психологии, видимо, может

устроить только второй вариант – философского решения вопроса о первичности материи и вторичности сознания (психики), при котором психика (душа, сознание) понимается как особое порождение материи, точнее, как результат способности живого существа открывать себе предметное содержание своего поведенческого пространства через конструирование предметов (предметных условий) поля своего действия.

Живые существа способны к биологическому отражению и управлению своим поведением, а это значит, что существуют разные формы

Однако многие исследователи (и философы, и психологи, и нейрофизиологи), разделяющие позицию материализма, пытаются понять психику как особый, но физико-химический процесс или особое, но физиологическое образование некоторых живых существ, кодирующих получаемую мозгом информацию о внешнем мире и управляющих на основе этой информации своим поведением. Отсюда понимание психики как закодированной в биоэлектрических импульсах нервной системы информации о среде (нервные модели стимулов – Е.Н. Соколов) или как ансамбля возбужденных нейронов, соотношенных с восприятием конкретного предмета (стола, стула), понимаемого субъектом как физический объект. В качестве доказательства приводятся

Образ по содержанию, несомненно, содержит информацию о внешнем мире и внутренних процессах организма, т.е. он обеспечивает отражение и участвует в управлении поведением живых существ. Но специфика психики, как одной из форм отражения и управления, не в этом

данные о нарушениях психики при нарушениях мозга и о возможности дешифровки нервных импульсов слуховой или зрительной системы с помощью приборов в звуки и световые изображения объектов, действовавших на рецепторы (т.е. обратного перевода вторичных физических процессов в первичные).

Но эти факты говорят только об одном – живые существа способны к биологическому отражению и управлению своим поведением на основе этого отражения, а это значит, что существуют разные формы отражения и управления. И мы знаем, что можно строить изображение объектов и управлять процессами с помощью технических устройств,

созданных человеком. Нас не удивляет работа автопилота, банкомата, автоматов на входе в метро или автобус, луно- и марсоходов; не удивляет возможность делать фото-кино и телесъемки, записывать, хранить и передавать на расстояние изображения и звуки. Мы знаем о согласованной работе различных систем организма (мышц, желез, сердца и легких) на основе биологической саморегуляции, о кодировании в нервной

системе воздействий внешнего мира и создании нервных моделей стимулов. Это все примеры возможностей получать и передавать информацию и управляющие команды на физической и биологической основе.

Но технические устройства (компьютер, телевизор, магнитофон и пр.) только преобразовывают (трансформируют) входящие воздействия и на выходе создают такую их конфигурацию, которая человеком воспринимается и интерпретируется как зрительное изображение или звуковые сигналы. Ни телевизор, ни компьютер сами ничего не видят и не слышат, они трансформируют входящие физические воздействия по правилам, заданным им человеком. Субъект же через психический образ открывает себе поле своей деятельности, но этот

процесс открытия совершается за счет собственной активности субъекта и субъективных чувственных переживаний, выполняющих функции строительного материала и языка описания среды, в которой разворачивается поведение. Конечно, образ не может быть создан без работы нервной системы, как не может быть ходьбы или рисования портрета без работы мышц и нейронов. Но рисуют и ходят не нейроны и мышцы, а человек, как едут не мотор и колеса автомобиля, а тот, кто ими управляет или запускает движение (человек или робот).

Образ по содержанию, несомненно, содержит информацию о внешнем мире и внутренних процессах организма, т.е.

он обеспечивает отражение и участвует в управлении поведением живых существ. Но специфика психики, как одной из форм отражения и управления, не в этом.

Сейчас у нас любят ругать теорию отражения, как будто бы она виновата в том, что этой проблемой интересовался В.И. Ленин и его вольные и невольные последователи. Но, видимо, следует признать возможность трех форм или способов отражения и управления: физическое, биологическое и психическое. Принципиальное отличие психического от других форм или способов отражения заключается в том, что оно обеспечивает субъекту поведения «открытие» его поля действий или, точнее, предметных условий его поведенческого пространства и позволяет субъекту управлять поведением и регулировать его параметры на основе этого образа. Конструирование образов поля действий обеспечивает особый способ получения информации о среде и управления поведением.

Физическое отражение можно понять как следы взаимодействия объектов, которые сохраняют в себе некоторые характеристики этих объектов. Используя данную возможность, человек создает специальные физические устройства, записывающие, хранящие и передающие на большие расстояния информацию о происходящих событиях и создающие управленческие команды на основе этой информации.

Биологическое отражение есть трансформация первичных физико-химических следов взаимодействия рецепторов с различными воздействиями на них в физиологические процессы (вторичные следы), кодирующие воздействия, в том числе, в нервной системе, где в итоге создаются нервные модели этих воздействий. Закодированная в физиологических процессах информация используется организмом и субъектом поведения для управления и регуляции жизненных процессов.

Можно и следует предположить, что нейрофизиологические процессы, в свою очередь, тоже можно трансформировать (преобразовывать), например, в чувственные субъективные переживания (эмоциональные чувствования), которые должны возникать как реакция некоторых нейронов на приходящие к ним

биоэлектрические импульсы. Эти субъективные переживания, как своеобразные эмоциональные чувствования, могут служить предшественниками эмоций и ощущений. Конечно, требуется допущение, что такая способность нейронов реагировать чувственными субъективными переживаниями на приходящие к ним биоэлектрические импульсы должны быть их особым свойством и закрепляться генетически.

Эти переживания должны быть результатом взаимодействия живого существа с условиями среды, а не просто свойством организмов или объектов среды. Поэтому они существуют не постоянно, а только во время физического взаимодействия живого существа (его рецепторов) с физико-химическими объектами или излучениями среды, следы которых трансформируются (преобразуются) вначале в биоэлектрическую активность, а затем в чувственные переживания.

Субъективное переживание, которое мы можем считать (если договоримся) первичным психическим образованием, – это не статическое постоянное образование, а результат динамического процесса и он должен все время возобновляться (в том числе и при воспоминании). Но оно предполагает наличие у живого существа особого свойства – реагирования при взаимодействии с объектами или энергетическими потоками среды чувственными субъективными переживаниями (чувствованиями).

Возникающие чувственные субъективные переживания являются, прежде всего, знаками раздражителей, взаимодействующих с рецепторами. Но одновременно они свидетельствуют об особых свойствах объектов, прямо или опосредованно (через световые лучи, ультразвук и пр.) взаимодействующих с рецепторами (например, то, что обеспечивает красный цвет предмета). Это означает, что чувственные переживания можно понять как чувственный язык, на котором можно описывать объекты окружающей среды через конструирование предметов или порождение эмоциональной оценки ситуации для субъекта.

Первоначально чувственные переживания могли не иметь какой-либо биологической функции, а если и использовались субъектом для ориентировки собственного поведения, то не обеспечивали больших преимуществ по срав-

нению с биологическим отражением. Но изначальная способность живых существ обладать свободной спонтанной активностью позволила им поставить эту свою

Изначальная способность живых существ обладать свободной спонтанной активностью позволила им поставить эту свою активность на службу адаптации – появляется приспособительное поведение живых существ, становящихся субъектами адаптивной деятельности, которая развертывается в физическом пространстве жизни этих субъектов и подчиняется требованиям жизненных задач организма и предметным условиям среды

активность на службу адаптации – появляется приспособительное поведение живых существ, становящихся субъектами адаптивной деятельности, которая развертывается в физическом пространстве жизни этих субъектов и подчиняется требованиям жизненных задач организма и предметным условиям среды.

В этом пространстве находятся различные объекты, часть из которых имеет для живых существ важное биологическое значение: пища, опасность, преграды, ориентиры и пр. Некоторые биологически важные объекты сами передвигаются в пространстве и поэтому у субъекта поведения часто возникает задача поиска, преследования и захвата добычи или ухода от опасности. Это предполагает знание признаков (ориентиров) этих объектов, их места нахождения, знание местности, где развертывается поведение, умения использовать эти сведения для управления своим по-

Чувственные переживания сами по себе не могут «открыть» субъекту внешний мир, а, точнее, предметные условия поля его действий. В лучшем случае они способны создавать чувственные контурные картинки воздействующей среды

ведением. А для этого надо уметь «открывать» себе поле своего поведения и управлять на основе этого открытия своей деятельностью. Эта задача начинает решаться субъектом поведения с помощью чувственных субъективных переживаний. Возникая в эволюции как следствие особого устройства и свойств организма, чувствования встраиваются в приспособительную деятельность субъекта активности, обслуживая ее (Леонтьев, 1994). Эту биологическую роль чувствований четко обозначил И.М. Сеченов и защищали А.Н. Леонтьев и С.Л. Рубинштейн, сформулировавший положение о единстве психики и дея-

тельности. Очень убедительно роль чувствований в регуляции поведения показал А.В. Запорожец.

Чувственные переживания сами по

себе не могут «открыть» субъекту внешний мир, а, точнее, предметные условия поля его действий. В лучшем случае они способны создавать чувственные контурные картинки воздействующей среды. Но эти переживания могут стать тем строительным материалом, из которого живое существо с помощью собственной активности может строить образ поведенческого пространства с расположенными в нем предметами. Другими словами, субъективные чувственные переживания сами по себе не могут трансформироваться в образы объектов. Глаз имеет дело со светом, но видим мы не свет, а источники света и освещенные предметы – столы, стулья, деревья, камни и др. Нужна особая активность субъекта восприятия по построению образа предметных условий поведенческого пространства или, другими словами, по конструированию предметного поведенческого поля.

Основой или средством открытия субъектом поля своего действия, т.е. построения образа поведенческого пространства, может быть только собственная его активность при решении задачи построения образа в виде своего передвижения в пространстве и оценки влияния этих передвижений на субъективные чувственные картинки среды. Это понимал и очень четко выразил А.А. Ухтомский, отметив, что «...образ поведения определяет образ рецепции...» (Ухтомский, 1978, С. 255), «Рецептируемая среда изменяется в зависимости от образа поведения животного» (Там же, С. 254) и «Нужно нарочито действовать, чтобы

хорошо отображать» (там же, С. 253). Передвижение субъекта в пространстве и манипуляции с объектом меняют его чувственные картинки, что позволяет соотносить контуры изображений с реальным объектом при контакте с ним. А это значит, что «зрение превращается в рассматривание, слух – в акустическое исследование» (там же, С. 255).

Именно двигательный образ становится примером для построения образов пространства поведения на языке других модальностей. Только собственное движение в пространстве может «растянуть» плоское зрительное изображение в объемное пространство с объемными предметами в нем

Поведенческое пространство, т.е. поле действий субъекта предметных условий может быть описано (как образ поля приспособительной деятельности) на разных чувственных языках – гладкая поверхность стола на свету блестит, при ощупывании она скользкая и холодная. Но первым таким языком мог быть только язык движений, и первый образ поля действия мог быть только моторным двигательным образом, обогащенным тактильными ощущениями от объектов в этом поле (Зинченко, 2010). Обобщая исследования восприятия А.Н. Леонтьев писал, что «... решающая роль в процессах восприятия принадлежит их эфферентным звеньям» (Леонтьев, 1975, С. 66).

Каждый вид живых существ имеет свой набор биологически важных для него объектов и свои языки, на которых эти объекты описываются. Поэтому каждый вид открывает свое субъектное жизненное пространство, свои миры, свое предметное наполнение поля действия, необходимое для успеха поведения

Образ поля приспособительной деятельности строится как передвижением всего тела в пространстве, так и движениями отдельных частей тела: конечностей, головы, органов чувств. Но первичным и главным остается передвижение в пространстве и манипуляции с объектом. Именно двигательный образ становится примером для построения образов пространства поведения на языке других модальностей. Только собственное движение в пространстве может «растянуть» плоское зрительное изображение в объемное пространство с объемными предметами в нем. Этот эффект усиливается при наличии парных рецепторов, получающих одновременно немного отличающуюся информацию об одном и том же объекте.

Гениальный И.М. Сеченов проницательно указал, что глаз учится у руки обследовать предмет, а Л.М. Веккер очень точно отметил важную роль тактильных ощущений в построении образа и появления чувства достоверности в наличии объекта.

Приспособительное двигательное поведение приводило к изменению зри-

тельных (и других модальностей) картинок. Вначале это были побочные изменения субъективных картинок, как результат приспособительного поведения, но затем субъект стал производить намеренные движения и не только передвижения всего тела в пространстве, но и движения конечностей, головы и органов чувств (например, глаз) для выявления эффектов изменений сенсорных картинок. К прагматическому приспособительному поведению добавилось исследовательское поведение субъекта с главной функцией – построения образа предметных условий поля поведения, что специально подчеркивал А.В. Запорожец.

Главной функцией чувственных субъективных

переживаний стало не выполнение ими роли знаков воздействия на рецепторы, как ориентиров, а участие в «открытии» субъекту предметных условий поля его действий, его поведенческого пространства. Чувственные переживания стали служить «телом» строящихся на основе собственной активности живых существ, образов предметных условий поля действия (предметов поведенческого пространства) и сенсорным чувственным языком описания этих объектов. В терминологии А.Н. Леонтьева они становятся чувственной тканью образов сознания (Леонтьев, 1975). Сам образ есть результат активности субъекта, прежде всего, двигательной, описывающего предметные условия поля своего действия на моторном и сенсорных языках.

У движений (и действий) субъекта есть еще одна важная роль – они обеспечивают впечатление достоверности наличия в поле действия реальных объектов. Сопротивление объектов движению субъекта и тактильные ощущения от них, успешное использование объектов в жизни субъекта создают у него чувство уверенности наличия физического объекта в пространстве деятельности субъекта. Границы объекта «... обнаруживаются, как только деятельность субъекта вынуждена подчиняться объекту» (Леонтьев, 1975, С. 62). В своих физических действиях субъект всегда имеет дело с объектами реального мира.

Особенно заметной роль собственной двигательной активности субъекта при построении образа ситуации становится в условиях инвертированного зрения или в специально созданных условиях (например, комната Эймса). В этих условиях субъект своими действиями преобразует правдоподобный по некоторым критериям образ в предметы, адекватные своим действиям. Это означает, что образ объекта «строится» не органами чувств и мозгом (но с их помощью), а действующим субъектом по требованиям его деятельности и образ объекта не является его точной копией или полным знанием о нем. Образ – это искаженный в пользу приспособительной деятельности предмет.

Каждый вид живых существ имеет свой набор биологически важных для него объектов и свои языки, на которых эти объекты описываются. Поэтому каждый вид открывает свое субъектное жизненное пространство, свои миры, свое предметное наполнение поля действия, необходимое для успеха поведения. Л.С. Выготский говорил о том, что психика искажает действительность в пользу организма, а А.Н. Леонтьев (Леонтьев, 1975) писал, что субъект «вычерпывает» из реальной действительности то, что ему необходимо. Поэтому образ по содержанию всегда беднее объекта.

Один и тот же объект для разных видов живых существ представлен по-разному, в зависимости от того сенсорного языка, на котором объект описывается. Например, цветок в спектре видимого света выглядит иначе, чем в ультрафиолете, а значит, объект и образ (как сконструированный предмет) не совпадают между собой. Каждое свойство объекта

может быть описано на разных сенсорных языках, о чем уже говорилось (полированная поверхность объекта на свету – блестит, на ощупь – гладкая, по температурным ощущениям – холодная).

Чувственное субъективное переживание можно считать основным и эволюционно первичным элементом психики. Образы поля действия с предметами в нем есть второй элемент психики, создаваемый собственной активностью субъекта. Но психика – это не только отражение. Отражение нужно для управления поведением, а чтобы управлять им на основе психики, надо иметь возможность на основе содержания образов создавать пусковые и регулирующие команды, надо научиться действовать в плане образов так, как действует субъект через различную мышечную активность. Такое умение позволяет субъекту поведения находить новые способы поведения в новых, необычных для него условиях без реальных поведенческих проб. А эта задача требует развития представлений и воображения у субъектов действий, способности решать ими различные приспособительные задачи, т.е. мышления. Активность в субъективном плане образов предметных условий поля действия есть третья составляющая психики.

Высказанные выше положения, конечно, во многом гипотетичны, поэтому надо еще раз четко зафиксировать эти предположения для выделения логики рассуждений.

Первое предположение заключается в утверждении природного биологического происхождения психики. Начальной психикой можно считать чувственные субъективные переживания (чувствования), возникающие как результат взаимодействия живого существа с окружающей средой. Они возникают, благодаря особому свойству особых клеток живого существа реагировать на раздражение чувственным субъективным переживанием, делая владельца этих клеток (живое существо – организм) субъектом переживаний. Из этих переживаний вырастают различные по модальности ощущения и эмоции.

Природная психика становится составляющей приспособительной деятельности живого существа (ее субъективным звеном или операцией), поэтому ее содержание и функциони-

рование определяется задачами деятельности (И.М. Сеченов, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн). В.П. Зинченко (Зинченко, 2011) отмечает, что в исследованиях П.Я. Гальперина убедительно показано, что психика находится «внутри» действия. Этим подтверждается позиция И.М. Сеченова и раскрывается положение С.Л. Рубинштейна о единстве психики и деятельности.

Сама приспособительная деятельность рождается из свободной спонтанной активности живого существа, присущей ему по природе живого, поэтому, видимо, надо решать не проблему происхождения свободной активности человека, а проблему порождения детерминированной задачи жизни приспособительной деятельности из первичной свободной активности живого существа, которая никуда не исчезает в онтогенезе.

Такая позиция помещает психологию в сферу естественнонаучных дисциплин, занимающихся исследованием живого. Но естественнонаучной дисциплиной психология может оставаться только до появления человека как социального существа и личности, действующей в мире не только ради своих потребностей и личной выгоды, но и ради собственного решения – «надо», живу-

Становление человека как социального существа меняет статус психики – психика человека не столько адаптирует его к наличным условиям жизни, сколько конструирует новые способы, новые средства и новые условия жизни, влияющие не только на человека, но и на жизнь многих видов живых существ

щей не только в физическом мире, но и в мире культуры. А.Н. Леонтьев специально подчеркивал, что восприятие человека основано не только на личном опыте, но и на общественной практике (Леонтьев, 1975, С. 69).

Второе утверждение (точнее предположение) заключается в том, что чувственное субъективное переживание, используемое субъектом вначале в качестве ориентиров поведения, становится строительным материалом для порождения образа предметных условий поведенческого пространства и сенсорным чувственным языком для описания объектов внешнего мира.

Третье утверждение признает, что образ поля действия и отдельных объектов в нем не может строиться как тран-

сформация (преобразование) следов взаимодействия, а создается только за счет собственной активности субъекта, прежде всего, мышечно-двигательной. Собственное передвижение в пространстве и манипуляции с объектами обеспечивают первичную достоверность воспринимаемых предметов поля действий как свидетельства наличия объектов в поведенческом пространстве. Главным свойством образов является их пространственное совпадение с реальными физическими объектами в поведенческом пространстве, но только в пределах поведенческого пространства. Вне поля действий это совпадение исчезает – параллельные линии зрительно сходятся в одну точку, пропадает константность величины, формы, цвета предметов и т.д.

Четвертое представление заключается в утверждении превращения психики из служанки деятельности в хозяина способа жизни человека и его превращения из биологического существа в существо социальное и личность (В.А. Иванников).

Переход человека к трудовой деятельности как к основному и главному способу его жизни позволяет ему стать социальным существом и личностью, живущей не только в пространстве природы, но, главным образом, в простран-

стве общества и пространстве межличностных отношений (пространство культуры), что невозможно без появления сознания. Становление человека как социального существа меняет статус психики – психика человека не столько адаптирует его к наличным условиям жизни, сколько конструирует новые способы, новые средства и новые условия жизни, влияющие не только на человека, но и на жизнь многих видов живых существ (то, что К. Маркс называл исторической природой).

Психика человека начинает функционировать не только как составляющая приспособительной деятельности, ее субъективное звено, но и как поле самостоятельной произвольной активности человека как духовного существа, живу-

щего в особом пространстве, которое складывается в плане сознания как поле активности человека, решающего творческие, конструктивные задачи, задачи поиска смысла жизни и своего места в ней через произвольные психические процессы, функционирующие как высшие психические функции личности.

Главной особенностью психики человека считается его сознание. Но содержание понятия «сознание», к сожалению, до сих пор остается неопределенным, несмотря на серьезные исследования различных аспектов этой проблемы в зарубежной и отечественной психологии (В.М. Аллахвердов, А.В. Карпов, В.Ф. Петренко, Г. Хант и др.).

Можно указать на три наиболее часто встречающихся понимания сознания.

Сознание понимается как специфическая форма психики, присущая только человеку. Это природная особенность психики человека как представителя особого вида живых существ.

трех истин не бывает, поэтому надо искать в них то общее, что может их объединить, или признать, что это разные способности психики человека и понятие сознания надо закрепить лишь за одной из них. Конечно, возможны и другие решения проблемы сознания, но эти решения должны четко выделять критерии сознания как особой формы или уровня психики

В советской психологии сознание чаще всего понималось как продукт социального бытия человека. Практически общепринято, что сознание является приобретенным умением человека отдавать себе отчет в том, что он сейчас делает, делал раньше или только собирается делать. Задача слежения за собой диктуется требованиями общества, которые человек выполняет посредством своей произвольной намеренной активности.

Третье понимание сознания связано с познавательной и преобразующей

(конструктивной) деятельностью человека, создающей новые условия его жизни. Сознание выступает как особый высший уровень познания мира, а человек – как идеальный (т.е. совершенный) субъект познания и преобразующей деятельности (Панов, 2011).

Каждое из этих пониманий сознания похоже на правду. Но трех истин не бывает, поэтому надо искать в них то общее, что может их объединить, или признать, что это разные способности психики человека и понятие сознания надо закрепить лишь за одной из них. Конечно, возможны и другие решения проблемы сознания, но эти решения должны четко выделять критерии сознания как особой формы или уровня психики.

Если мы принимаем положение, что сознание есть способность или умение отдавать отчет о своих поступках, желаниях, мыслях и о других психических процессах, то мы получаем возможность объяснять способность человека рабо-

тать со своими желаниями и идеями, стыдиться их или испытывать гордость за себя, анализировать свои личностные выборы и ставить задачу изменения самого себя. Но при таком понимании сознания оно никак не участвует в построении образа мира и в управлении своей деятельностью на основе такого образа.

Если сознание понимать как особый, более сложный уровень познания (и управления своей деятельностью), на котором субъект создает не чувственные знания в виде информации или свиде-

ний о предметных условиях пространства своей приспособительной деятельности, а знания в виде понимания мира (внечувственные знания), в котором человек живет как существо социальное, существо духовное, как личность, ориентирующаяся не только на физические и биологические условия деятельности, но и на условия, порожденные обществом, в том числе, культурой, то мы можем объяснить способность человека к созидательной трудовой деятельности, к созданию и восприятию литературных, музыкальных, живописных и научных произведений. Эта способность к пониманию мира, в том числе, и своего общественного и духовного бытия предполагает и возможность познания самого себя как личности, отвечающей за свои деяния в мире, переживающей свои неудачи и радующейся за свои достижения, отстаивающей свои ценности и при необходимости перестраивающей саму себя. Эта работа личности, как и само ее существование, невозможны без появления плана (сферы) сознания, в котором представлен и мир, и человек.

Такое понимание сознания означает, что способность отдавать себе отчет о своих делах и содержании психических процессов является составной частью познавательной активности человека. И тогда сознание надо понимать не как особую форму психики, а как особую работу в субъективном пространстве психики. И результат этой познавательной работы – это не столько анализ психических явлений (рефлексия), сколько понимание мира и самого себя в этом мире, в соответствии с которым человек реализует себя как социальное, духовное существо.

Высказанные нами положения во многом гипотетичны и мы надеемся на обсуждение этих важных для психологии вопросов.

Литература:

Аллахвердов В.М. Размышление о науке психологии с восклицательным знаком / В.М. Аллахвердов. – Санкт-Петербург, 2009.

Веккер Л.М. Психика и реальность / Л.М. Веккер. – Москва : Смысл, 1998.

Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1-6 / Л.С. Выготский. – Москва : Педагогика, 1982-1984.

Гальперин П.Я. Введение в психологию / П.Я. Гальперин. – Москва : МГУ, 1976.

Гальперин П.Я. Лекции по психологии / П.Я. Гальперин. – Москва : Высшая школа, 2002.

Запорожец А.В. Избранные психологические труды. В 2 т. / А.В. Запорожец. – Москва : Педагогика, 1986.

Зинченко В.П. Мои Учителя и Заслуженные собеседники / В.П. Зинченко // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. – Москва : РОССПЭН, 2011.

Зинченко В.П. Сознание и творческий акт / В.П. Зинченко. – Москва : Языки славянских культур, 2010.

Иванников В.А. Основы психологии / В.А. Иванников. – Москва : Питер, 2010.

Карпов А.В. Психология сознания / А.В. Карпов. – Москва : Издательский дом РАН, 2011.

- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – Москва : Политиздат, 1975.
- Леонтьев А.Н. Философия и психология / А.Н. Леонтьев. – Москва : МГУ, 1994.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – Москва : МГУ, 1981.
- Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Кн. 1. / А.И. Миракян. – Москва : Ин-т психологии РАН, 1999.
- Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Кн. 2. / А.И. Миракян. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2004.
- Панов В.И. Парадоксы изучения психики и возможность их преодоления / В.И. Панов // Национальный психологический журнал. – 2011. – №1 (5). – С. 50-54.
- Панов В.И. Экопсихология. Парадигмальный поиск / В.И. Панов. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014.
- Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В.Ф. Петренко. – Москва : Новый хронограф, 2010.
- Петренко В.Ф. Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания / В.Ф. Петренко, А.П. Супрун // Психологический журнал. – 2014. – Т.35. – №6. – С. 69-85.
- Проблема сознания в философии и науке / под ред. Д.И. Дубровского. – Москва : Канон+, 2009.
- Рубинштейн С.Л. Пути и достижения советской психологии / С.Л. Рубинштейн // Проблемы общей психологии. – Москва : Педагогика, 1973. – С.136-158.
- Сеченов И.М. Избранные произведения / И.М. Сеченов. – Москва : Учпедгиз, 1953.
- Соколов Е.Н. Нервная модель психики и ориентировочный рефлекс / Е.Н. Соколов // Вопросы психологии. – 1960. – №4. – С. 61-72.
- Ухтомский А.А. Избранные труды / А.А. Ухтомский. – Ленинград : Наука, 1978.
- Хант Г. О природе сознания / Г. Хант. – Москва : Из-во Института трансперсональной психологии, 2004.
- Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека / В.Д. Шадриков. – Москва : Логос, 2010.

References:

- Allakhverdov, V.M. (2009) Razmyshlenie o nauke psikhologii s vosklitsatel'nyim znakom [Thinking about the science of psychology with an exclamation point]. St. Petersburg.
- Dubrovsky, D.I. (ed.) (2009) Problema soznaniya v filosofii i nauke [The problem of consciousness in philosophy and science]. Moscow, Kanon+.
- Galperin, P.Ya. (1976) Vvedenie v psikhologiyu [Introduction to Psychology]. Moscow: MGU.
- Galperin, P.Ya. (2002) Leksii po psikhologii [Lectures on psychology]. Moscow Vysshaya shkola.
- Hunt, H. (2004) O prirode soznaniya [On the nature of human consciousness]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta transpersonal'noy psikhologii.
- Ivannikov, V.A. (2010) Osnovy psikhologii [Fundamentals of psychology]. Moscow, Piter.
- Karpov, A.V. (2011) Psikhologiya soznaniya [Psychology of consciousness]. Moscow, Izdatel'skiy dom RAN.
- Leontiev, A.N. (1975) Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activities. Consciousness. Person]. Moscow, Politizdat.
- Leontiev, A.N. (1994) Filosofiya i psikhologiya [Philosophy and Psychology]. Moscow, MGU.
- Leontiev, A.N. (1981) Problemy razvitiya psikhiki [Problems of mental development]. Moscow, MGU.
- Mirakyan, A.I. (1999) Kontury transsentsional'noy psikhologii [The contours of the transcendental psychology]. Book 1. Moscow, Institut Psikhologii RAN.
- Mirakyan, A.I. (2004) Kontury transsentsional'noy psikhologii [The contours of the transcendental psychology]. Book 2. Moscow, Institut Psikhologii RAN.
- Panov, V.I. (2011) Paradokсы izucheniya psikhiki i vozmozhnost' ikh preodoleniya [Paradoxes of studying the human psyche and the ability of overcoming them]. Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal [National psychological journal]. 1 (5), 50-54.
- Panov, V.I. (2014) Ekopsikhologiya. Paradigmal'nyy poisk [Ecopshology. Paradigmatic search]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya.
- Petrenko, V.F. (2010) Mnogomernoe soznanie: psikhosemanticheskaya paradigma [Multidimensional consciousness: Psychosemantic paradigm]. Moscow, Novyy khronograf.
- Petrenko, V.F. (2014) Vzaimosvyaz' kvantovoy fiziki i psikhologii soznaniya [The relationship of quantum physics and psychology of consciousness]. Petrenko, V.F., & Suprun, A.P. Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]. Vol. 35, 6, 69-85.
- Rubinsteyn, S.L. (1973) Puti i dostizheniya sovetskoy psikhologii [Ways and achievements of Soviet psychology]. Problemy obshchey psikhologii [Problems of general psychology]. Moscow, Pedagogika, 136-158.
- Sechenov, I.M. (1953) Izbrannye proizvedeniya [Selected papers]. Moscow, Uchpedgiz.
- Sokolov, E.N. (1960) Nervnaya model' psikhiki i orientirovochnyy refleks [Nervous model of the psyche and orientation reaction]. Voprosy psikhologii [Issues of psychology]. 4, 61-72.
- Ukhtomsky, A.A. (1978) Izbrannye trudy [Selected papers]. Leningrad, Nauka.
- Shadrikov, V.D. (2010) Mir vnutrenney zhizni cheloveka [World of individual's inner life]. Moscow, Logos.
- Vekker, L.M. (1998) Psikhika i real'nost' [Mind and Reality]. Moscow, Smysl.
- Vygotsky, L.S. (1982-1984) Sbranie sochineniy [Collected papers]. Vol. 1-6. Moscow, Pedagogika.
- Zaporozhets, A.V. (1986) Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected psychological works]. 2 Vol. Moscow, Pedagogika.
- Zinchenko, V.P. (2011) Moi uchitelya i zaslužhennyye sobesedniki [My teachers and honoured interlocutors]. Stil' myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya [Style of thinking: the problem of the historical unity of scientific knowledge]. Moscow, ROSSPEN.
- Zinchenko, V.P. (2010) Soznanie i tvorcheskyy akt [Consciousness and the creative act]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Стратегическое партнерство между Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова и Российской академией образования

The strategic partnership between the Lomonosov Moscow State University and the Russian Academy of Education

В.А. Садовничий
и Л.А. Вербицкая

2 июня 2015 года состоялось подписание соглашения о сотрудничестве между Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова и Российской академией образования.

На встрече с ректором МГУ Виктором Антоновичем Садовничим Президент РАО Людмила Алексеевна Вербицкая отметила: «Московский университет и Российская академия образования давно сотрудничают, но сегодня, подписывая этот договор, мы вступаем в новый этап наших отношений. МГУ и РАО являются участниками «Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период». Мы можем объединить усилия по реше-

нию научных проблем, обозначенных в этой программе».

В ходе обсуждения конкретных вопросов сотрудничества между МГУ и РАО Виктор Антонович и Людмила Алексеевна обсудили основные направления и формы совместной деятельности в образовательной и научно-исследовательской сферах: координация работы по созданию и внедрению образовательных стандартов, учебных планов и программ, обмен учебно-методическими материалами, совместные мероприятия по продвижению русского языка, укреплению его позиций как государственного и языка международного общения, создание совместных программ дополнительного образования,

проведение совместных научных исследований, выполнение крупных научных проектов, в том числе с созданием совместных временных творческих коллективов в рамках реализации «Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период».

Результатом стало соглашение о стратегическом партнерстве между Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова и Российской академией образования. Рассматривая перспективы сотрудничества Л.А. Вербицкая особо отметила роль психологических знаний в понимании роли науки и адаптации результатов исследований к реалиям современной жизни.

Новые информационные технологии в социальных исследованиях: постнеклассическая парадигма

Г.Я. Меньшикова, Ю.П. Зинченко,

А.И. Ковалев, Л.А. Шайгерова Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Поступила 27 октября 2015/ Принята к публикации: 7 ноября 2015

New information technologies in social studies: postnonclassical paradigm

Galina Ya. Menshikova, Yury P. Zinchenko, Artem I. Kovalev, Ludmila A. Shaigerova Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: October 27, 2015 / Accepted for publication: November 7, 2015

В статье обсуждаются актуальные вопросы применения технологии виртуальной реальности в социальных исследованиях, в частности, при изучении процессов этнокультурной идентификации, формирования этнических и расовых установок, при разработке «виртуальных аватаров» для диагностики конфликтов, развитии навыков коммуникации у партнеров, принадлежащих к разным культурам, при организации виртуального взаимодействия и видеоконференций. Одним из ключевых вопросов является обсуждение необходимости использования постнеклассической парадигмы как концептуальной основы социальных исследований. Отмечается, что современные социальные исследования требуют развития новых методов, технологий и приемов на всех уровнях проведения исследования – от этапа постановки задачи, к разработке новых методов и до анализа полученных результатов. Одним из наиболее перспективных методов, стремительно развивающихся в последние годы, становится технология виртуальной реальности (VR). В статье представлен анализ более 40 экспериментальных исследований, выполненных с применением CAVE и HMD систем виртуальной реальности. Рассматривается их использование в целях изучения особенностей вербальной и невербальной коммуникации, тренинга социальных навыков, коррекции социальной тревожности, разработки новых методов когнитивно-бихевиоральной терапии. Анализируются работы по изучению взаимодействия с виртуальными партнерами – «аватарами». Обсуждаются факторы, влияющие на коммуникационные способности «аватаров», их зрительный и поведенческий реализм, проблемы восприятия виртуальных людей как реальных партнеров по социальному взаимодействию. Особое внимание в статье уделено немногочисленным работам, посвященным исследованиям расовых и межэтнических установок, выполненным с помощью виртуальных систем. Обсуждаются возможности расширения практического применения технологии VR для формирования позитивных установок и развития коммуникативных навыков в социокультурном контексте.

Ключевые слова: постнеклассическая парадигма, социальные исследования, технология виртуальной реальности, межэтнические и межрасовые установки, вербальная и невербальная коммуникация, аватар.

The paper discusses topical issues of virtual reality technologies in social research, particularly when studying the processes of ethnic cultural identity, development of ethnic and racial attitudes using «virtual avatars» for managing ethnic conflicts, development of communication skills in representatives of different cultures using virtual collaboration and video conferencing. One of the key issues of the paper to discuss the necessity of post-non-classical paradigm as a conceptual framework for social research. Contemporary social studies require developing new methods, technologies and techniques at all levels of the research: from task setting to the development of new methods and result analysis. One of the most promising methods rapidly developed in recent years is virtual reality technology. The paper presents the analysis of more than 40 experimental studies performed using CAVE and HMD virtual reality systems. Their application is considered hereunder for the studies of verbal and non-verbal cues in communication, social skills training, treatment of social anxiety disorders and the development of new methods of cognitive behavioural therapy. Studies on interpersonal communication with virtual partners (i.e. «avatars») are considered. Factors affecting the communication quality of avatars, its visual and behavioural realism, problems of seeing virtual human as real partners for social interaction are discussed. Special attention is paid to the studies of racial and ethnic attitudes performed using virtual reality systems. The possibilities of practical applications of the VR technologies for shaping positive attitudes and development of communication skills in a sociocultural context are emphasized.

Keywords: postnonclassical paradigm, social studies, technology of virtual reality, ethnic and racial, verbal and nonverbal communication, avatar

В последние десятилетия процессы глобализации и культурного инкорпорирования приводят к возникновению новых проблем, связанных с вопросами межнационального и межэтнического взаимодействия (Zinchenko et al., 2010, Zinchenko et al., 2011), информационной безопасности (Солдатова, Рассказова, 2014), ростом ксенофобии и экстремизма (Soldatova, 2007). В сложившихся условиях все большее значение приобретают вопросы разработки новых теоретических подходов к анализу глобальных

социальных процессов (Бао, Poppel, 2012), которые необходимо проводить в рамках междисциплинарного подхода с применением научной методологии, релевантной многократно усложнившимся объектам изучения. Именно поэтому постнеклассическая парадигма все чаще становится концептуальной основой социальных исследований в различных областях (Pervichko, Zinchenko, 2014, Pervichko, Zinchenko, 2015). Модели сложных саморазвивающихся систем наиболее адекватно отражают процессы, происходящие в обществе, измене-

ния в поведении больших и малых социальных групп людей. Применение постнеклассической парадигмы предъявляет новые требования и к конкретно-научной методологии, что выражается в поиске новых исследовательских методов, методик, технологий и приемов.

Примером нового метода, проявившего свою эффективность в исследованиях, проведенных в областях когнитивной, социальной и организационной психологии, является технология виртуальной реальности. Системами виртуальной реальности (ВР) называют комплексы технических средств, позволяющих имитировать трехмерную виртуальную среду, а также взаимодействие с этой средой путем воздействия на органы чувств человека. В свою очередь, под виртуальной средой (ВС) понимают созданный техническими средствами мир виртуальных объектов, формируемый через ощущения человека: зрение, слух, обоняние, осязание и другие. Для изучения процессов социального взаимодействия в ВС были разработаны «аватары» – созданные компьютерными средствами «виртуальные партнеры по общению», моделирующие поведение реальных людей.

Благодаря широким возможностям в области создания различных ВС, системы ВР позволяют проводить психологические исследования на качественно новом уровне. Анализ работ, проведенных в научном междисциплинарном центре «Виртуальная реальность» факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, показал эффективность применения CAVE технологии ВР в изучении таких сложных феноменов, как формирование когнитивных карт пространства (Lakhtionova, Menshikova, 2013), восприятие трехмерных зрительных иллюзий (Menshikova, 2013), нарушение вестибулярной функции (Kovalev et al., 2014).

Одним из новых направлений применения систем ВР в психологических исследованиях становится изучение социальных процессов. Это обусловлено наличием многочисленных научных и прикладных задач, которые затруднительно или невозможно решать при помощи только классических методов исследования (социально-психологических опросников, анкетирования и т.д.). К таким задачам относятся изучение процессов этнокультурной идентификации, формирования межэтнических и меж-

Галина Яковлевна Меньшикова – доктор психологических наук, зав. лабораторией «Восприятие» факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Автор 80 статей.
E-mail: gmenshikova@gmail.com

Юрий Петрович Зинченко – доктор психологических наук, профессор, академик РАО, заведующий кафедрой методологии психологии, декан факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Главный Ученый секретарь президиума РАО. Имеет более 200 публикаций.
E-mail: zinchenko_y@mail.ru

Артём Иванович Ковалёв – младший научный сотрудник лаборатории «Восприятие» факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Автор 19 статей.
E-mail: artem.kovalev.msu@mail.ru

Людмила Анатольевна Шайгерова – кандидат психологических наук, доцент кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Имеет 51 публикацию.
E-mail: ludmila_chaiguerova@hotmail.com

конфессиональных установок, анализ поведения партнеров, принадлежащих к разным культурам, при организации виртуального взаимодействия и видео-конференций, разработка «виртуальных аватаров» для диагностики и регуляции социальных конфликтов, создание виртуальных сцен для формирования навыков общения с партнерами другой культуры или этнической группы.

В настоящее время можно выделить несколько направлений исследований, в которых интенсивно применяются системы VR: исследования особенностей социального взаимодействия с виртуальными партнерами (аватарами), изучение социальных навыков с использованием виртуальных партнеров; изучение и тренинг социальных навыков в VR, инициирующих экстремальные ситуации; разработка методов диагностики и коррекции социальных фобий (например, страха публичных выступлений); изучение роли невербальной коммуникации (синхронизация микродвижений рук, головы и тела) и проксемики. Технологии VR широко используются также при изучении особенностей невербального поведения (Fox et al., 2013), личного пространства, навыков социального взаимодействия (Joo et al., 2014), возникновения предрассудков и социальных стереотипов (Marschner et al., 2015), явлений социальной фасилитации и ингибции (Kwik et al., 2015).

Важнейшим отличием применения VR от других методов социальных исследований является наличие «виртуальных людей – аватаров» и «агентов», позволяющих максимально увеличивать реалистичность. Различие между понятиями «аватар» и «агент» состоит в том, что первые воспринимаются виртуальными партнерами, управляемыми другими людьми, тогда как вторые – объектами, управляемыми компьютерной программой. Выделено несколько факторов, влияющих на то, насколько виртуальный партнер может быть воспринят реальным человеком как субъект социального взаимодействия, то есть быть «убедительным» и вызывать естественное стремление к общению (Blascovich, Beall, 2010):

- степень уверенности в том, что виртуальный партнер является другим человеком («аватаром»), а не запрограммированным объектом («агентом»);

- проявление низкоуровневых (непроизвольных) поведенческих реакций, свойственных человеку в реальном общении (например, непроизвольное стремление поддерживать дистанцию в общении с «аватаром» или реакция испуга при его агрессивном поведении);
- степень значимости ситуации для пользователя: чем она выше, тем более требователен он к реалистичности виртуального собеседника;
- коммуникативный реализм – соответствие вербальной и невербальной составляющих общения;
- демографические характеристики виртуального партнера: его раса, национальность, пол, внешний вид, возраст.

Важнейшим отличием применения VR от других методов социальных исследований является наличие «виртуальных людей – аватаров» и «агентов», позволяющих максимально увеличивать реалистичность

Исследования взаимодействия с «аватарами» в виртуальной среде выявили ряд характерных закономерностей. Например, было показано, что участники экспериментов предпочитают антропоморфных (имеющих сходство с людьми) виртуальных партнеров (Osterlund et al., 2012), и что они более доверчиво относятся к «аватарам», пол и раса которых совпадают с их собственными. Эффективность общения между пользователем и «аватаром» может повышаться

Вопросы взаимодействия живого человека и компьютерного «аватара» сами по себе являются важными для социальной психологии. При таком взаимодействии были обнаружены новые эффекты, в том числе, эффект «цифрового хамелеона»

и при наличии контакта «глаза в глаза». В исследовании (Zhang et al., 2006) изучались особенности невербальных непроизвольных сигналов, используемых наблюдателем при общении с «аватарами». Была создана виртуальная среда, где участники, которым предлагалась роль учителя иностранного языка, взаимодействовали с виртуальной студенческой группой, представленной на мониторе компьютера. Члены виртуальной студенческой группы демонстрировали разную глубину познаний и степень заинтересованности в изучении иностранного языка. Виртуальная среда была интерактивной: участники, наряду с вербальными воздействиями, могли перемещать виртуальные неодушевлен-

ные объекты, ощущать контакт «глаза в глаза» с членами виртуальной группы, демонстрировать им указательные жесты. Это вызывало живой интерес участников эксперимента, они начинали общаться с членами виртуальной группы в достаточно реалистичной манере, как с живыми людьми. В результате были выявлены характерные невербальные, проксодические и кинестетические сигналы, используемые участниками эксперимента при взаимодействии с виртуальными партнерами.

Вопросы взаимодействия живого человека и компьютерного «аватара» сами по себе являются важными для социальной психологии. При таком взаи-

действии были обнаружены новые эффекты, в том числе, эффект «цифрового хамелеона». Суть его состоит в том, что подражание «аватара» поведению реального партнера приводило к повышению эффективности их общения (Bailenson et al., 2007). Экспериментальная ситуация состояла в том, что виртуальный партнер произносил заранее записанный трехминутный текст (призыв к студентам иметь при себе документы во время пребывания в университете)

и демонстрировал при этом два режима невербального поведения. Для одной группы движения его головы повторяли непрерывно регистрируемые реальные микродвижения головы участника с 4-секундной задержкой (такая величина задержки была выведена эмпирически как наиболее эффективная). Для другой группы движения головы «аватара» осуществлялись случайно, не зависимо от движений участника. Результаты показали, что участники эксперимента чаще соглашались и выше оценивали того «аватара», чье невербальное поведение соответствовало их собственному поведению. Виртуальный партнер, ведущий себя более реалистично, в частности, подражающий микродвижениям головы

собеседника, воспринимался как заслуживающий большего доверия.

нии к нему «аватара». Изучалось влияние следующих факторов:

Для допуска «аватара» в свое личное пространство большое значение имеют пол самого наблюдателя, пол аватара, а также направление его взгляда. Не менее важную роль играло представление о виртуальном партнере, так, величина межличностной дистанции была существенно ниже при общении с «аватарами», чем с «агентами»

Интересными являются также исследования межличностной дистанции, поддерживаемой человеком при общении с «аватаром» в ВС, особенно важные в контексте межкультурного взаимодействия. Одна из задач таких исследований – изучение взаимосвязи невербального поведения и дистанции для комфортного общения с «аватаром». Теоретической предпосылкой такого рода исследований послужила гипотеза М. Аргайла и Дж. Дина о взаимосвязи невербальных пространственных компонентов общения (Argyle, Dean, 1965). Согласно их гипотезе, существует равновесие между такими системами невербального по-

- пола наблюдателя;
- пола «аватара»;
- представления о виртуальном партнере, как об «агенте» (компьютерно запрограммированном виртуальном объекте или как об «аватаре» (виртуальной репрезентации реального человека), которое формировалось заранее перед началом эксперимента специальной инструкцией;
- контакта «глаза в глаза»: смотрел ли аватар на наблюдателя или в сторону.

Во время коммуникации осуществлялась регистрация локализации наблюдателя в ВС, посредством которой оценивалось значение минимальной дистанции

Авторы предположили, что наиболее тесный контакт установится с виртуальным партнером, репрезентирующим самого наблюдателя, особенно, в случае его фотографического сходства

ведения, как тактильный контакт, визуальное взаимодействие (контакт глаз) и межличностная дистанция. Если одна из этих систем слишком интенсивно задействована, то происходит торможение проявления других систем. Например, интенсивный тактильный контакт сопровождается снижением интенсивности контакта глаз, такое же подавление прямого контакта глаз происходит при уменьшении дистанции общения. Авторы объясняли такое постоянное изменение соотношения систем невербального поведения необходимостью формирования оптимального режима общения. Эта гипотеза тестировалась в исследованиях общения наблюдателя с виртуальным партнером (Yasin et al., 2012). В одной из работ (Petraou, 2010) изучалось влияние различных факторов на формирование межличностного пространства. Поведение наблюдателя исследовалось в двух ситуациях: 1) он должен был подойти к стоящему неподвижно «аватару», прочитать и запомнить его имя и номер, приколотые на рубашку спереди и сзади; 2) он должен был отреагировать (отклониться, отойти) при приближе-

между наблюдателем и его виртуальным партнером. Изменения дистанции оценивались отдельно для ситуаций с наличием или отсутствием контакта «глаза в глаза», для разных типов виртуальных партнеров («аватар»/«агент») и для ситуации с одинаковым или отличающимся полом партнеров. Было показано, что для допуска «аватара» в свое личное пространство большое значение имеют пол самого наблюдателя, пол аватара, а также направление его взгляда. Не менее важную роль играло представление о виртуальном партнере, так, величина межличностной дистанции была существенно ниже при общении с «аватарами», чем с «агентами». Наличие контакта «глаза в глаза» приводило к увеличению дистанции при коммуникации с «агентами» и к небольшому ее уменьшению при коммуникации с «аватарами». Таким образом, гипотеза М. Аргайла и Д. Дина получила свое подтверждение при объяснении особенностей коммуникации реального человека с виртуальными партнерами: люди склонны поддерживать психологическую дистанцию в общении, манипулируя либо физическим расстоя-

нием, либо контактом глаз. Полученные результаты подкрепляют также базовую гипотезу о возможности использования ВС с «аватарами» для изучения процессов коммуникации, поскольку такие же закономерности были выявлены для общения в реальной среде.

Исследовалось (Bailenson et al., 2008) также, какими будут особенности установления межличностного пространства в зависимости от степени знакомства с «аватаром». Авторы предположили, что наиболее тесный контакт установится с виртуальным партнером, репрезентирующим самого наблюдателя, особенно, в случае его фотографического сходства. Участник эксперимента должен был обойти и осмотреть «аватара», который представлял либо незнакомого человека, либо самого участника. При этом его внешний вид мог отображаться с высокой или низкой степенью фотографического сходства. Поведение участников фиксировалось при помощи кинокамер. По окончании эксперимента использовались опросники, с помощью которых выявлялось отношение участника к «аватару» и степень комфортности при близости к нему. В качестве вариативных переменных были выбраны пол «аватара» и три степени его сходства с участником («похожий Я», «непохожий Я», «Другой»). Поведение виртуальных партнеров было запрограммировано одинаково: они моргали и поворачивались лицом к участнику эксперимента. В виртуальной среде участники должны были подойти к «аватару», остановиться в полутора метрах от него, затем подойти к нему справа, потом слева и, наконец, встать напротив. После этого они должны были отвечать на вопросы, одновременно осматривая «аватара». Во время ответов фиксировалось положение участника относительно него. Результаты подтвердили исходную гипотезу авторов о том, что минимальная дистанция между участником и «аватаром» увеличивалась, а индекс «комфортности» уменьшался при наблюдении чужого «аватара». Кроме того, максимальный индекс привлекательности имел «аватар» «похожий Я», обладающий высокой степенью фотографического сходства, средний – «аватар» «непохожий Я» и минимальный – «аватар» «Другой».

Проверялась гипотеза о влиянии пола участников коммуникации и поведенческого реализма в действиях виртуально-

го партнера на степень его воздействия на наблюдателя (Preda, Jovanova, 2013). Под поведенческим реализмом «аватара» понималось соответствие движений его губ произносимым фонемам, наличие морганий, поворотов головы для удержания контакта глаз с наблюдателем. Оценивалась убедительность его речи об изначально не значимом для испытуемых предмете (например, важности соблюдения правил поведения в кампусе). Далее наблюдателю сообщалось, что данный виртуальный субъект либо является компьютерной симуляцией («агент»), либо репрезентирует другого студента («аватар»). Виртуальные партнеры могли быть мужского и женского пола и различались степенью реалистичности поведения. Результаты показали, что в целом наблюдатели склонны больше доверять «аватарам» одного с ними пола. При помощи специального опросника было выявлено влияние реалистичности поведения на убедительность речи аватара: чем выше степень реалистичности поведения «аватара», тем сильнее его воздействие. Весьма любопытным оказался результат, выявивший комплексное влияние пола виртуального собеседника и представления о нем, как об «аватаре» или как об «агенте». Оказалось, что, если виртуальный собеседник представляет собой компьютерно запрограммированного «агента», он оказывает большее воздействие на испытуемого, будучи воссоздан в мужском облике. Напротив, «живой» «аватар» более убедителен, если он представлен в женском облике.

Использование «аватаров» позволяет применять ВР для изучения такого сложного феномена, как коммуникация. Методический прием создания виртуальных сред, помогающих формировать коммуникативные навыки, предполагает изучение взаимодействия между пользователем и компьютерным «агентом» в рамках заданного сценария бытового характера. Для объективизации взаимодействия используется одновременная регистрация психофизиологических параметров (частота сердечных сокращений, электрическое сопротивление кожи и др.). Анализ полученных результатов позволяет отбирать наиболее эффективные для данного пользователя сценарии взаимодействий, которые могут усложняться в зависимости от успешности общения. В результате

создается библиотека разнообразных сценариев для различного рода развивающих тренингов коммуникативных навыков (Hammick, Lee, 2014) и ситуаций коммуникативного взаимодействия.

Любопытным оказался результат, выявивший комплексное влияние пола виртуального собеседника и представления о нем, как об «аватаре» или как об «агенте». Оказалось, что, если виртуальный собеседник представляет собой компьютерно запрограммированного «агента», он оказывает большее воздействие на испытуемого, будучи воссоздан в мужском облике

Примером реализации данного подхода является работа Джурилеса с коллегами, которые применили ВР в коммуникативном тренинге для женщин, опасющихся заговаривать с незнакомыми мужчинами (Jouriles et al., 2009). 62 студентки вступали в коммуникативное взаимодействие лицом к лицу с реальными мужчинами, а затем с виртуальными партнерами. Оказалось, что знакомство с «аватаром» происходит гораздо легче и такой виртуальный тренинг добавляет женщинам уверенности в себе для последующих знакомств в реальной жизни.

Помимо диагностики и коррекции коммуникативных навыков, ВР применяют при коррекции социальных фобий, например, патологической боязни публичного выступления. Показано, что психотерапия с использованием виртуальных систем оказывается более эффективной, чем тренинги посредством онлайн-чатов или видео-конференций

Помимо диагностики и коррекции коммуникативных навыков, ВР применяют при коррекции социальных фобий, например, патологической боязни публичного выступления. Показано, что психотерапия с использованием виртуальных систем оказывается более эффективной, чем тренинги посредством онлайн-чатов или видео-конференций (Pontes de França, Soares, 2015). Важно, что психотерапевт имеет возможность манипулировать с ВС, уменьшая или увеличивая ее воздействие на человека, например, путем изменения реакции виртуальной аудитории на слова или действия говорящего (Nawahdah, Inoue, 2013).

В обширном обзоре, посвященном использованию ВР в тренингах коммуникативных навыков, утраченных вследствие расстройств аутистического спектра, С. Парсонс и П. Митчел (Parsons, Mitchell, 2002) отмечают, что ВР обладает рядом уникальных полезных свойств. Самое главное и них – возможность со-

здания ситуаций ролевого взаимодействия, которые являются безопасными и могут быть многократно предъявлены для отработки того или иного типа социального поведения. По мнению авто-

ров, прохождение тренинга в ВР способствует лучшему закреплению способа взаимодействия с окружающим миром.

В рамках реализации сценариев, направленных на изучение таких сложных феноменов, как межличностная коммуникация, в центре внимания неизбежно оказываются проблемы влияния отдельных черт личности коммуникаторов. Так, применение систем ВР для коммуникативных тренингов позволило выделить наиболее застенчивых и стеснительных участников группы (Peperkorff et al., 2015). Такие люди склонны общаться посредством социальных се-

тей, избегая реального взаимодействия «лицом к лицу». Поэтому при создании ВС для работы с участниками-интровертами стараются уменьшить ее визуальное и звуковое разнообразие для снижения стрессового воздействия на человека (Pals et al., 2014). С этой же целью уменьшают время контакта «глаза в глаза» «аватара» и участника, а также создают виртуальных партнеров стандартного внешнего вида, а именно, похожих на среднестатистического представителя социальной группы. Было показано, что женщины-интроверты предпочитают общаться с «аватарами», больше похожими на них самих, в отличие от женщин-экстравертов, выбирающих для общения «аватаров» других этнических и расовых групп и отличающегося внешнего вида (в разноцветной одежде, с разнообразными прическами) (Diemer et al., 2015). Если описанные ограничения выполнялись, то застенчивые испытуемые активно вступали во

взаимодействие с «аватарами» и проявляли меньший страх при коммуникации с ними, по сравнению с ситуацией общения с реальными людьми.

Эффективное использование VR в социальных исследованиях позволило применить данную методику при изучении феноменов более высокого уровня – расовых и межэтнических установок. Для их исследования используется парадигма «виртуального перевоплощения» (англ. Virtual embodiment)

Разрабатываются и апробируются также принципиально новые виртуальные инструменты, предназначенные для невербального общения. Известно, что при общении «лицом к лицу», как в деловых, так и в интимно-личностных ситуациях, прикосновения играют немалую роль, которая имеет свои особенности в зависимости от принадлежности к той или иной культуре. Они могут означать одобрение и подбадривание, убеждение или утверждение, поддержание статуса (достаточно припомнить ритуалы рукопожатия в разных культурах). Важность введения тактильных ощущений в виртуальную среду отмечалась в ряде исследований (Damgrave et al., 2014). В недавнее время они стали активно внедряться посредством применения джойстика, имитирующего рукопожатие, который «запоминает» силу и другие параметры нажатия на него (Zimerli et al., 2013). Тактильные и кинестетические ощущения можно инициировать при помощи воздействия на кожные рецепторы с помощью механических, электрических, термо- или виброактиваторов. Активация виртуальных прикосновений значительно усиливает ощущение присутствия (presence effect) в виртуальной среде, а также чувство «общности» (togetherness) с виртуальным окружением. Авторы одного из исследований (Fang et al., 2014) подробно проанализировали разработанные перспективные модели «опосредствованных прикосновений». Речь идет об устройствах, передающих и принимающих на расстоянии (с помощью, например, мобильной связи) силу сжатия и нагрева аппарата рукой. Такие устройства с разной степенью достоверности могут считаться орудиями «виртуального прикосновения».

Эффективное использование VR в социальных исследованиях позволило применить данную методику при изучении феноменов более высокого уровня –

расовых и межэтнических установок. Для их исследования используется парадигма «виртуального перевоплощения» (англ. Virtual embodiment). Современные

цифровые технологии позволяют изменять внешний вид «аватара» (в том числе, и расовые признаки). Участник исследования при помощи шлема виртуальной реальности видит в ВС собственного «аватара», который по внешним признакам похож на представителя другой расы или национальности. Один из способов убедить человека в том, что именно он, а не кто-то другой, представлен в ВС, состоит в том, чтобы предоставить участнику возможность периодически наблюдать свое отражение в виртуальном зеркале. В этом случае у человека возникает стойкая иллюзия того, что его собственный виртуальный персонаж является представителем другой расы или национальности, что впоследствии влияет на его расовые установки (Kuzban et al., 2001). Важно отметить, что данная иллюзия чужого тела возникает даже при отсутствии двигательной активности испытуемого. Социальные стереотипы, включающиеся при взгляде на самого себя как на представителя другой расы, настолько сильны, что проявляются даже в простых поведенческих актах. Так, белокожие испытуемые, оказавшиеся в теле чернокожих «аватаров», осуществляли игру на виртуальных барабанах одного из африканских племен с гораздо большей экспрессией, чем, будучи отображенными в виде «аватаров»-европеоидов, или играя вживую, находясь в своем реальном теле (Peck, 2013).

Groom, Bailenson and Nass (2009) исследовали, как расовая принадлежность собственного «аватара» может влиять на расовые установки наблюдателя. Все участники исследования были разделены на две группы, одна из которых видела собственного «аватара» («похожий Я») белокожим, а вторая – чернокожим. Авторами было высказано предположение, что наблюдение собственного «аватара», имеющего признаки другой расы, приводит к сглаживанию расовых

предрассудков. Тестировалось поведение участника в двух ситуациях: когда его просили представить себя человеком другой расы, и когда он наблюдал собственного «аватара» с визуальными признаками другой расы (другого цвета кожи). Изучалось, скажутся ли эти трансформации на выраженности его расовых предрассудков, и будет ли наблюдаться различие в поведении и оценках участника, когда он только воображает себя представителем другой расы и когда видит собственного «аватара» с внешностью другой расы. В эксперименте участвовали представители европеоидной, монголоидной и негроидной рас. Испытуемые в ВС наблюдали «аватара», который проводил стандартное интервью по поводу приема на работу. При этом они видели (или не видели) лицо собственного «аватара», которое отражалось в виртуальном зеркале. Оценивалась межличностная дистанция между собственным «аватаром» и «аватаром»-интервьюером при изменении расовых признаков их лиц. После эксперимента участники заполняли опросники, позволяющие выявить их расовые предрассудки: шкалу расовых установок (the Racial Argument Scale-RAS) (Odea et al., 2015) и, частично, современную шкалу для оценки выраженности расистских установок (Modern Racism scale) (Craig, Ross, 2009). Выяснилось, что в ситуации, когда участник видел своего «аватара», наблюдались большие расхождения между результатами опросника на расизм и устанавливаемой респондентом межличностной дистанцией с виртуальным ассистентом, задающим вопросы интервью. В ситуации, когда участники только воображают себя человеком другой расы, эти расхождения уменьшаются. Значит, ситуация воображения себя человеком другой расы существенно отличается от ситуации наблюдения собственного «аватара», имеющего признаки другой расы. Наблюдатели, репрезентированные в ВС в виде чернокожего «аватара», демонстрировали существенно более выраженную расположенность к представителям белой расы, чем те, кто был репрезентирован в виде белого «аватара». По мнению авторов, эти данные подтверждают гипотезу об автоматической активации расовых предрассудков. В других работах было показано, что люди европеоидной

расы в ВС менее склонны оказывать помощь виртуальному «аватару»-негроиду (Gamberini et al., 2015), нежели «аватару» своей расовой принадлежности. Европеиды демонстрировали также более агрессивное поведение по отношению к негроидным «аватарам», чем по отношению к белокожим «аватарам» в ВС, имитирующей ситуацию конфликта (Dunn, 2012). Подобные исследования позволяют разрабатывать новые методы уменьшения расовых и этнических предрассудков с применением современных систем ВР.

Таким образом, анализ пока еще немногочисленных социальных исследований с применением технологий ВР показывает эффективность их использования, в частности, для изучения особенностей общения, личностного пространства, межрасовых и межэтнических установок, выделения «своих» и «чужих», коммуникативных возможностей «аватаров» и механизмов их воздействия и влияния. Выявлена также необходимость их дальнейшего развития с целью использования в области формирования позитивных установок и психологической устойчивости в ситуации неопределенности, характерной для межэтнического и межкультурного взаимодействия.

Заключение

1. Виртуальная реальность становится новым эффективным методом социальных исследований. Для развития

и внедрения этой уникальной технологии в теорию и практику исследований социальных процессов необходимы систематические исследования,

психологии и психологии труда, кросс-культурной психологии и психологии межкультурного взаимодействия.

4. Анализ исследований, проведенных

Анализ технологии виртуальной реальности свидетельствует о том, что она обладает целым рядом методологических особенностей, принципиально отличающих ее от методов традиционного психологического лабораторного эксперимента

касающиеся таких важных вопросов, как ее методология, этические нормы, техническое оснащение.

2. Анализ технологии виртуальной реальности свидетельствует о том, что она обладает целым рядом методологических особенностей, принципиально отличающих ее от методов традиционного психологического лабораторного эксперимента. Одни особенности методов ВР могут быть оценены как «преимущество» перед методами классической экспериментальной психологии, другие – как новые проблемы, требующие специального, в том числе, методологического анализа.

3. Экспериментальные исследования, проводимые при помощи технологий ВР, свидетельствуют о том, что их можно эффективно использовать в самых разных областях фундаментальной и прикладной психологии: социальной и организационной психологии, психотерапии и психологической реабилитации, спортивной психологии и психологии безопасности, инженерной

с использованием технологий ВР, в области изучения межэтнических установок и межэтнического взаимодействия показал, что здесь они используются достаточно ограниченно. В то время, как именно в этой области технологии ВР предоставляют неограниченные возможности не только для исследовательских целей, но и для решения практических задач: формирования позитивных установок, развития коммуникативных навыков, для наиболее полной реализации постнеклассического подхода к изучению социальных феноменов. Поэтому такие исследования требуют дальнейшей интенсивной разработки.

Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда (Грант № 15-18-00109).

Работа выполнена с использованием оборудования, приобретенного за счет средств Программы развития МГУ имени М.В. Ломоносова.

Литература:

- Солдатова Г., Рассказова Е. Психологические факторы безопасности подростка в интернете: роль совладающего поведения и родительской медиации / Г. Солдатова, Е. Рассказова // Вестник РГНФ. – 2014. – Т. 2. – № 75. – С. 126-134.
- Ahn S., Bailenson J., Park D. Short- and long-term effects of embodied experiences in immersive virtual environments on environmental locus of control and behavior // Computers in Human Behavior. – 2014. – Vol. 39. – P. 235-245.
- Argyle M., Dean J. Eye-contact, distance and affiliation // Sociometry. 1965. – 28(3). – P. 289-304.
- Bailenson J., Patel K., Nielsen A., Bajscy R., Jung S.-H., Kurillo G. The effect of interactivity on learning physical actions in virtual reality // Media Psychology. – 2008. – № 11. – P. 354-376.
- Bailenson J.N., Yee N. Virtual interpersonal touch: Haptic interaction and copresence in collaborative virtual environments // International Journal of Multimedia Tools and Applications. – 2007. – 37(1). – P. 5-14.
- Bao, Y., Pöppel E. Anthropological universals and cultural specifics: conceptual and methodological challenges in cultural neuroscience. // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. –2012. – 36(9). – p. 2143-2146.
- Blascovich J., Beall A. Digital Immersive Virtual Environments and Instructional Computing // Educational Psychology Review. – 2010. – 22. – P. 57-69.
- Blatz C., Ross M. Principled ideology or racism: Why do modern racists oppose race-based social justice programs? // Journal of Experimental Social Psychology. – 2009. – Vol. 45. – Issue 1. – P. 258-261.
- Damgrave R., Lutters E., Drukker J. Rationalizing Virtual Reality based on Manufacturing Paradigms // Procedia CIRP. – 2014. – Vol. 21. Issue 12. – P. 264-269.
- Diemer J., Pauli P., Mühlberger A. Virtual Reality in Psychotherapy // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition) / edited by James D. – Wright, Elsevier, Oxford, 2015. – P. 138-146.

- Dunn R.A., Guadagno R.E. My avatar and me – Gender and personality predictors of avatar-self discrepancy // *Computers in Human Behavior*. – 2012. – 28. – P. 97-106.
- Eastwick P.W., Gardner W.L. Is it a game? Evidence for social influence in the virtual world // *Social Influence*. – 2009. – 4(1). – P. 18-32.
- Fang T., Wang P., Liu C., Su M., Yeh S. Evaluation of a haptics-based virtual reality temporal bone simulator for anatomy and surgery training // *Computer Methods and Programs in Biomedicine*. – 2014. – Vol. 113. – Issue 2. – P. 674-681.
- Fox J., Bailenson J., Tricase L. The embodiment of sexualized virtual selves: The Proteus effect and experiences of self-objectification via avatars // *Computers in Human Behavior*. – 2013. – Vol. 29. – Issue 3, – P. 930-938.
- França A., Soares M. Dialogical Self on Virtual Reality Systems: Presence and Embodiment in Human Situated Interaction // *Procedia Manufacturing*. – 2015. – Vol. 3. – P. 6444-6450.
- Gamberini L., Chittaro L., Spagnoli A., Carlesso C. Psychological response to an emergency in virtual reality: Effects of victim ethnicity and emergency type on helping behavior and navigation // *Computers in Human Behavior*. – 2015. – Vol. 48. – P. 104-113.
- Groom V., Bailenson J.N., Nass C. The Influence of Racial Embodiment on Racial Bias in Immersive Virtual Environments // *Social Influence*. – 2009. – 4(1). – P. 1-18.
- Hammick J.K., Lee M.J. Do shy people feel less communication apprehension online? The effects of virtual reality on the relationship between personality characteristics and communication outcomes // *Computers in Human Behavior*. – 2014. – 33. – P. 302-310.
- Jouriles E.N., Simpson Rowe L., McDonald R., Platt C.G., Gomez G.S. Assessing women's responses to sexual threat: validity of a virtual role-play procedure // *Behavior Therapy*. – 2011. – 42(3). – P. 475-484.
- Kinateder M., Ronchi E., Gromer D., Müller M., Jost M., Nehfischer M., Pauli P. Social influence on route choice in a virtual reality tunnel fire // *Transportation research part F: traffic psychology and behaviour*. – 2014. – 26. – P. 116-125.
- Menshikova G., Kovalev A., Klimova O., Chernorizov A. (2015) Eye movements as indicators of vestibular dysfunction // *Perception*. – 2015. – 44(8-9). – P. 1103-1110.
- Kurzban R., Tooby J. & Cosmides L. Can race be erased? // *Coalitional computation and social categorization*. – 2001. – PNAS 98(26). – P. 15387-15392.
- Kwik F., Bahana R. Using Augmented Reality to Enhance Aetherpet, a Prototype of a Social Game // *Procedia Computer Science*. – 2015. – Vol. 59. – P. 282-290.
- Lakhtionova I., Menshikova G. Testing the ability of allocentric cognitive map acquisition using the CAVE technique // *Cognitive Modeling: Collection of Papers of the First International Forum on Cognitive Modeling (14-21 September, 2013, Italy, Milano-Marittima)*. In 2 parts. / Edited by S. Masalova V. Solovyev. – Part 1. *Cognitive Modeling in Linguistics: Proceedings of the XIV International Conference «Cognitive Modeling in Linguistics. CML-2013» – Rostov-on-Don: Southern Federal University Press, 2013. – P. 138-141.*
- Marschner L., Pannasch S., Schulz J., Graupner S. Social communication with virtual agents: The effects of body and gaze direction on attention and emotional responding in human observers // *International Journal of Psychophysiology*. – 2015. – Vol. 97. – Issue 2. – P. 85-92.
- McCroskey J.C. Communication apprehension: what have we learned in the last four decades // *Human Communication*. – 2009. – 12(2). – P. 157-171.
- Menshikova G.Ya. An investigation of 3D images of the simultaneous-lightness-contrast illusion using a virtual reality technique // *Psychology in Russia* – 2013. – Vol. 6 (3). – P. 49-59.
- Nawahdah M., Inoue T. Setting the best view of a virtual teacher in a mixed reality physical-task learning support system // *Journal of Systems and Software*. – 2013. – Vol. 86. – Issue 7. – P. 1738-1750.
- O'Dea C., Miller S., Andres E., Ray M., Till D., Saucier D. Out of bounds: factors affecting the perceived offensiveness of racial slurs // *Language Sciences*. – 2015. – Vol. 52. – P. 155-164.
- Osterlund J., Lawrence B. Virtual reality: Avatars in human spaceflight training // *Acta Astronautica*. – 2012. – Vol. 71. – P. 139-150.
- Pals R., Steg L., Dontje J., Siero F., Van der Zee K. Physical features, coherence and positive outcomes of person-environment interactions: A virtual reality study // *Journal of Environmental Psychology*. – 2014. – Vol. 40. – P. 108-116.
- Parsons S., Mitchell P. The potential of virtual reality in social skills training for people with autistic spectrum disorders // *Journal of Intellectual Disability Research*. – 2002. – 46(5). – P. 430-443.
- Peck T., Seinfeld S., Aglioti S., Slater M. Putting yourself in the skin of a black avatar reduces implicit racial bias // *Consciousness and Cognition*. – 2013. – Vol. 22. – Issue 3. – P. 779-787.
- Peperkorn H., Diemer J., Mühlberger A. Temporal dynamics in the relation between presence and fear in virtual reality // *Computers in Human Behavior*. – 2015. – Vol. 48. – P. 542-547.
- Pervichko E., Zinchenko Y. Postnonclassical methodology in clinical psychology: Opportunities and perspectives of vygotsky-luria school // *Open Journal of Social Sciences*. – 2014. – 2. – P. 90-95.
- Pervichko E., Zinchenko Y. Psychological syndrome analysis concept (vygotsky-luria school) in comprehensive diagnosis and personalized care: Traditions and postnonclassical perspectives // *European Psychiatry*. – 2015. – 30(S 1).
- Petrakou A. Interacting through avatars: Virtual worlds as a context for online education // *Computers & Education*. – 2010. – Vol. 54. – Issue 4. – P. 1020-1027.
- Preda M., Jovanova B. Avatar interoperability and control in virtual Worlds // *Signal Processing: Image Communication*. – 2013. – Vol. 28. – Issue 2. – P. 168-180.
- Soldatova G. (2007). Psychological aspects of xenophobia. *Social Sciences. // A Journal of the Russian Academy of Sciences*. – 2007. – 38(2) P. 104-121.
- Song H., Kim J., Kwon R., Jung Y. Anti-smoking educational game using avatars as visualized possible selves // *Computers in Human Behavior*. – 2013. – Vol. 29. – Issue 5. – P. 2029-2036.
- Zinchenko Y., Veraksa A., Leonov S. Methodological foundations of military psychology and psychological security // *Psychology in Russia*. – 2011. – Vol. 4. – P. 53-61.

Zinchenko Yu.P., Menshikova G.Ya., Bayakovskiy Yu.M., Chernorizov A.M., Voiskounskiy A.E. Technologies of virtual reality in the context of World-wide and Russian psychology: methodology, comparison with traditional methods, achievements and perspectives // *Psychology in Russia*. – 2010. – Issue 3. – P. 11-45.

Zimmerli L., Jacky M., Lünenburger L., Riener R., Bolliger M. Increasing Patient Engagement During Virtual Reality-Based Motor Rehabilitation // *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*. – 2013. – Vol. 94. – Issue 9. – P. 1737-1746.

Yasin A., Darleena Z., Isa M. Avatar Implementation in Virtual Reality Environment using Situated Learning for “Tawaf” // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. – 2012. – Vol. 67. – P. 73-80.

References:

- Ahn, S., Bailenson, J., & Park, D. (2014) Short- and long-term effects of embodied experiences in immersive virtual environments on environmental locus of control and behavior. *Computers in Human Behavior*. Vol. 39, 235-245.
- Argyle, M., & Dean, J. (1965) Eye-contact, distance and affiliation. *Sociometry*. 28(3), 289-304.
- Bailenson, J., Patel, K., Nielsen, A., Bajscy, R., Jung, S.-H., & Kurillo, G. (2008) The effect of interactivity on learning physical actions in virtual reality. *Media Psychology*. 11, 354-376.
- Bailenson, J.N., & Yee, N. (2007) Virtual interpersonal touch: Haptic interaction and co-presence in collaborative virtual environments. *International Journal of Multimedia Tools and Applications*. 37(1), 5-14.
- Bao, Y., & Pöppel E. (2012) Anthropological universals and cultural specifics: conceptual and methodological challenges in cultural neuroscience. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 36(9), 2143-2146.
- Blascovich, J., & Beall, A. (2010) Digital Immersive Virtual Environments and Instructional Computing. *Educational Psychology Review*. 22, 57-69.
- Blatz, C., & Ross, M. (2009) Principled ideology or racism: Why do modern racists oppose race-based social justice programs? *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 45, Issue 1, 258-261.
- Damgrave, R., Lutters, E., & Drukker, J. (2014) Rationalizing Virtual Reality based on Manufacturing Paradigms. *Procedia CIRP*. Vol. 21, 264-269.
- Diemer, J., Pauli, P., & Mühlberger, A. (2015) Virtual Reality in Psychotherapy. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. (Ed. James D. Wright), Elsevier, Oxford, 138-146.
- Dunn, R.A., & Guadagno, R.E. (2012) My avatar and me – Gender and personality predictors of avatar-self discrepancy. *Computers in Human Behavior*. 28, 97-106.
- Eastwick, P.W., & Gardner, W.L. (2009) Is it a game? Evidence for social influence in the virtual world. *Social Influence*. 4(1), 18-32.
- Fang, T., Wang, P., Liu, C., Su, M., & Yeh, S. (2014) Evaluation of a haptics-based virtual reality temporal bone simulator for anatomy and surgery training. *Computer Methods and Programs in Biomedicine*. Vol. 113, Issue 2, 674-681.
- Fox, J., & Bailenson, J., Tricase L. (2013) The embodiment of sexualized virtual selves: The Proteus effect and experiences of self-objectification via avatars. *Computers in Human Behavior*. Vol. 29, Issue 3, 930-938.
- França, A., & Soares, M. (2015) Dialogical Self on Virtual Reality Systems: Presence and Embodiment in Human Situated Interaction. *Procedia Manufacturing*. Vol. 3, 6444-6450.
- Gamberini, L., Chittaro, L., Spagnoli, A., & Carlesso, C. (2015) Psychological response to an emergency in virtual reality: Effects of victim ethnicity and emergency type on helping behavior and navigation. *Computers in Human Behavior*. Vol. 48, 104-113.
- Groom, V., Bailenson, J.N., & Nass, C. (2009) The Influence of Racial Embodiment on Racial Bias in Immersive Virtual Environments. *Social Influence*. 4(1), 1-18.
- Hammick, J.K., & Lee, M.J. (2014) Do shy people feel less communication apprehension online? The effects of virtual reality on the relationship between personality characteristics and communication outcomes. *Computers in Human Behavior*. 33, 302-310.
- Jouriles, E.N., Simpson, Rowe L., McDonald, R., Platt, C.G., & Gomez, G.S. (2011) Assessing women's responses to sexual threat: validity of a virtual role-play procedure. *Behavior Therapy*. 42(3), 475-484.
- Kinader, M., Ronchi, E., Gromer, D., Müller, M., Jost, M., Nehfischer, M., & Pauli, P. (2014) Social influence on route choice in a virtual reality tunnel fire. *Transportation research part F: traffic psychology and behaviour*. 26, 116-125.
- Menshikova, G., Kovalev, A., Klimova, O., & Chernorizov, A. (2015) Eye movements as indicators of vestibular dysfunction. *Perception*. 44(8-9), 1103-1110.
- Kurzban, R., Tooby, J. & Cosmides, L. (2001) Can race be erased? Coalitional computation and social categorization. *PNAS* 98(26), 15387-15392.
- Kwik, F., & Bahana, R. (2015) Using Augmented Reality to Enhance Aetherpet, a Prototype of a Social Game. *Procedia Computer Science*. Vol. 59, 282-290.
- Lakhtionova, I., & Menshikova, G. (2013) Testing the ability of allocentric cognitive map acquisition using the CAVE technique. *Cognitive Modeling: Collection of Papers of the First International Forum on Cognitive Modeling (14-21 September, 2013, Italy, Milano-Marittima)*. In 2 parts. (Eds.) S. Masalóva, V. Solov'yev. Part 1. *Cognitive Modeling in Linguistics: Proceedings of the XIV International Conference «Cognitive Modeling in Linguistics. CML-2013» – Rostov-on-Don: Southern Federal University Press, 138-141.*
- Marschner, L., Pannasch, S., Schulz, J., & Graupner, S. (2015) Social communication with virtual agents: The effects of body and gaze direction on attention and emotional responding in human observers. *International Journal of Psychophysiology*. Vol. 97, Issue 2, 85-92.
- McCroskey, J.C. (2009) Communication apprehension: what have we learned in the last four decades. *Human Communication*. 12(2), 157-171.
- Menshikova, G.Ya. (2013) An investigation of 3D images of the simultaneous-lightness-contrast illusion using a virtual reality technique. *Psychology in Russia*. Vol. 6 (3), 49-59.
- Nawahdah, M., & Inoue, T. (2013) Setting the best view of a virtual teacher in a mixed reality physical-task learning support system. *Journal of Systems and Software*. Vol. 86, Issue 7, 1738-1750.

- O'Dea, C., Miller, S., Andres, E., Ray, M., Till, D., & Saucier, D. (2015) Out of bounds: factors affecting the perceived offensiveness of racial slurs. *Language Sciences*. Vol. 52, 155-164.
- Osterlund, J., & Lawrence, B. (2012) Virtual reality: Avatars in human spaceflight training. *Acta Astronautica*. Vol. 71, 139-150.
- Pals, R., Steg, L., Dontje, J., Siero, F., & Van der Zee, K. (2014) Physical features, coherence and positive outcomes of person–environment interactions: A virtual reality study. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 40, 108-116.
- Parsons, S., & Mitchell, P. (2002) The potential of virtual reality in social skills training for people with autistic spectrum disorders. *Journal of Intellectual Disability Research*. 46(5), 430-443.
- Peck, T., Seinfeld, S., Aglioti, S., & Slater, M. (2013) Putting yourself in the skin of a black avatar reduces implicit racial bias. *Consciousness and Cognition*. Vol. 22, Issue 3, 779-787.
- Peperkorn, H., Diemer, J., & Mühlberger, A. (2015) Temporal dynamics in the relation between presence and fear in virtual reality. *Computers in Human Behavior*. Vol. 48, 542-547.
- Pervichko, E., & Zinchenko, Y. (2014) Postnonclassical methodology in clinical psychology: Opportunities and perspectives of vygotsky-luria school. *Open Journal of Social Sciences*. 2, 90-95.
- Pervichko, E. & Zinchenko, Y. (2015) Psychological syndrome analysis concept (vygotsky-luria school) in comprehensive diagnosis and personalized care: Traditions and postnonclassical perspectives. *European Psychiatry*. 30(S 1).
- Petrakou, A. (2010) Interacting through avatars: Virtual worlds as a context for online education. *Computers & Education*. Vol. 54, Issue 4, 1020-1027.
- Preda, M., & Jovanova, B. (2013) Avatar interoperability and control in virtual Worlds. *Signal Processing: Image Communication*. Vol. 28, Issue 2, 168-180.
- Soldatova, G. (2007) Psychological aspects of xenophobia. *Social Sciences. A Journal of the Russian Academy of Sciences*. 38(2), 104–121.
- Soldatova, G., & Rasskazova, E. (2014) Psikhologicheskie faktory bezopasnosti podrostka v internete: rol' sovladayushhego povedeniya i roditel'skoy mediatsii [Psychological factors of adolescent safety on the Internet: the role of coping behavior and parental mediation]. *Vestnik RGNF [RGNF Bulletin]*. Vol. 2, 75, 126-134.
- Song, H., Kim, J., Kwon, R., & Jung, Y. (2013) Anti-smoking educational game using avatars as visualized possible selves. *Computers in Human Behavior*. Vol. 29, Issue 5, 2029-2036.
- Zinchenko, Y., Veraksa, A., & Leonov, S. (2011) Methodological foundations of military psychology and psychological security. *Psychology in Russia*. Vol. 4, 53-61.
- Zinchenko, Yu.P., Menshikova, G.Ya., Bayakovskiy, Yu.M., Chernorizov, A.M., & Voiskounsky, A.E. (2010) Technologies of virtual reality in the context of World-wide and Russian psychology: methodology, comparison with traditional methods, achievements and perspectives. *Psychology in Russia*. 3, 11-45.
- Zimmerli, L., Jacky, M., Lünenburger, L., Riener, R., & Bolliger, M. (2013) Increasing Patient Engagement During Virtual Reality-Based Motor Rehabilitation. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*. Vol. 94, Issue 9, 1737-1746.
- Yasin, A., Darleena, Z., & Isa, M. (2012) Avatar Implementation in Virtual Reality Environment using Situated Learning for “Tawaf”. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. Vol. 67, 73-80.

Детерминация развития познавательных структур: постнеклассическая теоретическая модель

И.Н. Погожина Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 20 апреля 2015/ Принята к публикации: 15 мая 2015

Determination of cognitive development: postnonclassical theoretical model

Irina N. Pogozhina Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: April 20, 2015 / Accepted for publication: May 15, 2015

В работе представлена постнеклассическая модель детерминации развития содержания познавательных процессов, где психические процессы рассматриваются как открытые самоорганизованные, саморазвивающиеся системы. Проанализированы и соотнесены между собой три типа систем (динамическая, статистическая, развивающаяся). Описаны механизмы функционирования открытых неравновесных нелинейных систем (диссипативных) и условия возникновения диссипативных структур. Модели детерминации формирования и развития психики и поведения, разрабатываемые в рамках разных теоретических подходов (ассоцианизм, бихевиоризм, гештальтпсихология, психология интеллекта Пиаже, культурно-исторический подход Выготского, деятельностный подход и некоторые др.), сопоставлены между собой как модели, описывающие поведение трех выделенных типов систем. Показано, чем модели развития психики различаются между собой.

Описана преемственность постнеклассических, классических и неклассических моделей детерминации развития психики. Показано, что психика человека может быть понята как функционирование открытой развивающейся неравновесной нелинейной системы (диссипативной). Дано подробное описание психики как самоорганизующейся системы. Сформулированы требования, предъявляемые к разработке постнеклассической детерминационной модели развития познавательных структур. Сделан вывод о том, что постнеклассическая модель формирования и развития познавательных структур и ее приложение к конкретному предметному материалу должны содержать описание трех групп факторов: 1) собственных тенденций развития познавательной структуры как целостной системы; 2) способов и конфигурации воздействия на функционирование и развитие познавательной структуры извне (внешняя детерминация); 3) механизмов направленного влияния внешних факторов на формирование и развитие содержания познавательной структуры.

Ключевые слова: детерминизм, самоорганизующиеся и саморазвивающиеся системы, модели детерминации в психологии, постнеклассическая детерминационная модель, развитие познавательных структур.

The aim of this research is to develop a postnonclassical cognitive processes content determination model in which mental processes are considered as open self-developing, self-organizing systems. Three types of systems (dynamic, statistical, developing) were analysed and compared on the basis of the description of the external and internal characteristics of causation, types of causal chains (dependent, independent) and their interactions, as well as the nature of the relationship between the elements of the system (hard, probabilistic, mixed). Mechanisms of open non-equilibrium nonlinear systems (dissipative) and four dissipative structures emergence conditions are described. Determination models of mental and behaviour formation and development that were developed under various theoretical approaches (associationism, behaviorism, gestaltism, psychology of intelligence by Piaget, Vygotsky culture historical approach, activity approach and others) are mapped on each other as the models that describe behaviour of the three system types mentioned above.

The development models of the mental sphere are shown to be different by the following criteria: 1) allocated determinants amount; 2) presence or absence of the system own activity that results in selecting the model not only external, but also internal determinants; 3) types of causal chains (dependent-independent-blended); 4) types of relationships between the causal chain that ultimately determines the subsequent system determination type as decisive (a tough dynamic pattern) or stochastic (statistical regularity). The continuity of postnonclassical, classical and non-classical models of mental development determination are described. The process of gradual refinement, complexity, «absorption» of the mental determination by the latter models is characterized. The human mental can be deemed as the functioning of the open developing non-equilibrium nonlinear system (dissipative). The mental sphere is described as a self-organizing system with six common features of self-organizing systems. Three general and three local demands for the development of postnonclassical determination development model of cognitive structures were defined. It is concluded that postnonclassical cognitive structures formation and development model and its application to a specific substantive material should contain a description of the three groups of factors: 1) self-development trends in the cognitive structure as an integrated system; 2) configuration and methods of effects on the cognitive structure functioning and development from the outside (external determination); 3) mechanisms of the external factors influence on the development of cognitive structures. By studying and describing these factors, it will be possible to transfer the link between learning and development from the stage of theoretical analysis to the level of applied technology. This technology allows to influence on the cognitive systems development and also increase its efficacy by external determinants influence (generative cause) on the cognitive structures self-organization mechanisms (internal determinants) according to the potentialities of its self-development.

Keywords: determinism, self-organization and self-developing systems, determination models in psychology, postnonclassical determination model, cognitive development

Разработка эффективных программ формирования и развития познавательных структур в разных возрастах возможна лишь при опоре на современные постнеклассические теоретические модели объяснения закономерностей функционирования и развития психических процессов. Создание таких моделей и их последующая конкретизация относительно взаимосвязанности процессов обучения и развития применительно к управляемому развитию познавательных структур как сложных открытых систем – одна из актуальных задач психологической науки.

В настоящее время большинство отечественных авторов понимают психику как отражение окружающей субъекта действительности на основе функционирования мозговых процессов, регулирующие деятельность человека (и поведение животных) (Рубинштейн, 1957, 1989; Леонтьев, 1983; Ломов, 1984). Тем самым выделяется как минимум три аспекта описания и изучения психических процессов: как функции мозга, как отражения внешнего (и внутреннего) мира и как регулятора деятельности. Современные нейрофизиологические исследования на теоретическом уровне рассматривают деятельность мозга как мозговое отображение объектов, имеющее свои специфические черты, пространственно-временной дизайн для каждого объекта или ситуации (Анохин, 1974; Соколов, 2010; Хьюбел, 1990). Поэтому некоторые авторы считают целесообразным разделить психику и деятельность мозга на отдельные самостоятельные сущности, так как, по сути, это является одной и той же отражающей и регулирующей деятельность субъекта реальностью. Психика в этом случае определяется как отражающая деятельность мозга, регулирующая поведение (Чуприкова, 2006, 2007). Обсуждая проблему психики как отражающей дея-

тельности мозга, исследователи выделяют в ней:

1 содержание психических процессов (содержание психического отражения);

2 субстрат.

При изучении содержания психического отражения необходимо исследовать «...что именно из внешнего мира и из состояний организма находит отражение в психике ..., каково содержание, ... внутренние формы и структуры этого отражения, каковы его условия, по каким законам оно изменяется в фило- и онтогенезе, в процессах обучения ..., что и как должно быть отражено, чтобы поведение было адекватным, а деятельность успешной» (Чуприкова, 2006, С. 188-189).

Основным методом изучения содержания и структуры психического отражения является метод его воссоздания, моделирования на основе предварительного анализа проявлений психического содержания в деятельности субъекта и продуктах этой деятельности (в том числе, вербальных) (Чуприкова, 2006, 2007).

Субстрат – это физиологические, нейронные, биохимические и прочие механизмы, определяющие индивидуально-динамические характеристики процесса отражения.

В связи с этим, одной из основных исследовательских задач психологии выступает изучение специфики содержания психического отражения и факторов, влияющих на изменение этого содержания (внешних и внутренних детерминант).

Под детерминизмом обычно понимается поиск причин и условий любых изменений, которые имеют место в окружающей человека действительности и в нем самом (Новая философская энциклопедия, 2010, т. 1, С. 631-632). Представления о детерминизме развиваются и меняются по мере накопления и углубления знаний о мире и человеке. В це-

лом, выделяют четыре больших стадии развития представлений о причинности и закономерностях развития. Каждая из них характеризуется построением своей модели детерминации:

- доклассическая (до VI-VII вв., выделяется не всеми исследователями);
- классическая (VII-XIX вв.);
- неклассическая (1-ая половина XX в.);
- постнеклассическая (со 2-ой половины XX в. до настоящего времени) (Корнилова, Смирнов, 2011; Мамардашвили, 2010; Новая философская энциклопедия, т. 3, 2010; Объективная диалектика, 1981; Степанищев, 2004; Степин, 2011; Щедровицкий, 1997).

Если в классических моделях детерминации связь между причиной и следствием рассматривается как однозначно жестко предопределенная, то в неклассических и особенно постнеклассических моделях представления о причинности тесно связаны с категорией «взаимодействие», характеризующей «... взаимную обусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого ... Каждая из взаимодействующих сторон выступает как причина другой и как следствие одновременного обратного влияния противоположной стороны» (Новая философская энциклопедия, 2010, т. 1, С. 394).

Взаимодействие отражает взаимосвязь между собой не просто разных объектов и систем, но и разных причинных цепей, которые могут быть зависимыми и независимыми.

Зависимые причинные цепи связаны друг с другом особой соединяющей их причинной цепью, которая и предопределяет место их пересечения. Независимые причинные цепи не связаны между собой и могут пересекаться в разных местах, их пересечение причинно не определено. Условием возникновения независимых причинных цепей является собственная активность объекта (системы), его способность к изменению под влиянием внутренних по отношению к объекту, а не внешних причин.

Внешняя и внутренняя причинность определяются обычно следующим образом. Если речь идет о разных объектах (системах), то имеет место внешняя причинность. Внутренняя причинность – это воздействие объекта (системы) на самого себя, самопроизвольное измене-

Ирина Николаевна Погожина – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Имеет более 45 публикаций
E-mail: pogozhina@mail.ru

№	Характеристики системы	Тип системы		
		Динамическая	Статистическая	Развивающаяся
1	Собственная активность системы	отсутствует	присутствует	присутствует
2	Типы причинных цепей	- зависимые	- зависимые; - независимые; - пересечение независимых цепей	- зависимые; - независимые; - пересечение независимых цепей
3	Типы взаимосвязи между причинными цепями	- отдельная причинная цепь; - пересечение зависимых причинных цепей	- пересечение независимых цепей	- отдельная причинная цепь; - пересечение зависимых цепей; - пересечение независимых цепей
4	Типы взаимосвязи между элементами системы	- динамические закономерности (жесткая детерминация)	- статистические закономерности (вероятностная детерминация)	- динамические закономерности; - статистические закономерности
5	Качественное состояние системы	неизменное	неизменное	развитие

Таблица 1. Типы систем.

№	System specifications	SystemType		
		Dinamic	Static	Developing
1	System Activity	Absent	Present	Present
2	Types of causal relationship	- dependent	- dependent; - independent; - intersection of independent chain	- dependent; - independent; - intersection of independent chain
3	Types of relationships between causal chains	- separate causal chain; - intersection of dependent causal chains	- intersection of independent networks	- separate causal chain; - intersection of dependent causal chain; - intersection of independent chain
4	Types of relationships between system elements	- dynamic patterns (rigid determination)	- statistical laws (probabilistic determination)	- dynamic patterns - statistical regularities
5	Quality system status	constant	constant	Developing

Table 1. System Type.

ние. Например, обучение относительно содержания психических процессов анализируется как возможная внешняя причина их формирования и развития, а процессы функционирования внутренних познавательных механизмов – как возможная внутренняя причина. Вну-

Различение внутренней причинности и внутреннего взаимодействия очень важно. Если внешняя активная зависимая причинная цепь порождает изменение внутренних взаимосвязей в объекте и реактивную причинную цепь, то эта реактивная цепь сохраняет характеристику

Необходимо различать ситуации изменения системы в процессе внутреннего взаимодействия между ее элементами, как результат действия внешних причин, и ситуации изменения системы в процессе внутреннего взаимодействия между элементами, как результат самопроизвольного воздействия объекта на самого себя, то есть, как результат действия внутренних причин

тренняя причинность не тождественна внутреннему взаимодействию в объекте, которое может определяться и изменяться под воздействием внешних причин.

зависимости, и мы имеем ситуацию присутствия внутреннего взаимодействия в отсутствии внутренней причинности, поскольку взаимодействующие объекты

сами по себе остаются пассивными. Поэтому необходимо различать ситуации изменения системы в процессе внутреннего взаимодействия между ее элементами, как результат действия внешних причин, и ситуации изменения системы в процессе внутреннего взаимодействия между элементами, как результат самопроизвольного воздействия объекта на самого себя, то есть, как результат действия внутренних причин. В ситуации внешней причинности причина и следствие разделены по пространственно-временным параметрам и относятся к разным объектам. В ситуации же внутренней причинности они находятся в единой пространственной плоскости и относятся к одному и тому же объекту (при таком понимании мозговой субстрат, например, будет выступать по отношению к развитию психических процессов как внешняя причина).

В философской литературе выделяют три основных типа взаимодействия причинных цепей, характеризующие три типа систем: динамическую, статистическую, развивающуюся (Объективная диалектика, 1981). В таблице 1 мы сопоставили их характеристики.

Опираясь на вышеизложенное, можно заключить, что классические модели детерминации преимущественно описывают поведение динамических систем, неклассические – поведение статистических систем, постнеклассические модели – поведение развивающихся систем (Мамардашвили, 2010; Новая философская энциклопедия, 2010; Сачков, 2001; Украинцев, 1972). Поскольку свойства развивающейся системы определяются, в первую очередь, ее состоянием, специальное внимание необходимо уделять поиску самодетерминант (внутренних детерминант) развития систем. Вместе с тем, нелинейные системы связаны с окружающей средой и подчиняются внешним воздействиям, которые также влияют на их структуру и свойства. Следовательно, при разработке моделей самоорганизации необходимо, наравне с внутренними, изучать и внешние детерминанты. Изменения, вызываемые внешними воздействиями, носят не жесткий, а вероятностный характер и определяются структурой и характеристиками системы, на которую оказывается воздействие. (Новая философская энциклопедия, 2010; Сачков, 2001). Таким образом, описы-

вая поведение сложной системы, следует выделять устойчивые отношения двух типов: динамическую (однозначную) и вероятностную (статистическую) закономерности.

Развивающаяся самоорганизованная система обычно описывается как открытая неравновесная нелинейная система (диссипативная), в которой в любой момент времени в точках бифуркации (точках неопределенности, непредсказуемости, смены режима функционирования) могут возникнуть изменения, которые не сводимы к предыдущим изменениям системы и меняют тип ее организации (Пригожин, 1991).

Механизмы функционирования в таких системах можно описать следующим образом. В любой открытой системе происходят процессы обмена с окружающей ее средой и внутренние процессы, характерные для самой системы. Пока система «рассеивает» поступающие извне воздействия (энергию, вещество, информацию), она находится в устойчивом состоянии или состоянии текущего равновесия (положительный ответ на внешнее воздействие) и самопроизвольно эволюционирует за счет односторонних флуктуаций (самопроизвольных изменений) внутри самой системы. Можно сказать и наоборот: пока система находится в состоянии текущего равновесия, она «рассеивает» внешние воздействия, образно выражаясь, «живет по своим законам». При этом вблизи состояния равновесия система самопроизвольно стремится к менее упорядоченным или даже неупорядоченным структурам (хаос нарастает). Вдали от состояния равновесия, даже малое внешнее воздействие на систему вблизи точки бифуркации (точки возможной смены аттрактора) система запускает механизмы своего переструктурирования и вывод на новый уровень структурной организации с более высокой степенью упорядоченности (отрицательный ответ на внешнее воздействие). Это позволяет ей вновь сформировать состояние текущего равновесия (порядок) (Барыбин, 2011; Князева, 1992; Николис, 1979; Пригожин, 1991). В целом, для возникновения диссипативных структур необходимо выполнение четырех условий:

- 1 система должна быть открытой;
- 2 отклонение системы от состояния текущего равновесия должно превысить критическое значение;

3 процессы обмена со средой подчиняются нелинейным законам;

4 процессы внутри системы происходят согласованно, когерентно (Барыбин, Корляков, 2011).

Пригожин отмечает, что сложные открытые системы, в том числе, нервная система и психика человека могут быть поняты только как системы, детерминированные «своеобразной смесью стабильности и нестабильности, что крайне затрудняет предсказание их будущего поведения» (Пригожин, 1991, С. 50).

Обратимся к анализу объяснительных теоретических моделей в психологии. Детерминационные модели формирования и развития психики и поведения разрабатываются в рамках разных теоретических подходов и имеют различную степень экспериментальной доказанности. К классическим детерминационным моделям в психологии можно отнести такие психологические теории, как ассоцианизм (Д. Юм, Д. Гартли, А.Т. Браун, Д. Милль, Дж. Ст. Милль, А. Бэн, Г. Спенсер, Г. Эббингауз, Э. Крепелин др.), бихевиоризм (Э. Торндайк, Э. Толмен, Дж. Уотсон, К. Халл и пр.), реактологию (К.Н. Корнилов) и др. Среди неклассических моделей детерминации отметим гештальтпсихологию (М. Вертгеймер, К. Коффка, В. Келер, К. Левин и др.), психоанализ (З. Фрейд), психологию интеллекта Ж. Пиаже, культурно-исторический подход (Л.С. Выготский). Наибольший интерес на современном этапе развития научного знания представляют постнеклассические модели детерминации психического развития, в частности, деятельностный (культурно-деятельностный) подход (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, А.Р. Лурия и др.).

Сопоставление детерминационных моделей между собой показывает, что часто в них выделяются и изучаются одни и те же внешние и внутренние факторы, влияющие на процессы развития психики и поведения субъекта. Это социальная и объектная культурная среда, взаимодействие субъекта со средой (внешние детерминанты), субстратная организация мозга, органические задатки, прошлый опыт, механизмы функционирования психических процессов (внутренние детерминанты).

Так, в детерминационных моделях ассоцианизма и бихевиоризма в качестве внешнего детерминирующего фактора

выступают внешние объекты и явления. Они однозначным образом детерминируют содержание психики и поведения. При этом внешние по отношению к анализируемому феномену объекты не обязательно носят наблюдаемый характер, но всегда могут быть изучены объективно. Например, бихевиористы к внешним детерминантам поведения относят «когнитивные карты», намерения, градиент цели, план, характеристики наблюдаемой модели и др. (Бандура, 2000; Спенсер, 1998; Толмен, 1980; Торндайк, 1998).

В детерминационных моделях гештальтпсихологов, Пиаже, культурно-исторического подхода внешними детерминантами также являются объекты и явления окружающей среды (у Выготского это культурная среда как аккумулятор знаковых систем, являющихся психологическими орудиями). Но детерминируют развитие психического содержания они не прямо, а, «запуская» механизмы внутренней детерминации. Помимо внешних объектов и явлений, внешними детерминантами выступают также социальное взаимодействие (гештальтпсихология, культурно-исторический подход) и самостоятельное взаимодействие субъекта с объектами окружающей среды (Вертгеймер, 1987; Выготский, 1983; Дункер, 1965; Пиаже, 1994 и др.).

Культурная среда и взаимодействие с ней субъекта в детерминационной модели деятельностного подхода выступают в неразрывном единстве как внешняя практическая деятельность, которая является внешним детерминационным фактором функционирования и развития содержания познавательных структур (Давыдов, 1980; Леонтьев, 1983; Рубинштейн, 1957, 1989). При этом сопоставление концепций Выготского, Леонтьева и Рубинштейна показывает, что деятельностную детерминационную модель можно рассматривать в широком и узком смысле слова (Ильясов, 1986, 2006), что определяет, в конечном итоге, акценты в расстановке детерминационных влияний и условий развития. Деятельностная детерминационная модель в широком смысле слова включает в себя, наряду с деятельностными компонентами, положения культурно-исторического подхода Выготского о детерминации развитии содержания психического отражения со стороны культурной среды в процессе общения. В узком смысле слова деятель-

ностная детерминационная модель представляет собой внешнюю практическую деятельность, в которой детерминационным фактором выступает собственное внешнее взаимодействие субъекта с объектами среды. «По Выготскому, развитие происходит через общение только без обязательного внешнего взаимодействия с объектами, а по Леонтьеву, последнее также обязательно, наряду с общением, и оно первично» (Ильясов, 2006, С. 3).

Внутренняя детерминация формирования и развития психических процессов специально выделяется и изучается в трудах Вюрцбургской школы (Ach, 1905), в работах Зельца (Selz, 1922), в детерминационных моделях гештальтпсихологов (Вертгеймер, 1987; Дункер, 1981; Левин, 2001; Секей, 1965), Пиаже (Пиаже, 1994, 2003), в рамках культурно-исторического (Выготский, 2001) и деятельностного подходов (Брушлинский, 1989; Корнилова, 2002; Леонтьев, 1983; Рубинштейн, 1957, 1959; Тихомиров, 1969). При описании внутренней детерминации развития психики авторы выделяют и анализируют:

- 1 прошлый опыт субъекта;
- 2 собственно психические процессы, их элементы, структурную организацию, операциональный состав, механизмы функционирования;
- 3 взаимосвязи между группами психических процессов, в частности, между эмоциональными и мотивационными процессами с одной стороны и когнитивными – с другой;
- 4 влияние особенностей строения, развития и функционирования нервной системы на характер психического развития.

Обзор моделей детерминации функционирования и развития содержания психических процессов и поведения показал, что модели различаются между собой:

- количеством выделяемых в них детерминант;
- наличием либо отсутствием собственной активности изучаемой системы, что определяет выделение в модели, наряду с внешними, внутренних детерминант;
- типами причинных цепей (зависимые – независимые);
- типами взаимосвязей между причинными цепями, что, в итоге, определяет тип детерминации последующего состоя-

ния системы как однозначный (жесткая динамическая закономерность) или неоднозначный, вероятностный (статистическая закономерность).

В классических детерминационных моделях (ассоцианизм, бихевиоризм) выделяются лишь группы внешних детерминант, формирование и развитие содержания психики и поведения объясняется на основе разворачивания жестко детерминированных причинных цепей, зависимых от внешних воздействий.

В классических детерминационных моделях (ассоцианизм, бихевиоризм) выделяются лишь группы внешних детерминант, формирование и развитие содержания психики и поведения объясняется на основе разворачивания жестко детерминированных причинных цепей, зависимых от внешних воздействий

В неклассических детерминационных моделях (гештальтпсихология, теория Пиаже, культурно-исторический подход), наряду с внешними, описываются внутренние детерминанты, связанные с природой и динамикой внутреннего функционирования психики как системы. Развитие психического содержания определяется как результат внешнего воздействия, играющего роль пускового механизма, на дальнейшее, независимое от него, разворачивание вероятностных причинных цепей, запускаемых и определяемых внутренними закономерностями системы. Это – переструктурирование на основе законов изоморфности и прегнантности полей в гештальтпсихологии, аккомодирующие дифференциации и комбинированные ассимиляции до достижения системой состояния адаптации в концепции Пиаже, введение понятия о «зоне ближайшего развития» как внутреннем факторе, определяемом особенностями психики на данной стадии ее развития у Выготского. Культурно-исторический подход Выготского занимает промежуточное положение между неклассическими и постнеклассическими моделями. В нем, помимо вероятностных причинных цепей, подробно описаны механизмы однозначной детерминации (формирование и развитие высших психических функций как результат интериоризации психологических орудий в процессе общения и обучения). Далее мы будем анализировать этот подход вместе с постнеклассическими моделями развития психики.

В постнеклассических детерминационных моделях (деятельностный подход),

также выделяются группы внешних по отношению к психике и поведению и внутренних детерминант. Описываются причинные цепи как динамические (жесткие): интериоризация, порождение внутреннего психического содержания внешней материальной деятельностью в общении и обучении, действие внешнего на внутреннее как пускового механизма, так и статистические (вероятностные): функционирование аналитико-синтетических механизмов, динамические особен-

ности психических процессов и др.

Анализируя основные теоретические подходы к изучению детерминации развития психических процессов и поведения, можно сделать вывод, что на каждом последующем этапе эволюции научных представлений объяснительные детерминационные модели не отрицали, а «вбирали» в себя в том или ином виде идеи и модели доказательств, разрабатываемые предшественниками и оппонентами. Происходил постепенный процесс уточнения и усложнения понимания детерминации психического. Если мы проанализируем постнеклассические модели детерминации развития психики, рассматривающие ее как саморазвивающуюся систему, которая находится в состоянии постоянного взаимодействия со средой, и внутри которой происходят согласованные процессы, то найдем в них, конечно, не буквально, а в «снятом» виде следующие идеи:

- идеи ассоцианистов о «разворачивании» цепочки внутренних психических процессов по законам внутренней связи, под влиянием внешних воздействий;
- идеи бихевиористов, переносящих «разворачивание» цепи изменений в ответ на внешние стимулы (иногда сложно организованные или имеющие информационную природу) на поведение (расширение поведенческого репертуара путем перестраивания или достраивания уже имеющихся систем поведенческих реакций). А также идеи необихевиористов о том, что одним из таких внешних стимулов может выступать знание;

- идеи представителей гештальтпсихологии о структурной динамичной целостности объекта изучения и необходимости учета не отдельно взятых характеристик изучаемого объекта и внешних воздействий, а взаимосвязи между ними;
- идеи Пиаже о необходимости учета взаимосвязей не только между субъектом и внешними по отношению к нему объектами, но и между компонентами собственно внутренней структуры изучаемой системы, а также описание механизмов этой взаимосвязи на каждом этапе развития интеллектуальных структур и при переходе с этапа на этап;
- идеи Выготского об опосредованном характере внешне-внутренней взаимосвязи, прижизненном формировании высших психических функций путем присвоения исторически выработанных форм и способов деятельности в процессе обучения и его идеи о зоне ближайшего развития;
- идеи Леонтьева о деятельностном опосредовании развития психики и интериоризации как механизме порождении внутренних структур из внешних, социально заданных;
- идеи Рубинштейна о взаимообуславливании, опосредованном характере воздействия внешних причин на функционирование внутренних процессов не напрямую, а через воздействие на природу внутренней детерминации психического.

Разрабатываемые на современном этапе модели детерминации развития психики во многом могут быть отнесены к постнеклассическим моделям по критериям нелинейности и самодетерминации, анализа психики как открытой развивающейся самоорганизующейся системы, выстраивания сложных способов взаимосвязей между статистическими и динамическими закономерностями (Зинченко, 2012; Ключко, 2013; Митина, 2003; Пьянкова, 2009).

Понимая психику как самоорганизующуюся сложную систему, мы должны согласиться с тем, что она обладает такими общими для самоорганизующихся систем характеристиками (Николис, 1979; Пригожин, 1991, 1986):

1 психика как развивающаяся (эволюционирующая) система является открытой системой, поскольку закрытые

Постнеклассическая детерминационная модель	
Общие требования к модели	Частные требования к модели
Изучить собственные тенденции развития системы	Исследовать внутренние закономерности функционирования и развития содержания познавательных психических процессов (их состава и структуры) как целостной системы, описать равновесные (относительно стабильные) и неравновесные состояния такой системы.
Исследовать способы и конфигурацию воздействия на систему	Исследовать взаимосвязь между динамическими и статистическими детерминантами в процессе функционирования и развития познавательных процессов
Описать механизмы внешнего инициирования процессов самоизменения системы в желаемом направлении	Исследовать влияние внешних детерминант на функционирование и развитие познавательных процессов и описать механизмы изменения структурной организации изучаемой познавательной системы, перехода на новый уровень развития

Таблица 2. Соотнесение общих и частных требований к построению модели развития познавательных структур.

Postnonclassical deterministic model	
General requirements for models	Specific requirements for models
Examine tendencies of system development	Research internal regulations of functioning and developing the content of cognitive mental processes (considering composition and structure) as an integrated system, the equilibrium (relatively stable) and non-equilibrium state of the system.
Research methods and configuration impact on the system	Define the relationship between dynamic and statistical determinants in the process of functioning and development of cognitive processes
Describe mechanisms of external launch of processes of self-change system in the field described	Identify the influence of external processes on the functioning and development of the cognitive processes and describe the mechanisms of changes in the structural organization of cognitive systems, the transition to a new level of development

Table 2. The ratio of general and specific requirements for the model of cognitive structures development.

- системы в конечном итоге перестают развиваться;
- 2 как открытая система, она постоянно взаимодействует, точнее даже, взаимодействует с окружающей средой энергией, информацией;
- 3 психика находится в неравновесном состоянии, так как равновесные системы не способны к самоорганизации, перестают менять свое состояние;
- 4 находясь в неравновесном состоянии, она воспринимает такие факторы внешнего воздействия, которые не воспринимаются в равновесном состоянии;
- 5 для перевода системы в новое состояние необходимо внешнее воздействие, запускающее процессы локальной упорядоченности и самоорганизации: возникновение, преобразование и усложнение структур («порядок из хаоса»), изменение связей и композиции элементов. «Вводимые в небольшом количестве в систему новые составляющие приводят к возникновению новой сети реакций между ее компонентами. Новая

сеть реакций начинает конкурировать со старым способом функционирования системы. Если система структурно устойчива относительно вторжения новых единиц, то новый режим функционирования не устанавливается, а сами новые единицы («инноваторы») погибают. Но, если структурные флуктуации успешно «приживаются», ... то вся система перестраивается на новый режим функционирования...» (Пригожин, 1986, С. 250). При этом для того, чтобы система перестроилась и возник новый уровень организации, новые структуры, важна не сила оказываемого воздействия, а его «прицельность» относительно точек бифуркации. В точке бифуркации существует много возможностей. «Выбор сценария» развития определяется особенностями системы, «...зависит от условий взаимодействия системы со средой. И если мы своими действиями создаем определенные условия, ... которые втягивают систему в определенное русло развития, то можно считать, что мы сконструировали эти процес-

сы своей деятельностью. Но можно рассматривать эти же процессы как естественные, как выражающие сущностные особенности развивающегося объекта. Ведь система так устроена, что реализация одного из возможных сценариев развития выступает как условие и характеристика бытия системы, как выражение ее природы. И если мы своей деятельностью направили развитие системы по определенному руслу, то это одновременно и искусственное, и естественное. Жесткие грани между ними стираются. Искусственное предстает как вариант естественного» (Степин, 2012, С. 23);

б изменение структурной организации системы, возникновение новых иерархических уровней сопровождается нарушением симметрии, поэтому изменения в самоорганизующихся системах носят необратимый характер (образно выражаясь, «выход» уже не там, где был «вход»). Поэтому применение экспериментального метода исследования к развивающимся системам по параметру его воспроизводимости требует предварительной типологизации изучаемых систем (Степин, 2011, 2012).

Обобщенная детерминационная модель развития психики и поведения, разработанная в рамках того или иного те-

оретического подхода, не может быть напрямую перенесена в практику и использована для решения определенного спектра практических проблем. В

знавательных структур и ее приложение к конкретному предметному материалу должны содержать описание всех трех групп факторов:

Обобщенная детерминационная модель развития психики и поведения, разработанная в рамках того или иного теоретического подхода, не может быть напрямую перенесена в практику и использована для решения определенного спектра практических проблем

логике движения «общее – особенное – единичное» ее необходимо уточнить и дополнить конкретными данными из определенной области научного знания и соответствующими методическими рекомендациями. Одной из таких областей является познавательная сфера. Все описанное выше было положено нами в основу разработки модели детерминации формирования и развития познавательных структур, в частности, структур логического мышления.

В таблице 2 мы представили соотношение выделенных нами в результате теоретического анализа литературы общих требований, предъявляемых к разработке постнеклассической детерминационной модели и задач, стоящих перед исследователем при разработке модели развития познавательных структур.

Таким образом, постнеклассическая модель формирования и развития по-

- 1 собственных тенденций развития познавательной структуры как целостной системы;
- 2 способов и конфигурации воздействия на функционирование и развитие познавательной структуры извне (внешняя детерминация);
- 3 механизмов направленного влияния внешних факторов на формирование и развитие содержания познавательной структуры.

Изучив и описав данные факторы, мы сможем оказывать влияние на формирование и развитие содержания познавательных систем в направлении повышения их эффективности путем воздействия внешних детерминант (порождающая причина) на механизмы самоорганизации познавательных структур (внутренние детерминанты) в соответствии с потенциальными возможностями их саморазвития.

Литература:

- Анохин П.К. Системный анализ интегративной деятельности нейрона / П.К. Анохин // Успехи физиологических наук. – 1974. – № 2. – С. 5-92.
- Бандура А. Теория социального научения / А. Бандура. – Санкт-Петербург : Евразия, 2000. – 320 с.
- Барыбин А.А. Неравновесная термодинамика: учебно-метод. Комплекс / А.А. Барыбин, А.В. Корляков. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2011. – 153 с.
- Брушлинский А.В. Принцип детерминизма в трудах С.Л. Рубинштейна / А.В. Брушлинский // Вопросы психологии. – 1989. – № 4. – С. 66-73.
- Вертгеймер М. Продуктивное мышление / М. Вертгеймер. – Москва : Прогресс, 1987. – 336 с.
- Выготский Л.С. Лекции по педологии / Л.С. Выготский. – Ижевск : Удмурдский университет, 2001. – 303 с.
- Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Л.С. Выготский Собр. соч. В 6 тт. Т. 3. – Москва : Педагогика, 1983. – С. 5-328.
- Давыдов В.В. Принцип развития в психологии / В.В. Давыдов, В.П. Зинченко // Вопросы философии. – 1980. – № 12. – С. 47-60.
- Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления / К. Дункер // Психология мышления : сб. переводов с немецкого и английского / под ред. А.М. Матюшкина. – Москва : Прогресс, 1965. – С. 199-221.
- Зинченко Ю.П. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л.С. Выготского – А.Р. Лурия / Ю.П. Зинченко, Е.И. Первичко // Национальный психологический журнал. – 2012. – № 8. – С. 32-45.
- Ильясов И.И. О проблемных точках деятельностного подхода: текстовые фрагменты из доклада / И.И. Ильясов // Материалы методологического семинара по проблемам деятельностного подхода в психологии. 29 сентября 2006. – Электронный ресурс – Режим доступа: http://www.psy.msu.ru/science/seminars/activity/materials/02_ilyasov.pdf
- Ильясов И.И. Структура процесса учения / И.И. Ильясов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 200 с.
- Ключко В.Е. Проблема сознания в психологии: постнеклассический ракурс / В.Е. Ключко // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 2013. – № 4. – С. 20-35.
- Князева Е.Н. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Вопросы Философии. – 1992. – № 12. – С. 3-20.

- Корнилова Т.В. Мотивационная регуляция принятия решений: современные представления / Т.В. Корнилова // Современная психология мотивации / под ред. Д.А. Леонтьева. – Москва : Смысл, 2002. – С. 172-213.
- Корнилова Т.В. Методологические основы психологии: учебник / Т.В. Корнилова, С.Д. Смирнов. – Москва : Юрайт, 2011. – 483 с.
- Левин К. Динамическая психология / К. Левин. – Москва : Смысл, 2001. – 572 с.
- Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2-х т. Т. II. – Москва : Педагогика, 1983. – 320 с.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – Москва : Наука, 1984. – 444 с.
- Майер Н. Об одном аспекте мышления человека / Н. Майер // Психология мышления : сб. переводов с немецкого и английского / под ред. А.М. Матюшкина. – Москва : Прогресс, 1965. – С. 300-313.
- Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М.К. Мамардашвили. – Санкт-Петербург : Азбука, 2010. – 288 с.
- Митина О.В. Идеи нелинейных динамических систем и деятельностный подход / О.В. Митина // Психология в вузе. – 2003. – № 1-2. – С. 203-215.
- Николис Г. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации / Г. Николис, И. Пригожин. – Москва : Мир, 1979. – 512 с.
- Новая философская энциклопедия. В 4 т. / научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – Т. 1-4. – Москва : Мысль, 2010.
- Объективная диалектика. Т. 1. / Ф.Ф. Константинов и др. ; отв. ред. тома Ф.Ф. Вяккерс // Материалистическая диалектика. В 5 т. / под общ. ред. Ф.В. Константинова, В.Г. Марахова. – Москва : Мысль, 1981. – 374 с.
- Пиаже Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже ; вступ. статья В.А. Лекторского, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. – Москва : Международная педагогическая академия, 1994. – 680 с.
- Пиаже Ж. Психология ребенка / Ж. Пиаже, Б. Инхельдер. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 160 с.
- Пригожин И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46-57.
- Пригожин И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – Москва : Прогресс, 1986. – 432 с.
- Пьянкова С.Д. Нелинейность развития как психологический феномен и литературный мотив / С.Д. Пьянкова // Психологические исследования. – 2009. – № 1(3). – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://psystudy.ru>.
- Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание / С.Л. Рубинштейн. – Москва : Изд-во АН СССР, 1957. – 328 с.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. 1. / С.Л. Рубинштейн. – Москва : Педагогика, 1989. – 488 с.
- Рубинштейн С.Л. Принцип детерминизма и психологическая теория мышления / С.Л. Рубинштейн // Психологическая наука в СССР / под ред. Б.Г.Ананьева и др. Т. 1. – Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1959. – С. 315-356.
- Сачков Ю.В. К синтезу парадигм (концепций) жесткой детерминации и вероятностной детерминации / Ю.В. Сачков // Философия науки. Вып. 7. Формирование современной естественнонаучной парадигмы. – Москва : ИФ РАН, 2001. – С. 148-175.
- Секей Л. Знание и мышление / Л. Секей // Психология мышления : сб. переводов с немецкого и английского / под ред. А.М. Матюшкина. – Москва : Прогресс, 1965. – С. 343-365.
- Соколов Е.Н. Очерки по психофизиологии сознания / Е.Н. Соколов. – Москва : Изд-во МГУ, 2010. – 255 с.
- Спенсер Г. Ассоциативная психология / Г. Спенсер, Т. Циген. – Москва : АСТ-ЛТД, 1998. – 544 с.
- Степанищев А.Ф. Становление постнеклассической философии в аспекте концепции детерминизма: монография / А.Ф. Степанищев. – Брянск : БГТУ, 2004. – 240 с.
- Степин В.С. История и философия науки / В.С. Степин. – Москва : Академический проект; Трикта, 2011. – 423 с.
- Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека (Опыт теоретического и экспериментального исследования) / О.К. Тихомиров. – Москва : Изд-во МГУ, 1969. – 304 с.
- Толмен Э. Когнитивные карты у крыс и у человека / Э. Толмен // Хрестоматия по истории психологии / под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С. 63-82.
- Торндайк Э. Принципы обучения, основанные на психологии / Э. Торндайк // Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. – Москва : АСТ-ЛТД, 1998. – С. 5-250.
- Украинцев Б.С. Самоуправляемые системы и причинность / Б.С. Украинцев. – Москва : Мысль, 1972. – 254 с.
- Хьюбел Д. Глаз, мозг, зрение / Д. Хьюбел. – Москва : Мир, 1990. – 239 с.
- Чуприкова Н.И. Методы и методология психологической науки / Н.И. Чуприкова // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 51-60.
- Чуприкова Н.И. Теория отражения, психическая реальность и психологическая наука / Н.И. Чуприкова // Методология и история психологии. – 2006. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 174-192.
- Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология / Г.П. Щедровицкий. – Москва : Школа Культурной Политики, 1997. – 656с.
- Ach N. Ueber die Willenstatigkeit und das Denken: Eine experimentelle Untersuchung mit einem Anhang. – Gottingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1905. – 311 p.
- Selz O. Zur Psychologie des produktiven Denkens und des Irrtums: eine experimentelle Untersuchung. – Bonn: Cohen, 1922. – 688 p.

References:

- Ach, N. (1905) Ueber die Willenstatigkeit und das Denken: Eine experimentelle Untersuchung mit einem Anhang. Gottingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 311.
- Anokhin, P.K. (1974) Sistemnyy analiz integrativnoy deyatel'nosti neyrona [System analysis of the neuron integrative activity]. Uspekhi fiziologicheskikh nauk [Advances of Physiological Sciences]. 2, 5-92.

- Bandura, A. (2000) Teoriya sotsial'nogo naucheniya [Social learning theory]. St. Petersburg, Eurasia, 320.
- Barybin, A.A. (2011) Neravnovesnaya termodinamika: uchebno-metodicheskiy kompleks [Non-equilibrium thermodynamics: set of exercises. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGeTU «LETI», 153.
- Brushlinskiy, A.V. (1989) Printsip determinizma v trudakh S.L. Rubinshteyna [The principle of determinism in the works of S.L. Rubinstein]. Voprosy psikhologii [Issues of psychology]. 4, 66-73.
- Chuprikova, N.I. (2007) Metody i metodologiya psikhologicheskoy nauki [Methods and methodology of psychology]. Metodologiya i istoriya psikhologii [Methodology and History of Psychology]. Vol. 1, 51-60.
- Chuprikova, N.I. (2006) Teoriya otrazheniya, psikhicheskaya real'nost' i psikhologicheskaya nauka [The theory of reflection, psychic reality and psychological science]. Metodologiya i istoriya psikhologii [Methodology and History of Psychology. Vol. 1, Issue. 1, 174-192.
- Davydov, V.V. (1980) Printsip razvitiya v psikhologii [The principle of development in psychology]. Davydov, V.V., & Zinchenko, V.P. Voprosy filosofii [Issues of philosophy]. 12, 47-60.
- Dunker, K. (1965) Psikhologiya produktivnogo (tvorcheskogo) myshleniya [Psychology of productive (creative) thinking]. Psikhologiya myshleniya [Psychology thinking]. (Ed.) A.M. Matyushkina. Moscow, Progress, 199-221.
- Il'yasov, I.I. O problemnykh tochkakh deyatel'nostnogo podkhoda: tekstovye fragmenty iz doklada [On the problematic points of the activity approach: text excerpts from the report]. [Proceedings of the methodological seminar on the activity approach in psychology. 29 September 2006] - Electronic resource - mode of access: http://www.psy.msu.ru/science/seminars/activity/materials/02_ilyasov.pdf.
- Il'yasov, I.I. (1986) Struktura protsessy ucheniya [The structure of the learning process]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 200.
- Klochko, V.E. (2013) Problema soznaniya v psikhologii: postneklassicheskiy rakurs [The problem of consciousness in psychology: postnonclassical approach]. Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. Series 14, Psychology. 4, 20-35.
- Knyazev, E.N. (1992) Sinergetika kak novoe mirovidenie: dialog s I. Prigozhinym [Synergetics as a new vision of the world: dialogue with I. Prigozhin]. Knyazev, E.N., & Kurdyumov, S.P. Voprosy Filosofii [Issues of Philosophy]. 12, 3-20.
- Kornilova, T.V. (2002) Motivatsionnaya regulyatsiya prinyatiya resheniy: sovremennye predstavleniya [Motivational regulation of decision-making: modern concepts]. Sovremennaya psikhologiya motivatsii [Modern psychology of motivation]. Moscow, Smysl, 172-213.
- Kornilova, T.V. (2011) Metodologicheskie osnovy psikhologii: uchebnik [Methodological bases of psychology: textbook]. Kornilova, T.V., & Smirnov, S.D. Moscow, Yurayt, 483.
- Levin, K. (2001) Dinamicheskaya psikhologiya [Dynamic Psychology]. Moscow, Smysl, 572.
- Leontiev, A.N. (1983) Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya [Selected psychological works]. Vol. 2. Moscow, Pedagogika, 320.
- Lomov, B.F. (1984) Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow, Nauka, 444.
- Mayer, N. (1965) Ob odnom aspekte myshleniya cheloveka [An aspect of human thinking]. Psikhologiya myshleniya [Psychology of thinking]. Moscow, Progress, 300-313.
- Mamardashvili, M.K. (2010) Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsional'nosti [Classical and nonclassical ideals of rationality]. St. Petersburg, Azbuka, 288.
- Mitin, O.V. (2003) Idei nelineynykh dinamicheskikh sistem i deyatel'nostnyy podkhod [Ideas of nonlinear dynamical systems and activity approach]. Psikhologiya v vuze [Psychology in higher school]. 1-2, 203-215.
- Nicolis, G. (1979) Samoorganizatsiya v neravnovesnykh sistemakh: ot dissipativnykh struktur k uporyadochennosti cherez fluktuatsii [Self-organization in nonequilibrium systems from dissipative structures for ordering through fluctuations]. Nicolis, G., & Prigozhin, I. Moscow, Mir, 512.
- Piaget, J. (1994) Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected psychological works]. Moscow, Mezhdunarodnaya Pedagogicheskaya Akademiya, 680.
- Piaget, J. (2003) Psikhologiya rebenka [Child Psychology]. Piaget, J., & Inhelder, B. St. Petersburg, Piter, 160.
- Prigozhin, I. (1991) Filosofiya nestabil'nosti [Philosophy of instability]. Voprosy filosofii [Issues of Philosophy]. 6, 46-57
- Prigozhin, I. (1986) Poryadok iz haosa. Novyy dialog cheloveka s prirodoy [Order out of chaos. The new dialogue between man and nature]. Prigozhin, I., & Stengers, I. Moscow, Progress, 432.
- Pyankova, S.D. (2009) Lineynost' razvitiya kak psikhologicheskii fenomen i literaturnyy motiv [The non-linearity of as a psychological phenomenon and literary motif]. Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological research]. 1 (3). Electronic resource. - Access: <http://psystudy.ru>.
- Rubinstein, S.L. (1957) Bytie i soznanie [Being and consciousness]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 328.
- Rubinstein, S.L. (1989) Osnovy obshchey psikhologii [Bases of General Psychology]. Moscow, Vol. 1, Pedagogika, 488.
- Rubinstein, S.L. (1959) Printsip determinizma i psikhologicheskaya teoriya myshleniya [The principle of determinism and psychological theory of thought]. Psikhologicheskaya nauka v SSSR [Psychological Science in the USSR] (Eds.) B.G. Ananiev et al. Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo APN RSFSR, 315-356.
- Sachkov, Yu.V. (2001) K sintezu paradig (konceptsiy) zhestkoy determinatsii i veroyatnostnoy determinatsii [On the synthesis of paradigms (concepts) of rigid determination and probabilistic determination]. Filosofiya nauki. Formirovanie sovremennoy estestvennonauchnoy paradigmy [Philosophy of Science. Formation of modern natural science paradigm]. Issue 7. Moscow, IF RAN, 148-175.
- Selz, O. (1922) Zur Psychologie des produktiven Denkens und des Irrtums: eine experimentelle Untersuchung. Bonn, Cohen, 688.
- Shchedrovitskiy, G.P. (1997) Filosofiya. Nauka. Metodologiya [Philosophy. The science. Methodology]. Moscow, Shkola Kul'turnoy Politiki, 656.
- Sokolov, E.N. (2010) Ocherki po psikhofiziologii soznaniya [Essays on the psychophysiology of consciousness]. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 255.
- Spencer, H. (1998) Assotsiativnaya psikhologiya [Associative psychology]. Spencer, H., & Tsigen, T. Moscow, AST-LTD, 544.
- Stepanishv, A.F. (2004) Stanovlenie postneklassicheskoy filosofii v aspekte kontseptsii determinizma: monografiya [Becoming of postnonclassical philosophy in terms of the concept of determinism: monograph]. Bryansk, BGTU, 240.
- Stepin, V.S. (2011) Istoriya i filosofiya nauki [History and Philosophy of Science]. Moscow, Akademicheskii Proyekt, Triksta, 423.

(Eds.) Stepin, V.S., Huseynov, A.A., Semigin, G.Yu., & Ogurtsov, A.P. (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [The New Encyclopedia of Philosophy]. Vols. 1-4. Moscow, Mysl'.

Székely, L. (1965) *Znanie i myshlenie* [Knowledge and thinking]. *Psikhologiya myshleniya* [Psychology of thinking]. (Ed.) Matyushkina, A.M. Moscow, Progress, 343-365.

Tikhomirov, O.K. (1969) *Struktura myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka* (Opyt teoreticheskogo i eksperimental'nogo issledovaniya) [The structure of human mental activity (Experience of theoretical and experimental study)]. Moscow, Moscow University Press, 304.

Tolman, E. (1980) *Kognitivnye karty u krysa i u cheloveka* [Cognitive maps in rats and humans]. *Khrestomatiya po istorii psikhologii* [Readings on the history of psychology] (Eds.) Galperin, P.Ya., & Zhdan, A.N. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 63-82.

Thorndike, E. (1998) *Printsipy obucheniya, osnovannye na psikhologii* [Principles of teaching based on psychology]. *Osnovnye napravleniya psikhologii v klassicheskikh trudakh. Biheviorizm* [Main directions of psychology in the classical works. Behaviorism]. Moscow, AST-LTD, 5-250.

Ukrainsev, B.S. (1972) *Samoupravlyaemye sistemy i prichinnost'* [Self-managing system and cause]. Moscow, Mysl', 254.

Hubel, D. (1990) *Glaz, mozg, zrenie* [Eyes, brain, vision]. Moscow, Mir, 239.

(Ed.) Vyakkerov, F.F. *Ob'ektivnaya dialektika* [The objective dialectic]. Vol. 1 *Materialisticheskaya dialektika* (1981) [Materialist dialectics]. Ed. F.V. Konstantinov, & V.G. Marakhova. Moscow, Mysl', 374.

Vygotsky, L.S. (2001) *Lektsii po pedologii* [Lectures on pedology]. Izhevsk, Udmurtskiy Universitet, 303.

Vygotsky, L.S. (1983) *Istorija razvitiya vysshih psichicheskikh funktsij* [History of development of higher mental functions]. *Sobranie sochineniy* [Collected papers]. Vol. 3. Moscow, Pedagogika, 5-328.

Wertheimer, M. (1987) *Produktivnoe myshlenie* [Productive thinking]. Moscow, Progress, 336.

Zinchenko, Yu.P. (2012) *Postneklassicheskaya metodologiya v klinicheskoy psikhologii: nauchnaya shkola L.S. Vygotskogo* [Postnonclassical methodology in clinical psychology: Scientific School of L.S. Vygotsky]. Zinchenko, Yu.P., & Pervichko, E.I. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal]. 8, 32-45.

Исследования образа физического «Я» в различных психологических школах

Н.А. Каминская, А.М. Айламазян Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
 Поступила 8 апреля 2015/ Принята к публикации: 26 апреля 2015

Studies of the body image in various psychological approaches

Natalia A. Kaminskaya, Aida M. Ailamazyan Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia

Received: April 8, 2015 / Accepted for publication: April 26, 2015

Настоящая статья направлена на исследование современного состояния и систематизацию существующих представлений об образе и схеме тела. Для анализа теоретических моделей были выделены следующие критерии: экспликация механизма, лежащего в основе формирования и перестройки образа тела, выявление аспектов образа тела, развитие которых объясняется представленными концепциями. Отдельно рассматривался вопрос о различии между схемой и образом тела, что представляется актуальным в связи с уточнением нейронных механизмов репрезентации своего тела субъектом. В рамках обсуждения феноменологического уровня телесного опыта рассматриваются предположения, согласно которым схема тела является фрагментарной, а не иерархической структурой. Показаны существенные различия в понимании базовых механизмов формирования образа тела, что обусловлено вниманием к разным телесным феноменам. Анализируются психодинамический, когнитивный, социокультурный, феминистский и междисциплинарные подходы. Были выделены механизмы интеграции-дифференциации, когнитивного обобщения и интроекции-интернализации. Высказывается предположение о необходимости рассматривания образа тела в контексте задач на присвоение своего тела личностью. При понимании личности как инструмента формирования и поддержания интегрированности психических процессов, паттерн взаимосвязанных и взаимообусловленных изменений в процессах, которые происходят при конструировании образа внешней ситуации или образа «Я», приобретает особый психологический смысл. Необходимым становится корректное выделение структуры интегративных задач, в решение которых вовлекается субъект в ходе нормального жизненного процесса и в исключительных ситуациях – при наличии физических дефектов, при резком изменении внешности и т.п. Встающие перед субъектом задачи развития определяют специфику формирования образа тела и его возможных искажений.

Ключевые слова: телесность, образ физического «Я», образ тела, телесное Я, схема тела, психологическое «Я», искажения образа тела.

The paper aims to systematize modern concepts of body image and body scheme. For the analysis of theoretical models the following criteria were allocated: explication of the mechanism underlying the formation and restructuring of body image, development of certain aspects of body image which are explained by the presented concepts. Separately the issue of the difference between the body scheme and the body image is discussed that seems relevant in connection with the specific features of the neural mechanisms of body image. In the study of the phenomenological level of bodily experience the assumption that the body scheme is fragmented and has no hierarchical structure is considered. Significant differences in viewing basic mechanisms of developing the body image associated with attention to various bodily phenomena are showed. Psychodynamic, cognitive, socio-cultural, feminist and interdisciplinary approaches are analyzed, which permitted to identify mechanisms of integration-differentiation, cognitive generalization and internalization-introjection. The analysis suggests the consideration of the body image in the context of issues on the appropriation of the body. If person is considered as a tool for shaping and maintaining integration of mental processes, the patterns of interconnected and interdependent changes in the processes that occur in the construction of the image of the external situation and the body image acquires a special psychological meaning. It becomes necessary to allocate correctly the structure of the integrating object in which the subject is involved during the normal course of life, and in exceptional cases, i.e. in the presence of physical defects, the sudden change of appearance, etc. These development objects determine specific form of body image and its possible distortions.

Keywords: body image, body schema, psychological self, distortion of body image, corporeality.

В настоящее время существуют разнообразные теоретические модели, описывающие многоаспектный процесс восприятия личностью своего телесного бытия. В научной литературе в качестве интегрального понятия, очерчивающего весь круг эмпирических фактов, относимых к переживаниям и представлениям субъекта о собственном теле, используются понятия физического «Я» (образа физического «Я»), телесного «Я», образа тела. В некоторых случаях при обращении к вопросам отношения личности к своему физическому облику говорится о внешнем «Я».

В отечественной исследовательской традиции, основанной на деятельностном подходе к изучению психических процессов, проблема восприятия субъектом собственного тела рассматривалась опосредствовано, например:

- 1 Через разработку проблем психологии общения. В рамках социально-перцептивного подхода в работах А.А. Бодалева, В.Н. Куницыной, В.Н. Панферова, С.М. Михеевой и др. исследовалось значение внешнего облика и его экспрессивных характеристик для выстраивания образа собеседника (в широком смысле слова), для формирования впечатлений одного человека о другом, конструирования своего Я в ситуации общения (Бодалев, 1982; Куницына, 1968; Панферов, 1981).
- 2 Через анализ условий возникновения произвольных движений в иссле-

дованиях А.В. Запорожца и его коллег. В данной серии работ разрабатывались представления о том, что развитие произвольных движений требует нового способа отражения мира, преобразования форм чувствительности, а это неизбежно приводит к перестройке самоотражения и самосознания (Запорожец, 1986).

- 3 Через исследование развития эмоциональной регуляции в связи с ее телесной сферой в работах В.В. Лебединского, М.К. Бардышевской (Бардышевская, 2003), О.С. Никольской, Е.Р. Баенской, М.М. Либлинга. Как было показано, различные уровни активности требуют выработки определенных способов аффективной регуляции, позволяющих субъекту адаптироваться в окружающем мире. Формируемая схема тела во многом определяет аффективную оценку телесных ощущений, поскольку в основном отбираются те ощущения, которые приобретают положительные значения по оси «дискомфорт-комфорт».

Рассмотрение различных компонентов, входящих в структуру образа тела, влечет за собой несовпадение формулируемых определений. Так, американский психолог К. Thompson составил список из шестнадцати определений образа тела, используемых исследователями на современном этапе (Grogan, 1999). В них содержится указание на аспекты телесного опыта, которые порой упо-

требляются как взаимозаменяемые, например, точность восприятия размеров тела, удовлетворенность телом и внешностью, оценка внешности и т.д.

По мнению T.F. Cash, L. Smolak, на феноменологическом уровне остается бесспорным наличие переживания материальной, телесной воплощенности своего «Я» как подтверждение реальности существования своего тела во времени и пространстве (Cash, 2011).

Не возникает споров лишь относительно начального слоя телесного опыта – схемы тела, которая признается всеми исследователями в качестве базовой репрезентации телесного опыта, дающей основу для последующей дифференциации телесных представлений и переживаний.

Для систематизации существующих разработок, подробно рассматриваемых ниже, были выделены следующие основные критерии:

- 1 определение механизма, который лежит в основе формирования и перестройки образа тела;
- 2 выявление аспектов образа тела, развитие которых объясняется выделенными концепциями.

Ответы на указанные вопросы позволят структурировать разноуровневую информацию, привлекаемую концепциями для объяснения и утверждения теоретических конструкций.

Предварительно рассмотрим вопрос о разграничении схемы тела и образа тела, который до сих пор обсуждается исследователями, поскольку именно понятие «схема тела» явилось первой концептуализацией телесного опыта.

Вопросы, стоящие перед исследователями при анализе схемы тела и образа тела, на современном этапе звучат следующим образом:

- 1 Нужно ли сохранять понятие схемы тела?
- 2 Являются ли схема тела и образ тела множественными?
- 3 Каково отношение схемы тела, образа тела и самосознания?

Понятие схемы тела, возникшее первоначально в неврологии и активно используемое в разных областях науки – в физиологии, психологии, медицине, робототехнике и т.д., до сегодняшнего дня не имеет четкого определения. Кроме того, не до конца определен его нейрофизиологический субстрат.

Наталья Андреевна Каминская - аспирант кафедры психологии личности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Имеет 5 публикаций, соавтор главы в монографии «Танцевальные практики: семиотика, психология, культура» (под ред. А.М. Айламазян).
E-mail: navigator_com@inbox.ru

Аида Меликовна Айламазян – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры психологии личности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Автор 29 статей и 5 книг.
E-mail: aida@heptachor.ru.:

Исследования Г. Хэда и Г. Холмса, проведенные в первой четверти XX века и значительно углубившие представления о нейрофизиологических механизмах и функциях схемы тела, по-прежнему сохраняют свою актуальность, несмотря на значительное число дополнений (Head, 2015). На предыдущем этапе исследователи, опираясь на наблюдения за пациентами с ампутированными конечностями и мозговыми нарушениями, преимущественно ограничивались констатацией наличия некоего образа собственного тела в мозге пациента без детального рассмотрения организующих его процессов.

Первоначально для объяснения нарушения пространственных репрезентаций у больных с повреждением теменной доли Г. Хэд и Г. Холмс ввели понятие «постуральная схема», образованное от слова «posture». Однако позднее укрепился термин «схема тела», который, согласно определению, представляет собой постуральную модель, активно организующую и модифицирующую «впечатления, производимые входящими сенсорными сигналами/стимулами таким образом, что конечное переживание положения тела или его локализации входит в сознание, связываясь с тем, что происходило раньше» (Head, 2015). Важными свойствами схемы тела является действие по принципу разницы – она постоянно фиксирует изменения, происходящие с телом, непрерывно обновляется во время движения и является преимущественно бессознательной. Таким образом, подчеркивается динамический, «кольцевой» характер схемы тела, в противоположность ее статическому пониманию.

Важно отметить, что данные исследователи, основываясь на ряде наблюдений, выделили две схемы тела: постуральную модель и модель поверхности. Их мозговые механизмы не являются идентичными. Пациенты, которые обладали сохранной тактильной чувствительностью, не отдавали себе отчета в том, в каком положении находятся их конечности.

В некоторой степени разграничение двух схем тела предвосхитило последующие идеи об их принципиальной множественности.

Успехи Х. Хэда и Г. Холмса инициировали научные поиски в направлении

дальнейшего исследования свойств схемы тела. Так, специалистами по нейронауке P. Haggard и D. Wolpert было выделено 7 ее фундаментальных свойств:

- пространственное кодирование (кодирует пространственное расположение тела);
- модульный характер;
- адаптивность;
- мультимодальность;
- интерперсональность (отражает не только собственное тело, но и тела других);
- связность информации, приходящей от различных сенсорных каналов;
- способность обновляться с движением.

Важно, что данные свойства используются для отделения схемы тела от образа тела (Haggard, 2005).

Схема тела, по мнению Ю.С. Левика и В.С. Гурфинкеля, является основой ориентации в собственном теле и, прежде всего, неосознаваемой ориентации. То есть, каждый момент времени центральная нервная система (ЦНС) «отслеживает» положение звеньев, координаты рабочих точек, положение тела относительно осей «вверх-вниз» и «право-лево», обеспечивает сравнение со стандартом, описание последовательности звеньев, расположения рецепторов и эффекторов и т.п. (Гурфинкель, 1991).

Параллельно с достижениями неврологии (формировании представления о схеме тела) развивалась психоаналитическая практика, которая проблематизировала понятие «схемы тела», указав на необходимость более целостного подхода к его изучению и анализа его психологических составляющих.

Понятие «схема тела» получило дальнейшую концептуальную разработку в небольшой книге П. Шильдера «Korperschema», опубликованной им в 1923 году. Внимание исследователя привлекли мозговые нарушения, выражавшиеся в неразличении левой и правой части тела. Изучая механизмы центральной нервной системы, ответственные за создание так называемой пространственной карты или схемы тела, П. Шильдер пришел к выводу о необходимости параллельного исследования физиологических и психологических причин искажения восприятия собственного тела (Shilder, 1978). Понятие «схема тела» очерчивало круг лишь физиологических процессов, и была оче-

видна его недостаточность для перехода на психологический уровень. П. Шильдер высказался против современных ему неврологических подходов, замыкающихся на изучении мозговых механизмов схемы тела.

П. Шильдер вводит понятие «образ тела» (до него в психоанализе было принято говорить о телесном опыте или телесном Я) и определяет его как «картину нашего собственного тела, которую мы создаем в голове, т.е. то, каким образом тело представлено нам» (Shilder, 1978, С. 11). Образ тела обнаруживает себя во многих феноменологических проявлениях, а главное – в непосредственном переживании единства, целостности своего тела. Сюда же может быть отнесена схема тела, которую П. Шильдер определяет вслед за Х. Хэдом, как «постуральную модель тела» или трехмерный образ, который каждый имеет о себе.

В дальнейшем нестрогое разделение понятий схемы тела и образа тела породило путаницу. Например, в физиологии происходило отождествление этих понятий, поскольку не совсем была понятна роль различных анализаторов в конструировании схемы тела и образа тела (Куницына, 1968).

В современных исследованиях осуществляется попытка установить связь между проприоцептивными, тактильными и зрительными компонентами схемы тела и образа тела. Одной из таких теорий является теория зеркальных нейронов.

До сих пор, однако, ведутся споры относительно правомерности использования понятия «схема тела», не совсем ясно, какую именно реальность оно описывает и действительно ли имеется в нервной системе центральная модель, управляющая движениями тела.

По словам, Ю.С. Левика и В.С. Гурфинкеля, отсутствие прогресса в развитии теоретических представлений о функционировании схемы тела связано с тем, что это понятие в значительной степени опередило свое время. Для раскрытия этого механизма было недостаточно знаний о сенсомоторных координациях. «К числу важнейших предпосылок, необходимых для осуществления целесообразных, пространственно-ориентированных движений, относится способность воспринимать свое тело как некоторую единую физическую систему (физическое «Я»), оттра-

ниченную от экстраперсонального пространства и качественно отличную от него» (Гурфинкель, 1991, С. 89). Вполне логичным представляется вывод о том, что обеспечение целостности становится возможным, благодаря центральной интерсенсорной модели.

Бывшее ранее актуальным разграничение схемы тела на схему локализации и схему поверхности тела является абстракцией, скорее, схемы «вкладываются» друг в друга, образуя сложную многопараметрическую систему ориентации в теле.

Если на заре исследований возникала тенденция отождествлять схему тела и образ тела, а позднее, в противоположность, проводить между ними четкую грань, то теперь их соотношение представляется более сложным

Если на заре исследований возникала тенденция отождествлять схему тела и образ тела, а позднее, в противоположность, проводить между ними четкую грань, то теперь их соотношение представляется более сложным. Как пишут авторы сборника «Body Schema and Body Image: interdisciplinary perspectives on the body» Н. Preester и V. Кноckaert, размытость понятий обусловлена специфическими целями тех областей знаний, в рамках которых они используются (Preester, 2005). Авторы в большей степени ссылаются на философский дискурс, нейронауку и психологию, каждая эта область по-своему разрабатывает данное понятие, выхватывая его свойства без системного видения.

По сравнению с «образом тела» понятие «схема тела» гораздо менее популярно в научной литературе. Однако вопросов, возникающих в связи с ним, не меньше

В рамках нейронауки ставится ударение на динамические аспекты репрезентации тела. Становится очевидным, что схема тела не может рассматриваться в «автономном» режиме, поскольку является производной от динамики тела в пространстве. Эта идея, высказанная еще П. Шильдером в 1935 году (нет восприятия без действия), и в то время не нашедшая серьезной поддержки, через несколько десятилетий стала методологическим базисом многих исследований (Shilder, 1978). Собственно идея динамического субъекта (в пространственном и временном отношении) является точкой «схода», объединения многих дисциплин в решении проблемы репрезентации телесного опыта.

Исследователей интересует момент перехода нейронных изменений на феноменологический уровень. Встает фундаментальная проблема осознания собственного телесного опыта.

По сравнению с «образом тела» понятие «схема тела» гораздо менее популярно в научной литературе. Однако вопросов, возникающих в связи с ним, не меньше.

Как объединить данные разных наук в стройную концепцию репрезентации тела? Ответ, предлагаемый некоторы-

ми авторами, звучит следующим образом: объединяющим принципом должна стать динамический структурализм. Динамика и структура не являются противоположными понятиями, они отражают диалектику развития. Динамический подход фокусируется на особом качестве открытости, присущем разным уровням телесной организации: движущемуся телу, живущему в данный момент и имеющему опыт жизни, телу и субъекту, воплощенному телесно. Акцент делается не на структуре, локализованной где-то в мозге, а о структурирующем эффекте в нейронной организации, в переживании или формировании личности. Тело является целенаправленной системой, взаимодействующей с окружением, поэ-

тому рассматривать схему тела и образ тела необходимо в системе задач.

Важный вопрос о множественности или единичности схемы тела и ее взаимоотношениях с образом тела обсуждается в некоторых междисциплинарных работах. Так, М. Stamenov предлагает основываться на следующих рабочих определениях: схема тела есть совокупность нейронных репрезентаций тела и телесных функций в мозге, а образ тела – эксплицированная совокупность ментальных репрезентаций тела и его функций (Stamenov, 2005). Им было высказано предположение, что активация схемы тела в мозге приводит к телесно-му переживанию.

Исследователь утверждает, что репрезентации в рамках схемы тела и образа тела являются фрагментарными и не формируют единую структуру или иерархию. На любом уровне развития и функционирования схема тела и образ тела формируют своего рода «вероятностный коллектор», элементы которого не суммируются в реальный или виртуальный единый паттерн. Ощущение воплощенности в каждом конкретном случае «захватывается» фрагментарным образом тела, а не постоянно существующим базисом телесной идентичности. Все (феноменологические) репрезентации тела являются фрагментарными, единый паттерн телесной идентичности не соответствует реальности, а является больше теоретической абстракцией или теоретическим обобщением.

Широко распространено мнение, что единство, организованность и самоидентификация физического тела должны соответствовать единству схемы тела в мозге и образа тела в сознании. По мнению М. Stamenov, это утверждение не выдерживает критики, поскольку мы обладаем, скорее, несколькими схемами и образами тела (Stamenov, 2005).

Однако вопрос о том, чем обеспечивается переживание стабильной воплощенности и объединенного переживания «Я» остается открытым.

Обращаясь к следующему уровню репрезентации телесного опыта, необходимо упомянуть, что исторически первым направлением, обозначившим проблему образа тела и инициировавшим его изучение, стал психодинамический подход. В работе «The Image and Appearance of the Human Body», написанной в 1935 году и посвященной исключительно данной тематике, австрийский психоаналитик П. Шильдер сделал акцент на необходимости учитывать психологические и социокультурные составляющие образа тела, что и определило направление большинства последующих исследований. Через некоторое время был опубликован ряд работ, углубивших понимание структуры образа тела. Самыми известными из которых стали: монография S. Fisher и S.E. Cleveland «Body Image and Personality» (Fisher, 1968), в которой впервые появилась концепция «границ образа тела» и для изучения восприятия тела стали использоваться проективные методы,

книга F. Shontz «Perceptual and Cognitive aspects of Body Experience» (Shontz, 1969), обосновывавшая необходимость введения понятия «телесный опыт» вместо понятия «образ тела», и вышедшая позднее двухтомная работа S. Fisher «Development and Structure of The Body Image» (Fisher, 1986).

Однако вскоре появились исследования, выходящие за рамки психодинамической парадигмы.

Так, в 1990-е годы выходят книги: K. Thompson «Body image disturbance: Assessment and treatment» (Thompson, 1990) и «Body image, eating disorders, and obesity: An integrative guide for assessment and treatment» (Thompson, 1996), T.F. Cash, T. Pruzinsky «Body Images: Development, Deviance and Change» (Cash, 2002), K. Philips «The Broken Mirror: Understanding and Treating Body Dysmorphic Disorder», S. Grogan «Body Image: Understanding Body Dissatisfaction in Men, Women, and Children» (Grogan, 2007) и др.

Предметом исследования становятся механизмы возникновения пищевых расстройств, дисморфофобические искажения образа тела, соматические заболевания и травмы, ограничивающие трудоспособность, эстетические дефекты (исследование клиентов косметологии и пластической хирургии). Колоссальную популярность получила тема физической привлекательности и исследование факторов неудовлетворенности своим телом у разной категории лиц.

Проблема образа тела стала рассматриваться и осмысливаться во многих измерениях: в аспекте глубинного эмоционального и телесного опыта, в эволюционной ретроспективе, в культурно-историческом контексте, в аспекте нейрофизиологических механизмов, обеспечивающих переживание тела, в рамках когнитивных и поведенческих социальных паттернов, принятых в отношении тела, и т.д.

Таким образом, на смену психодинамическим концепциям пришли когнитивно-бихевиоральные, социокультурные, эволюционные, информационно-процессуальные, феминистские теории, стали активно развиваться нейрорпсихологические исследования образа тела. Кроме того, был взят курс на интеграцию между различными концепциями и дисциплинами.

В настоящее время подавляющее большинство зарубежных работ по проблемам образа тела носит узконаправленный, прикладной характер.

К 2000-м годам работы по данной проблематике стали столь многочисленными, что в 2004 году один из наиболее плодотворных авторов в этой области, придерживающийся когнитивно-бихевиорального направления, T.F. Cash с сотрудниками основал журнал «Body image: an International Journal of Research».

Проблема образа тела стала рассматриваться и осмысливаться во многих измерениях: в аспекте глубинного эмоционального и телесного опыта, в эволюционной ретроспективе, в культурно-историческом контексте, в аспекте нейрофизиологических механизмов, обеспечивающих переживание тела, в рамках когнитивных и поведенческих социальных паттернов, принятых в отношении тела

С середины 1990-х гг. существует журнал «Body and Society», публикации в котором посвящены широкому философско-социально-психологическому контексту исследований образа тела.

Рассмотрим подробнее современные подходы к изучению образа тела, перечисленные выше.

Психоаналитический подход

Современные исследования роли телесного опыта в развитии интрапсихических структур, ведущиеся в рам-

Благодаря данным нейрофизиологических исследований, постоянно уточняются и корректируются представления о развитии телесного Я в онтогенезе, об эмоциональной памяти тела, об источнике искажений образа тела и т.д.

ках психодинамического направления, опираются на основные принципы в отношении взаимосвязи телесного Я и формирующейся структуры личности, сформулированные еще первой плеядой психоаналитиков: З. Фрейдом, К. Абрахамом, Ш. Ференци, В. Райхом и впоследствии развитые представителями теории объектных отношений: М. Кляйн, М. Малер, В.Р. Ферберн, О. Кернберг, Х. Кохут, Дж. Мастерсон и др. (Сokolova, 1985). По-прежнему уделяется большое внимание опыту ранних, довербальных взаимодействий ребенка со взрослым, корни патологии личностной организации усматриваются в осо-

бенностях межличностных отношений, определяющих формирование образа тела на ранних стадиях развития. Большое значение имеет опыт психических травм, искажающих структуру психических процессов.

В настоящее время, следуя общей тенденции к междисциплинарности, психоанализ активно ассимилирует идеи других направлений: нейрофизиологии, феноменологии, философии. Исследователи предпринимают попытку рассматривать явления с нескольких точек

зрения, увязывая между собой данные разных уровней: физиологического, феноменологического, социокультурного.

В частности, благодаря данным нейрофизиологических исследований, постоянно уточняются и корректируются представления о развитии телесного Я в онтогенезе, об эмоциональной памяти тела, об источнике искажений образа тела и т.д.

Современными представителями психоанализа: J. Lichtenberg, M. Main, P. Fonagy, M. Target, D.W. Krueger и др. развиваются идеи о связи психической организации и телесного разви-

тия (Krueger, 2002). В рамках данного направления для обозначения телесного опыта концептуально обосновано использование термина телесное «Я», который не является синонимом «образа тела», а наоборот включает в себя последнее. Телесное «Я» представляет собой динамическую иерархию переживаний и когнитивных процессов, развивающихся от образов и слов через организующие паттерны к абстрациям более высокого уровня, и регулирующих общий психологический опыт (Krueger, 2002). Важно, что наряду со всей совокупностью телесных переживаний, связанных с функционированием тела, те-

лесное «Я» несет в себе указание на их связь с идентичностью – присвоение своего тела, овладение им сопряжено с развитием личности, постепенной трансформацией телесных переживаний в эго-структуры. Образ тела же представляет собой динамическую, развивающуюся ментальную репрезентацию телесного «Я». J. Lichtenberg определяет телесное «Я» как комбинацию психического переживания телесной чувствительности, телесного функционирования и образа тела. Иначе говоря, образ тела помимо ощущений включает в себя когнитивные компоненты.

Развивающиеся в ходе онтогенеза ментальные репрезентации тела закладывают основу для чувства «Я». Форма представления образа тела в интрапсихическом опыте является преимущественно скрытой, бессознательной – он обнаруживает себя в метафорах, нарративах, в специфических симптомах, являющихся символическим выражением бессознательных переживаний

Развивающиеся в ходе онтогенеза ментальные репрезентации тела закладывают основу для чувства «Я». Форма представления образа тела в интрапсихическом опыте является преимущественно скрытой, бессознательной – он обнаруживает себя в метафорах, нарративах, в специфических симптомах, являющихся символическим выражением бессознательных переживаний. Субъект в большинстве случаев не отдает себе отчета в том, что его восприятие собственного тела окрашено эмоциями, которые актуально не осознаются. В психоанализе высказывается важная мысль о том, что некоторые телесные пережива-

Телесное «Я» дает начало так называемому психологическому «Я», фундаментом которого является ощущение того, что мы располагаемся внутри своего тела, что существует единство тела и разума, которые оба принадлежат нам

ния блокируются и не допускаются в сознание из-за их высокой травматичности для субъекта (эта идея заимствуется из теории травмы, первоначально сформулированной О. Ранком) или же из-за установки на игнорирование эмоций, проявляющихся телесно.

Таким образом, тело становится контейнером для тех чувств, которые не могут быть высказаны, или даже просто допущены в сознание. Следствием заблокированности, недоступности телесных переживаний и связанных с ними эмоций

является отсутствие средств для исследования и преобразования своего «Я», так утверждает D.W. Krueger (Krueger, 2002). Данный автор, объединив психодинамические принципы, теорию привязанности, нейропсихологию и науку о раннем развитии ребенка, формулирует представление об интеграции телесного и психологического «Я», как основы переживания собственной психофизической целостности, непрерывности и уникальности. Телесное «Я» дает начало так называемому психологическому «Я», фундаментом которого является ощущение того, что мы располагаемся внутри своего тела, что су-

ществует единство тела и разума, которые оба принадлежат нам. Психологическое «Я» развивается с овладением языком и символами, означающими внутренний опыт и делающими возможным его выражение при коммуникации. В ходе онтогенеза должна осуществиться интеграция телесного «Я», разрозненные элементы телесного опыта начинают «концентрироваться» вокруг единого психического центра, что подразумевает развитие способности отражать собственные переживания и поведение, а также понимать чувства, желания, намерения, мысли других. Подчеркивается значимость в онтогенезе довербального телесного опыта, форми-

руемого сенсомоторным взаимодействием тел ребенка и взрослого, осуществляющего заботу.

Важным фактором, наряду с анатомо-физиологическим созреванием, оказывающим влияние на развитие телесного «Я» и образа тела, является характер эмпатического взаимодействия ребенка и взрослого на ранних этапах психофизического развития первого, особенно отзеркаливающих реакций взрослого (иначе говоря, интерсубъективность, довербальное означивание телесных со-

стояний ребенка действиями взрослого) (Krueger, 2002).

В работах психоаналитически-ориентированных исследователей выделяются три стадии развития телесного «Я»:

- 1 Стадия раннего переживания тела, на которой главную роль играет проприоцептивная чувствительность. Ребенок еще не отделяет свое тело от окружения. Прикосновения взрослого формируют ощущение его границ, а эмпатические ответные реакции означивают на довербальном уровне внутренние состояния ребенка. Так указывается в работах Д. Винникота, Дж. Кестенберга, Дж. Гротштейна, а также Д. Анзье.
- 2 Определение границ тела и разделение внутренних состояний. Установление границ тела и внутренних состояний формирует интегрированное чувство «Я». Происходит разделение внутреннего и внешнего – что есть «Я» и что – «не-Я». Внутренний опыт ребенка становится цельным, поскольку он больше не представляет собой собрание частей.
- 3 Определение и интеграция телесного «Я» как основы самосознания. Новый уровень самосознания – 15-18 месяцев, когда ребенок узнает себя в зеркале и начинает говорить «нет», формируется переживание отдельности своего существования. При нормальном развитии переживание и образы, связанные с телом, а также ощущение телесных границ объединяются в единое целое. Синтез телесного «Я» и психологического «Я» позволяет ощущать себя целостным и непрерывным.

Таким образом, развитие чувства «Я» представляет собой интерперсональный процесс. Ф. Дольто пишет: «... образ тела в высшей степени бессознателен: он может частично стать предсознательным и лишь тогда, когда ассоциируется с сознательным языком, использующим метафоры и метонимии, отсылающие к образу тела, как в речевой мимике, так и в вербальном языке» (Дольто, 2006, С. 17). Иначе говоря, образ тела отражает символизацию отношений.

В то время как другие подходы сосредотачиваются на особенностях влияния социокультурных факторов или индивидуальных особенностей когнитивной обработки информации, психоанализ объясняет причины столь распространенных ныне явлений, связанных с искажениями образа тела (нервная

анорексия, ожирение, самоповреждение и т.д.), исходя из нарушений в формировании базовых слоев телесного и эмоционального опыта.

Когнитивно-бихевиоральное направление

Оно представлено работами следующих исследователей: T.F. Cash (Cash, 2008, 2011, 2012); T. Pruzinsky (Cash, 2002); E.F. Williams; M.T. Santos; H. Markus; R. Hamill; D.M. Lavalley; J.L. Jarry; T.A. Jakatdar и др.

Основываясь на концепции социального научения и когнитивного опосредствования поведения и эмоций, T.F. Cash разработал теоретическую модель формирования образа тела с учетом нескольких детерминант (Cash, 2011).

Для данного подхода характерно разделение исторических и текущих факторов, оказывающих влияние на образ тела. Вторые поддаются более быстрому изменению и именно на их корректировке сосредотачивается терапевтическая работа. Помимо этого, выделяются две основные переменные, определяющие отношение индивида к собственному телу: когнитивно-поведенческая значимость образа тела и позитивные или негативные оценки и представления субъекта о своей внешности.

Важным параметром оценки сложившегося образа тела является степень его схематичности или широта и устойчивость когнитивных обобщений о собственном теле, сформировавшихся в результате прошлого опыта. Чем меньше схематичность, тем более податливым окажется субъект в процессе преобразования образа тела. Под схемами понимаются когнитивные обобщения о себе, сложившиеся в результате прошлого опыта, которые организуют и направляют обработку информации, относящуюся к самому индивиду и его социальному окружению (Marcus, 1987).

Данное направление занимается исследованием когнитивной обработки информации, связанной с образом тела, и определением активирующих событий для подобной обработки (например, наблюдение и сравнение своего тела с телом других, изучение себя в зеркале, чья-либо оценка внешнего облика, ношение определенной одежды, занятия спортом, изменения во внешности и т.д.). Когнитивная

обработка включает в себя внутренний диалог, состоящий из эмоционально-обусловленных автоматических мыслей, выводов, интерпретаций и заключений по поводу своего внешнего облика. Для того чтобы справиться с мыслями и чувствами, вызывающими тревогу, субъект, согласно данной модели, использует особые когнитивно-поведенческие стратегии: избегающие стратегии, фиксирующиеся на проблеме стратегии и стратегии рационального, позитивного принятия. Дисфункциональные схемы образа тела связаны с использованием двух первых стратегий. Кроме того, весьма вероятно возникновение порочного круга – взаимозависимости дисфункциональных схем образа тела и ошибочных копинговых стратегий.

Таким образом, нарушения образа тела усматриваются в когнитивных смещениях и искажениях при обработке и интерпретации информации, которая является центральной для построения образа тела.

В настоящее время возникла своеобразная потребность в курсах по управлению своей внешностью, ее восприятием и самопрезентацией (appearance self-management), которые разрабатываются и реализуются в обучающих программах по предотвращению психологических нарушений, связанных с образом тела (Winzelberg, 2002). На эту тему изданы, например, следующие работы: «Understanding the Causes of a Negative Body Image» В. Мое, «The Body Image Workbook: An Eight-step Program for Learning to like your looks» T.F. Cash (Cash, 2008), «Overcoming Body Image Disturbance: A Programme for People with Eating Disorders» L. Bell, J. Rushforth (Bell, Rushforth, 2008).

Отметим, что когнитивные модели образа тела в отношении расстройств пищевого поведения активно разрабатываются и в рамках концепций обработки информации К. Vitousek, F. Manke, D.A. Williamson, T.M. Stewart, M.A. White (Williamson, 2002), J.D. Feusner, J. Townsend, A. Bystritsky, S. Bookheimer (Feusner, 2007) и др. Искажения образа тела в них понимаются как один из типов когнитивного «смещения», которое приводит к избирательной, предвзятой интерпретации.

Социокультурный подход

Подход представлен работами М. Tiggemann (Tiggemann, 2005, 2009); J.K.

Thompson; L. Clark; H. Dohnt; M.P. Levine, (Levine, 2009); L. Smolak; E. Stice; M. Kindes и др.

Социокультурный подход, возникший на стыке психологии и социологии и представленный широким кругом теоретических разработок, предлагает иные концептуальные рамки для исследования образа тела. В их основе лежит общий методологический принцип приоритетной роли культурных ценностей в формировании отношения индивидов к собственному телу, иначе говоря, идея социального конструкционизма. Подвергаются анализу представления о физической привлекательности в разных культурных контекстах, условия их интроекции личностью, их значение для интеракции и социального статуса.

Последние три десятилетия ознаменовались резким увеличением количества научно-исследовательских работ, выполненных в русле данной парадигмы. Толчком для этого послужила усиливающаяся тенденция современного западного общества ориентироваться при оценке личности и на ее телесные характеристики. Изменение представлений о личности, в первую очередь, определяются трансформацией процессов индивидуализации. Именно с этим связывается мода на преобразование своего тела (от физических тренировок и диет до пластической хирургии). Эволюционные теории в рамках этого подхода рассматривают причины трансформаций представлений об идеальной и нежелательной внешности с точки зрения биологии, социологии и психологии в ходе исторического процесса. Параметры физической привлекательности связываются с репродуктивным потенциалом и высоким социальным статусом, как указывается в работах В. Суэми, А. Фернхем (Суэми, 2009), J.H. Langois, D. Singh, K.K. Dion, E.H. Eagly и др.

Как и остальные линии в исследовании образа тела, социокультурное направление берет свое начало от новаторских работ П. Шильдера, в которых образ тела впервые рассматривался как продукт целого ряда факторов, начиная с физиологических и заканчивая социальными. Он утверждал, что образ тела является не только перцептивным конструктом, но и отражением отношений и взаимодействий с другими (Shilder, 1978).

Помимо этих идей, имеются и другие теории, в рамках которых ведутся исследования интересующей нас проблемы. Это теория социального ожидания, основанная на принципе реципрокного детерминизма, – восприятие и поведение в отношении других влияет на то, как ведут себя последние, что, в свою очередь, влияет на то, как они себя воспринимают. Иначе этот эффект обозначается как самоактуализирующееся пророчество. Теория имплицитной личности рассматривает когнитивные структуры, которые индивиды используют для означивания мира. Теория статусной генерализации изучает, как внешние статусные характеристики влияют на социальное взаимодействие, при этом физическая привлекательность, как диффузная характеристика, ассоциируется с широким рядом желательных атрибутов, как при восприятии других, так и про восприятию себя.

Особую значимость проблематики тела в социально-психологических исследованиях и в современном обществе в целом подтверждает успех основанного в середине 1990-х годов в Великобритании журнала «Body and Society» («Тело и общество»).

В рамках данного подхода поднимаются следующие вопросы: влияние возраста (в исследуемые выборки интенсивнее начали включать детей, подростков, лиц пожилого возраста), социального положения, занятий спортом или танцами на образ тела, кросскультурные исследования, влияние медиа и т.д.

Если раньше исследователей интересовали только такие параметры тела, как форма и вес, то в последние два десятилетия перечень параметров существенно расширился. Анализу подвергается озабоченность стройностью у женщин, мускулистостью – у мужчин, реже можно встретить исследования отношения к чертам лица, степени загорелости кожи, татуировкам и т.д. В противоположность сформированной привычке исследовать негативные аспекты образа тела, начали появляться работы, сосредоточенные на изучении предикторов формирования положительного образа тела.

Существует отдельная область исследования, обозначаемая как women's study, она объединяет разделы наук, которые изучают различные сферы жизни женщин – от физиологических особенностей жен-

ского организма до гендерно-ролевых установок в современном обществе.

Весьма популярными являются исследования влияния медиа на самовосприятие. Главный вопрос, который при этом встает перед исследователями: почему одни субъекты в большей степени чувствительны по отношению к пропагандируемым идеалам, в большей степени интроецируют, формируют на их основе Я-концепцию, а другие – в меньшей.

Социокультурный подход показывает, что в разные исторические периоды те или иные параметры тела связывались в сознании с определенными личностными чертами. Например, худоба в начале XX века в США и Великобритании ассоциировалась с болезнью (из-за связи ее с туберкулезом). В более позднее время она начала ассоциироваться со СПИДом. В настоящее время в западной культуре стройное тело ассоциируется с социальным успехом. Спортивное, мускулистое тело перестало быть символом ручного труда и сделалось знаком силы воли, энергии и самоконтроля. Причем, эффекты физической привлекательности сильнее при восприятии социальной компетентности (коммуникабельности и популярности) (Eagly, 1991).

Отметим, что когнитивно-бихевиоральная модель развития образа тела отчасти может быть причислена к социокультурному подходу, поскольку в ее основе лежит идея важности культурной социализации, особенностей межличностного общения и личных установок в отношении оценки и работы над своим телом.

Феминистские концепции образа тела

Такого рода концепции разрабатываются N.M. McKinley (McKinley, 2012), L. Birke (Birke, 2000), S. Bordo, J. Butler, R. Braidotti, R. Diprose, E.Grosz и др. Данные исследования указывают на распространенность неудовлетворенности своим телом именно у женщин, что рассматривается не как результат индивидуальной патологии, а как систематический социальный феномен. Общество создает определенные стереотипы, которые довлеют над индивидуальным сознанием. Например, западные общества разделяли тело и разум, и женщины больше

ассоциировались с телом, а мужчины – с разумом. Ассоциация «женщина – тело» со временем стала очень прочной. Имплицитно подразумевается, что женщины и девочки – это объекты, на которые смотрят и оценивают, выносят суждения о том, насколько их тела приближены к социальным стандартам. Данные факторы формируют особое женское самосознание и делают их зависимыми от других. В исследованиях феминистического толка довольно часто используется показатель «мера объективированного телесного самосознания» (objectified body consciousness), который содержит в себе указание на характер наблюдения за своим телом и телом других, степень интернализации культурных канонов в отношении тела и представления о внешности. Направления исследований чрезвычайно разнообразны: анализируется образ тела у белых и цветных женщин, гетеросексуалок и женщин с нетрадиционной сексуальной ориентацией, женщин из престижных, средних и непривилегированных классов, женщин-инвалидов с ограниченными физическими возможностями, девочек-подростков и пожилых женщин. Рассматривается взаимодействие доминирующих социальных конструктов с другими «переменными» (например, раса, пол, класс и т.д.).

В противоположность интересу к нарушениям образа тела начинает формироваться концепция «положительного» образа тела в русле позитивной психологии. Появляются статьи на тему предикторов удовлетворенности своим телом в различных гендерно-возрастных и социально-экономических условиях. Исследуется формат жизни современного человека, большое внимание уделяется социальным сетям, которые также вносят свой вклад в формирование образа «Я» и образа тела, в частности. Разрабатываются профилактические программы для поддержания благополучного образа тела.

Итак, согласно выделенным критериям оценки рассматриваемых психологических подходов базовыми механизмами формирования образа тела являются:

- 1 в рамках психоаналитического подхода – интеграция и дифференциация психических структур;
- 2 в рамках когнитивного и когнитивно-поведенческого подходов – когнитивное обобщение и интерпретация;

3 в рамках социокультурного и феминистского подходов – интроспекция и интернализация культурно-специфических представлений о теле.

Помимо этого, представленные направления концентрируются на объяснении различных компонентов образа тела. Психоаналитический подход выделяет нетождественные структуры образа тела и телесного «Я» (последнее рассматривается как базис общего психологического опыта). Он также объясняет переживание своего тела как отдельного и единого и представляет генезис зеркального образа как основы самосознания. Когнитивный, социокультурный и феминистский подходы сосредотачиваются на оценочном компоненте образа тела, описывающем характер восприятия собственного тела по сравнению с существующими эталонами.

Психоаналитическое направление затрагивает актуальную проблему схемы тела, которая, тем не менее, полнее раскрывается в междисциплинарных исследованиях. Ключевые положения, подвергающиеся на современном этапе пересмотру, связаны со структурой телесной идентичности, которая, как показывают нейрофизиологические данные, обеспечивается не едиными, а фрагментарными репрезентациями тела. Отсюда закономерно вытекает

предположение о множественности схемы тела, вопреки более раннему представлению о ней, как о единичной.

Специального внимания заслуживает попытка рассматривать образ тела и схему тела в системе задач, решаемых субъектом. Данный подход соответствует поддерживаемой авторами настоящей статьи идее о корректности исследования физического «Я» в контексте процесса присвоения личностью своего тела. Мы исходим из теоретических концепций, рассматривающих личность как инструмент формирования и поддержания интегрированности психических процессов. Понятие «интеграции» позволяет увидеть в совокупности феноменов определенную структуру, паттерн взаимосвязанных и взаимообусловленных изменений в процессах, которые происходят при конструировании образа внешней ситуации или образа «Я», при преобразовании мотивационных структур и т.д.

Образ тела является производной структурой, складывающейся в процессе овладения, осознания личностью собственных физических особенностей. Отсюда увязываются в единый паттерн аффективные, когнитивные, оценочные компоненты, отражающие ту или иную сторону данного процесса, осуществляющегося в конкретных жизненных условиях.

Встающие перед субъектом задачи развития определяют специфику формирования образа тела, а также актуализирующихся механизмов и возможных искажений образа физического «Я». К подобным задачам можно отнести:

- осознание себя телесным субъектом, обладающим уникальностью и реализующим себя через телесные функции;
- осознание особенностей внешности в их соотношении с существующими эталонами;
- овладение экспрессивными компонентами поведения;
- учет физических возможностей в процессе достижения желаемого и физических барьеров, стоящих на данном пути.

Необходимо подчеркнуть, что тело, присваиваемое субъектом, а также образ тела являются особой целостностью, которая конструируется, выстраивается онтогенетически в ходе выполнения операций в отношении своего тела и объектов внешнего мира. Данный подход к проблематике образа тела и схемы тела примиряет концепции, рассматривающие физическое «Я» субъекта на различных онтогенетических стадиях и в системе несовпадающих задач, и располагает их соответственно разным уровням формирования психической организации личности.

Литература:

- Бардышевская М.К. Диагностика эмоциональных нарушений у детей / М.К. Бардышевская, В.В. Лебединский. – Москва : Психология, 2003. – 320 с.
- Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком / А.А. Бодалев ; под ред. А.А. Бодалева. – Москва : Изд-во Моск. Ун-та, 1982. – 200 с.
- Гурфинкель В.С. Концепция схемы тела и моторный контроль / В.С. Гурфинкель, Ю.С. Левик // Интеллектуальные процессы и их моделирование. Организация движений / под ред. А.В. Чернавского. – Москва : Наука, 1991.
- Дольто Ф. Бессознательный образ тела // Ф. Дольто Собр. соч. В 16 т. Т. 16. – Москва : ERGO, 2006. – 376 с.
- Запорожец А.В. Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 2 // Собр. соч. в 2 т. – Москва : Педагогика, 1986. – 296 с.
- Куницына В.Н. К вопросу формирования образа своего тела у подростков / В.Н. Куницына // Вопросы психологии. – 1968. – № 1. – С. 90-99.
- Лабунская В.А. Эстетическая оценка своего лица и значимость внешнего облика для женщин, использующих различные практики преобразования внешнего облика / В.А. Лабунская // Лицо человека как средство общения: междисциплинарный подход / отв. ред. В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов, Д.А. Дивеев. – Москва : Когито-Центр, 2012. – 348 с.
- Николаева В.В. От традиционной психосоматики к психологии телесности / В.В. Николаева, Г.А. Арина // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 1996. – № 2. – С. 8-18.
- Панферов В.Н. Внешность и личность / В.Н. Панферов // Социальная психология личности : сб. статей / отв. ред. А.А. Бодалев. – Ленинград : Знание, 1974. – С. 106-113.
- Первичко Е.И. Особенности эмоционального и телесного опыта у детей с ожоговыми травмами // International Journal of Psychology. – 2008. – Т. 43. – №3-4. – С. 115-115.
- Соколова Е.Т. Исследования «образа тела» в зарубежной психологии / Е.Т. Соколова, А.Н. Дорожевец // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 14. Психология. – 1985. – № 4. – С. 39-49.
- Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я / Е.Т. Соколова. – Москва : Смысл, 2015. – 407 с.
- Суэми В. Психология красоты и привлекательности / В.Суэми, А. Фернхем. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 240 с.
- Тхостов А.Ш. Психология телесности / А.Ш. Тхостов. – Москва : Смысл, 2002. – 288 с.
- Bell L., Rushforth J. Overcoming body image disturbance: A program for people with eating disorders. – London: Routledge, 2008.

- Birke L. *Feminism and the Biological Body*. – New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2000.
- Cash T.F. *Body image and plastic surgery* // D.B. Sarwer et al. (Eds.) *Psychological Aspects of Reconstructive and Cosmetic Surgery: Clinical, Empirical, and Ethical Perspectives*. – Philadelphia: Lippincott, Williams & Wilkins, 2006. – pp. 37-59.
- Cash T.F. *Cognitive-behavioral perspectives on body image* // T.F. Cash (Ed.) *Encyclopedia of Body Image and Human Appearance*. – London, UK, and San Diego, CA: Academic Press (Elsevier), 2012. – pp. 334-342.
- Cash T.F. *The Body Image Workbook: An Eight-Step Program for Learning to like Your Looks*. – Oakland: New Harbinger Publications, 2008.
- Cash T.F., Pruzinsky T. *Future challenges for body image theory, research, and clinical, practice* // T.F. Cash & T. Pruzinsky (Eds.) *Body Images: A Handbook of Theory, Research, and Clinical Practice*. – New York: Guilford Press, 2002. – pp. 509-516.
- Cash T.F., Smolak L. *Body Image: A Handbook of Science, Practice, and Prevention*. New York: Guilford Press, 2011.
- Eagly E.H. *What is beautiful is good, but... A meta-analytic review of research on the physical attractiveness stereotype* // *Psychological Bulletin*. – 1991. – V. 110. – pp. 109-128.
- Feusner J.D., Townsend J., Bystritsky A., Bookheimer S. *Visual Information Processing of Faces in Body Dysmorphic Disorder* // *Archives of General Psychiatry*. – 2007. – V. 64(12). – pp. 14-25.
- Fisher S. *Development and Structure of The Body Image*, Hillsdale. – N.J./London: Lawrence Erlbaum, 1986. – Vol. 1 & 2.
- Grogan S. *Body Image: Understanding Body Dissatisfaction in Men, Women and Children*. 2007. – NY, 1999. – 264 p.
- Haggard P., Wolpert D.M. *Disorders of Body Scheme. Higher-Order Motor Disorders* // Ed. Freund, Jeannerod, Hallett & Leiguarda. – Oxford University Press, 2005.
- Head H. *Studies in Neurology*. Vol. 2. – London: Oxford University Press, 1920.
- Krueger D.W. *Integrating body self and psychological self: Creating a New Story in Psychoanalysis and Psychotherapy*. – New York: Psychology Press, 2002.
- Levine M. P., Murnen S. «Everybody knows that mass media [pick one] are/are not a cause of eating disorders»: A critical review of evidence for a causal link between media, negative body image, and disordered eating in females // *Journal of Clinical and Social Psychology*. – 2009. – V. 28. – pp. 9-42.
- Marcus H., Hamill K., Sentsis K.P. *Thinking fat: Self-schemas for body weight-relevant information* // *Journal of Applied Social Psychology*. – 1987. – V. 17. – pp. 50-71.
- McKinley N.M. *Feminist perspectives and objectified body consciousness* // T.F. Cash & T. Pruzinsky (Eds.) *Body Images: A Handbook of Theory, Research, and Clinical Practice*. – NY: Guilford Press, 2012. – pp. 3-12.
- Preester H., Knockaert V. *Body Schema and Body Image: interdisciplinary perspectives on the body*. – John Benjamins B.V., 2005.
- Shilder P. *The image and appearance of the human body*. – New York: International Universities Press, 1978.
- Shontz F. *Perceptual and Cognitive aspects of Body Experience*. – N.Y.: Academic Press, 1969. – 250 p.
- Stamenov M. I. *Body schema, body image, and mirror neurons* // *Body Schema and Body Image: interdisciplinary perspectives on the body*. – John Benjamins B.V., 2005.
- Thompson J.K. *Body image disturbance: Assessment and treatment*. Elmsford. – NY: Pergamon Press, 1990.
- Tiggemann M. *The state of body image research in clinical and social psychology* // *Journal of Social and Clinical Psychology*. – 2005. – V. 24. – pp. 1202-1210.
- Tiggemann M., Polivy J., Hargreaves D. *The processing of thin ideals in fashion magazines: A source of social comparison or fantasy?* // *Journal of Social and Clinical Psychology*. – 2009. – V. 28. – pp. 73-93.
- Williamson D.A., Stewart T.M., White M.A., York-Crowe E. *An information-processing perspective on body image* // T.F. Cash & T. Pruzinsky (Eds.) *Body Images: A Handbook of Theory, Research, and Clinical Practice*. – NY: Guilford Press, 2002.
- Winzelberg A.J., Abascal L., Taylor C.B. *Psychoeducational approaches to the prevention and change of negative body image* // T.F. Cash & T. Pruzinsky (Eds.) *Body Images: A Handbook of Theory, Research, and Clinical Practice*. – NY: Guilford Press, 2002. – pp. 3-12.

References:

- Bardyshevskaya, M.K. (2003) *Diagnostika emotsional'nykh narusheniy u detey* [Diagnosis of emotional disturbances in children]. Bardyshevskaya, M.K. & Lebedinskiy, V.V. Moscow, *Psichologiya*, 320.
- Bell, L., & Rushforth, J. (2008) *Overcoming body image disturbance: A program for people with eating disorders*. London, Routledge.
- Birke, L. (2000) *Feminism and the Biological Body*. New Brunswick, NJ, Rutgers University Press.
- Bodalev, A.A. (1982) *Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom* [The perception and understanding of the human person]. Moscow, *Izdatel'stvo Moskovskogo univetsiteta*, 200.
- Cash, T.F. (2006) *Body image and plastic surgery*. D.B. Sarwer et al. (Eds.) *Psychological Aspects of Reconstructive and Cosmetic Surgery: Clinical, Empirical, and Ethical Perspectives*. Philadelphia, Lippincott, Williams & Wilkins, 37-59.
- Cash, T.F. (2012) *Cognitive-behavioral perspectives on body image*. T.F. Cash (Ed.) *Encyclopedia of Body Image and Human Appearance*. London, UK, and San Diego, CA, Academic Press (Elsevier), 334-342.
- Cash, T.F. (2008) *The Body Image Workbook: An Eight-Step Program for Learning to like Your Looks*. Oakland, New Harbinger Publications.
- Cash, T.F., & Pruzinsky T. (2002) *Future challenges for body image theory, research, and clinical, practice*. T.F. Cash & T. Pruzinsky (Eds.) *Body Images: A Handbook of Theory, Research, and Clinical Practice*. New York, Guilford Press, 509-516.
- Cash, T.F., & Smolak, L. (2011) *Body Image: A Handbook of Science, Practice, and Prevention*. New York: Guilford Press.
- DoI'fo, F. (2006) *Bessoznatel'nyy obraz tela* [Unconscious body image] *Coll. Op.* Vol. 16. Moscow, ERGO, 376.
- Eagly, E.H. (1991) *What is beautiful is good, but... A meta-analytic review of research on the physical attractiveness stereotype*. *Psychological Bulletin*. Vol. 110, 109-128.

- Feusner, J.D., Townsend, J., Bystritsky, A., & Bookheimer, S. (2007) Visual Information Processing of Faces in Body Dysmorphic Disorder. *Archives of General Psychiatry*. Vol. 64(12). 14-25.
- Fisher, S. (1986) *Development and Structure of The Body Image*. Hillsdale, N.J. London, Lawrence Erlbaum, Vol. 1 & 2.
- Gurfinkel, V.S. (1991) *Konceptsiya skhemy tela i motornyy kontrol'* [The concept of body schema and motor control]. Gurfinkel, V.S., & Levick, Yu.S. *Intellektual'nye processy i ih modelirovanie. Organizatsiya dvizheniy* [Intelligent processes and their simulation. Organization of movements]. Moscow, Nauka.
- Grogan, S. (2007) *Body Image: Understanding Body Dissatisfaction in Men, Women and Children*. NY, 264.
- Haggard, P., & Wolpert, D.M. (2005) *Disorders of Body Scheme. Higher-Order Motor Disorders*. (Eds.) Freund, Jeannerod, Hallett & Leiguarda. Oxford University Press.
- Head, H. (1920) *Studies in Neurology*. Vol. 2. London, Oxford University Press.
- Krueger, D.W. (2002) *Integrating body self and psychological self: Creating a New Story in Psychoanalysis and Psychotherapy*. New York, Psychology Press.
- Kunitsyn, V. (1968) *K voprosu formirovaniya obraza svoego tela u podrostkov* [On the body image development in adolescents]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology]. 1, 90-99.
- Labunskaya, V.A. (2012) *Esteticheskaya otsenka svoego litsa i znachimost' vneshnego oblika dlya zhenshchin, ispol'zuyushhikh razlichnye praktiki preobrazovaniya vneshnego oblika* [Aesthetic assessment of one's face and the importance of appearance for women using various practices transform the external appearance]. *Litso cheloveka kak sredstvo obshcheniya: mezhdistsiplinarnyy podkhod* [The man's face as a means of communication: a multidisciplinary approach]. Moscow, Kogito Tsenter, 348.
- Levine, M. P., & Murnen, S. (2009) «Everybody knows that mass media [pick one] are/are not a cause of eating disorders»: A critical review of evidence for a causal link between media, negative body image, and disordered eating in females. *Journal of Clinical and Social Psychology*. Vol. 28, 9-42.
- Marcus, H., Hamill, K., & Sentis, K.P. (1987) Thinking fat: Self-schemas for body weight-relevant information. *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 17, 50-71.
- McKinley, N.M. (2012) Feminist perspectives and objectified body consciousness. T.F. Cash & T. Pruzinsky (Eds.) *Body Images: A Handbook of Theory, Research, and Clinical Practice*. NY, Guilford Press, 3-12.
- Nikolaeva, V.V. (1996) *Ot traditsionnoy psikhosomatiki k psikhologii telesnosti* [From traditional psychosomatic psychology to corporeality]. Nikolaeva, V.V., & Arina, G.A. *Vestnik MGU* [Bulletin of Moscow Lomonosov State University]. Series 14 Psychology. 2, 8-18.
- Panferov, V.N. (1974) *Vneshnost' i lichnost'* [Appearance and personality]. [Social psychology of personality]. Leningrad, Znanie, 106-113.
- Pervichko, E.I. (2008) *Osobennosti emotsional'nogo i telesnogo opyta u detey s ozhogovymi travmami* [Features of emotional and physical experience in children with burn injuries]. *International Journal of Psychology* [International Journal of Psychology]. Vol. 43. 3-4, 115-115.
- Preester, H., & Knockaert, V. (2005) *Body Schema and Body Image: interdisciplinary perspectives on the body*. John Benjamins B.V.
- Schilder, P. (1978) *The image and appearance of the human body*. New York, International Universities Press.
- Shontz, F. (1969) *Perceptual and Cognitive aspects of Body Experience*. N.Y., Academic Press, 250.
- Sokolova, E.T. (1985) *Issledovaniya «obraza tela» v zarubezhnoy psikhologii* [Research of «body image» in foreign psychology]. Sokolova, E.T., & Dorozhevets, A.N. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [Bulletin of Moscow Lomonosov State University]. Series 14, Psychology. 4, 39-49.
- Sokolova, E.T. (2015) *Klinicheskaya psihologiya utraty Ja* [Abnormal psychology and loss of "I"]. Moscow, Smysl, 407.
- Stamenov, M. I. (2005) *Body schema, body image, and mirror neurons*. *Body Schema and Body Image: interdisciplinary perspectives on the body*. John Benjamins B.V.
- Suemi, V. (2009) *Psikhologiya krasoty i privlekatel'nosti* [Psychology of beauty and attractiveness]. Suemi, V., & Furnham, A. St. Petersburg, Piter, 240.
- Tkhostov, A.Sh. (2002) *Psikhologiya telesnosti* [Psychology of corporeality]. Moscow, Smysl, 288.
- Thompson J.K. (1990) *Body image disturbance: Assessment and treatment*. Elmsford, NY, Pergamon Press.
- Tiggemann, M. (2005) *The state of body image research in clinical and social psychology*. *Journal of Social and Clinical Psychology*. Vol. 24, 1202-1210.
- Tiggemann, M., Polivy, J., & Hargreaves, D. (2009) *The processing of thin ideals in fashion magazines: A source of social comparison or fantasy?* *Journal of Social and Clinical Psychology*. Vol. 28, 73-93.
- Williamson, D.A., Stewart, T.M., White, M.A., & York-Crowe, E. (2002) *An information-processing perspective on body image*. T.F. Cash & T. Pruzinsky (Eds.) *Body Images: A Handbook of Theory, Research, and Clinical Practice*. NY, Guilford Press.
- Winzelberg, A.J., Abascal, L., & Taylor, C.B. (2002) *Psychoeducational approaches to the prevention and change of negative body image*. T.F. Cash & T. Pruzinsky (Eds.) *Body Images: A Handbook of Theory, Research, and Clinical Practice*. NY, Guilford Press, 3-12.
- Zaporozhets, A.V. (1986) *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Coll. Op. Vol. 2. Moscow, Pedagogika, 296.

Отношение к приватности и защита персональных данных: вопросы безопасности российских детей и подростков

Г.У. Солдатова Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
О.И. Олькина Академия социального управления, Москва, Россия

Поступила 16 августа 2015/ Принята к публикации: 27 августа 2015

Attitude to privacy and protection of personal data: safety of Russian children and adolescents

Galina U. Soldatova Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Oxana I. Olkina Academy of Public Administration, Moscow, Russia

Received: August 16, 2015 / Accepted for publication: August 27, 2015

В статье рассматриваются существующие подходы к исследованию феномена приватности в современной психологии. Анализируются основные направления изучения приватности и защиты персональных данных в онлайн-среде в разных научных дисциплинах. Защита персональных данных, как одного из видов приватности, рассматривается в качестве актуального вопроса безопасности современных детей и подростков – пользователей Интернета.

На основе данных популяционных исследований и контент-анализа материалов социальных сетей анализируется отношение российских детей и подростков к персональным данным, проблемы, возникающие в результате их неправомерного использования, а также отношение родителей к данному вопросу и возможности оказания ими помощи своим детям в защите персональных данных.

Результаты исследований показывают, что как минимум, треть российских подростков представляет собой группу риска и может пострадать от угроз, связанных с неосторожным обращением с персональной информацией, поскольку эти дети не всегда соблюдают принцип конфиденциальности в отношении паролей; устанавливают открытый доступ к персональной страничке, позволяющий видеть ее любому зарегистрированному пользователю; в личном профиле указывают набор персональных данных о себе в максимальном объеме; готовы передавать личную информацию незнакомым людям; ни к кому не обращаются за помощью по вопросам, связанным с настройками приватности в Сети. Не только дети, но и родители в значительной мере недооценивают скрытые угрозы беспечного использования и хранения персональных данных в Интернете.

В целом отмечается, что у российских школьников формируется общий для всего цифрового поколения Земли и иной, по сравнению с предыдущими поколениями, взгляд на приватность в целом и персональные данные в частности. Подчеркивается, что обучение детей и подростков защите персональных данных в цифровом мире должно стать одной из приоритетных задач родителей и школы по воспитанию культуры пользования Интернетом.

Ключевые слова: приватность, персональные данные, Интернет, настройки приватности, социальные сети, российские школьники.

The paper examines the existing approaches to privacy in modern psychology. Basic directions of studying privacy and protection of personal data in the online environment through various scientific approaches are analyzed. Protection of personal data being one of privacy kinds is deemed as a relevant issue of safety of today's children and adolescents, i.e. Internet users. Based on population studies data and content analysis of social networking the ratio of Russian children and adolescents to personal data is analyzed, the problems arising from its misuse, and also parents' attitudes to this issue and the possibility of their assistance to their children in the protection of personal data are emphasized. The research shows that at least one-third of Russian adolescents make a group of risk and may be affected by the risks posed by careless handling of personal information, because these children do not always respect the principle of confidentiality in respect of passwords; they establish open access to a personal page, allowing access to any registered user; personal profile specifies a set of personal information about themselves to the maximum extent; they are willing to share personal information with strangers; to no one to seek help on issues related to privacy settings in the Network. The results show that not only the children but also their parents greatly underestimate the hidden dangers of careless use and storage of personal data on the Internet. Russian schoolchildren have developed a commonly shared digital generation outlook but they still preserve different look at privacy in general and personal data in particular. Education of children and adolescents safety is emphasized to be a priority for parents and schools within the framework of promoting a culture of Internet use.

Keywords: privacy, personal data, Internet, privacy settings, social networking, Russian schoolchildren.

Когда-то крепкие стены, закрытые окна и высокие заборы защищали нашу частную жизнь от чужих глаз и ушей. Развитие информационно-коммуникационных технологий существенно изменило границы мира, в котором мы живем. Интернет позволяет преодолевать не только пространственные, но и временные барьеры. Цифровые следы – и как часть информационного хаоса, и как часть структурированных персональных данных – остаются в глобальной Сети практически навсегда.

их границы условны и размыты. В российской культуре все эти моменты до недавнего времени не акцентировались как значимая часть ментальности народа, приватность была «неродным» словом. Появившись в конце 1990-х гг. в бытовом лексиконе, она долгое время шла калькой с английского «прайвеси». В таком виде даже появилась в орфографических словарях. Поэтому на Западе приватность – достаточно разработанная в науке тема (Westin, 1967; Pastalan, 1970; Altman, 1975; Wolfe, 1978), а в российской психологии она, за некоторым исключением (Нарто-

жизненных интересов человека, в которой он не изолирован от окружающего мира, но, тем не менее, автономен в границах своей материальной и личной собственности. Хотя понятие приватности возникло гораздо раньше распространения инфокоммуникационных технологий, одно из его первых научных определений было связано с информацией – как процесс ее ввода и вывода. Другими словами – это право индивида решать, насколько быть открытым или закрытым по отношению к внешнему миру, какая информация и при каких условиях может быть сохранена как тайна или, наоборот, передана другим людям (Westin, 1967). Наиболее фундаментальный подход к пониманию приватности представлен в широко известной концепции И. Альтмана. Он развивает идеи А. Уэстина, определяя ее как важный регуляторный динамический процесс, детерминирующий и непрерывно корректирующий границы личности с точки зрения ее взаимоотношений с окружающим миром (Altman, 1975). Таким образом, удовлетворяющая человека приватность – это установление желаемого баланса между «открытостью-закрытостью», «я и другими», «прошлым и будущим». Изучая приватность в контексте объективного человеческого поведения, преобразующего окружающую среду, Альтман выделил несколько форм такого преобразования: дистанцию, личное пространство, территориальность, персонализацию (Altman, 1975).

Приватность очерчивает сферу важных жизненных интересов человека, в которой он не изолирован от окружающего мира, но, тем не менее, автономен в границах своей материальной и личной собственности

Персональные или личные данные – это основное содержание широко исследуемого на Западе феномена приватности. Понятие «приватность» пришло к нам из англо-американской правовой системы, где начало употребляться в законодательной практике с конца XIX в. Там оно прошло путь от однозначного понятия, обозначающего право на частную собственность, до довольно сложного феномена, связанного с частной и социальной жизнью. На Западе приватность входит в число фундаментальных прав человека, а на Востоке это тема не из числа приоритетных. Если для американца частная жизнь и личное пространство – святыни, то для россиянина

ва-Бочавер, 2006; Ктениду, 2010, Емелин, 2014), практически не исследовалась. Сегодня приватность и персональные данные в Интернете активно обсуждаются в специализированных кругах. Но среднестатистического российского пользователя Сети они пока мало волнуют. Исследования показывают, что, по сравнению с жителями других стран Европы и Северной Америки, россияне меньше заботятся о приватности и готовы легче с ней расстаться (The EMC Privacy..., 2014).

Направленность зарубежных исследований приватности определялась, главным образом, интересом и уважением к частной собственности и личной жизни. Приватность очерчивает сферу важных

Профессор Р. Кларк – главный редактор известного руководства по оценке ущерба, вызванного нарушением приватности (разработано британским информационным комиссариатом), определяет ее как право человека на личное пространство, свободное от вмешательства других людей и организаций (Clarke, 1997). Здесь акцент делается на возможности контролировать личную информацию, а не на желании ее скрыть или утаить. Руководство базировалось на международных исследованиях, проведенных Университетом Лафборо, Лондон (Loughborough University, London). Его целью было определение рисков в сфере приватности и поиск наилучших способов для обеспечения неприкосновенности частной жизни.

В руководстве приватность рассматривается шире, чем неприкосновенность информации. В нем выделяется 4 типа приватности:

Солдатова Галина Уртанбековна – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заместитель заведующего кафедрой психологии личности, координатор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова по связям с общественностью и СМИ
E-mail: soldatova.galina@gmail.com

Олькина Оксана Игоревна – младший научный сотрудник, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Академия социального управления»; психолог-исследователь, Фонд Развития Интернет. Имеет 8 публикаций
E-mail: olkina.o@gmail.com

1. Приватность самой личности (физическая) – защита организма человека от нежелательных воздействий на него, например, от пыток и пересадки органов, право на отказ от вакцинации, лоботомии, стерилизации, переливания крови, предоставления биометрических данных и др.
2. Приватность поведения личности (поведенческая) – сексуальные предпочтения и привычки, политические и религиозные взгляды, защита личного пространства и частных мест от несанкционированных наблюдений и вторжений.
3. Приватность персональных коммуникаций (коммуникационная) – право на свободу коммуникаций, тайну переписки, в том числе, электронной и телефонных переговоров, защита от слежки.
4. Приватность персональной информации (информационная) – обеспечение прав граждан в области персональных данных, включая их циркуляцию, защиту и контроль (ICO PIA Handbook, December 2007).
Стремительное развитие Интернета и его сервисов, работающих на основе персональных данных, привело к тому, что в западной культуре угроза потери приватности стала определяться как один из главных рисков информационного общества. В рамках разных научных дисциплинах начали проводиться исследования приватности в Интернете (Clement, 1994; Agre, 1999; Palen, Dourish, 2003; Debatin, Lovejoy, Horn, 2009; Ellison, Vitak, 2011). Две с половиной тысячи экспертов, формирующих облик современного Интернета, в прошлом году были опрошены специалистами аналитического центра Pew Research, они дали прогнозы по поводу будущего приватности. Если их суммировать, то выводы получаются примерно следующие. Во-первых, жизнь станет публичной по умолчанию, так как в современном мире невозможно будет жить, не открывая свою персональную информацию государству и корпорациям, мотивированным на использование персональных данных населения. Во-вторых, приватность станет роскошью, только отдельные люди или сообщества будут располагать ресурсами для защиты от «электронной слежки». В-третьих, справляться с проблемами безопасности персональных данных будет все сложнее.

Ситуация усугубится появлением Интернета вещей – дома, рабочие места и все окружающие объекты будут, образно выражаясь, «сплетничать» за спиной человека. В-четвертых, культурам, проповедующим различные взгляды на приватность, невозможно будет прийти к согласию в том, как реализовывать гражданские свободы в Интернете (Rainie, 2014).

Проникновение Интернета во все сферы жизни и ускоряющийся темп конвергенции реального и виртуального миров требуют пересмотра устоявшегося баланса между частным и пуб-

мира и мечтают, чтобы их оставили в покое. Большинство людей стремится быть частью виртуального общества и пользоваться его возможностями, например, применять разные полезные программы, которых с каждым днем становится все больше. Многие пользователи добровольно предоставляют информацию, и, подписывая соглашения, разрешают всячески использовать свои персональные данные: записывать, хранить, архивировать, перепродавать и т.д. Таким образом, мы с помощью своего собственного компьютера ежедневно сами себя

Стремительное развитие Интернета и его сервисов, работающих на основе персональных данных, привело к тому, что в западной культуре угроза потери приватности стала определяться как один из главных рисков информационного общества

личным в жизни общества. В контексте измерений, характеризующих социальные аспекты приватности: «открытость-закрытость», «прошлое и будущее», «я и другие», ключевое значение приобретают такие особенности онлайн-среды, как ее трансграничность, вневременность, а также эффекты ее специфического воздействия, например, феномен размывания идентичности.

Результат влияния трансграничности Интернета – смещение баланса открытости-закрытости в сторону открытости. Одно из главных условий приватности – соблюдение различных границ. Вне за-

оцифровываем и уничтожаем свое право на приватность.

Для понимания того, что происходит со временем в Интернете, М. Кастельс ввел термин «вневременность». Это время, которое одновременно и разбивается, и спрессовывается – прошлое, настоящее и будущее не связаны последовательностью, они практически соединены вместе (Castells, 2000). В контексте темы приватности и защиты персональных данных вопрос уникального цифрового отпечатка, соединяющего прошлое, настоящее и будущее, приобретает особую актуальность. Рань-

Настройки конфиденциальности дают всего лишь иллюзию закрытости и «только моего» пространства профиля. Это похоже на раскладные картонные стенки, которые можно возить с собой и, например, отгородиться ими от соседей в метро

висимости от их типа (социальные, личностные или физические), они имеют маркеры, предполагающие реальную или воображаемую разделительную черту. В виртуальном мире пространственное понимание границ трансформируется и постепенно теряет свое значение. Другое значение начинают приобретать понятия «дистанция», «территориальность», «личное пространство». Настройки конфиденциальности дают всего лишь иллюзию закрытости и «только моего» пространства профиля. Это похоже на раскладные картонные стенки, которые можно возить с собой и, например, отгородиться ими от соседей в метро. Кроме того, далеко не все хотят закрыться от

ше собранное титаническими многолетними усилиями персональное досье могло сгореть в одночасье и исчезнуть навсегда. Сегодня наш цифровой отпечаток, например, браузер со всеми плагинами, действиями, cookie, геометками, показаниями регулярности посещений определенных ресурсов, дополненный друзьями, организациями и посторонними людьми – лучшее досье, созданное нами самими. Причем, это не только наше прошлое и настоящее – это след, наш идентификатор, который всегда будет с нами, формирует нашу нынешнюю жизнь, а, следовательно, и часть нашего будущего. Уже более десяти лет достаточно отчетливо звучат голоса о кон-

це приватности. Сегодня мы уже знаем, что в цифровую эпоху она иллюзорна, а право на забвение становится элитным – недоступной роскошью для большинства жителей планеты.

Появление Интернета усложнило процесс поиска точки оптимального баланса сведений о «Я» и «Других», которая отражала бы нашу истинную идентичность и то, что мы хотели бы сообщить о себе окружающим. Разнообразие «Других» в онлайн-пространстве существен-

широко – как любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). В связи с важностью проблем приватности в информационном обществе 13 июля 2015 г. был принят Федеральный Закон № 264 о внесении изменений в вышеупомянутый закон «Об информации...» и в статьи 29 и 402 ГК РФ. Они предусматривают «право на забвение» или право пользователей требовать от поисковиков

и Федеральной Торговой Комиссией США 21 октября 1998 г. и лег в основу действующих в этой стране на настоящий момент «Правил защиты приватности детей онлайн». Они регламентируют порядок сбора персональных данных детей в возрасте до 13 лет физическими или юридическими лицами, действующими в Интернете на коммерческой основе. Также в них определяется, какие пункты операторы персональных данных обязаны включать в политику приватности, каким образом должно быть составлено согласие на обработку данных, какова ответственность операторов в области защиты личных данных детей. В этом документе дается определение персональной информации, собираемой онлайн, и выделяются следующие ее категории:

- 1 фамилия и имя;
- 2 адрес проживания или другой физический адрес, включающий название улицы и города или населенного пункта;
- 3 контактные данные онлайн;
- 4 имя, отображаемое на экране, или имя пользователя и его контактная информация;
- 5 номер телефона;
- 6 социальный страховой номер;
- 7 постоянный идентификатор, который может использоваться для опознавания пользователя в течение времени на различных веб-сайтах или онлайн-сервисах. Такой постоянный идентификатор включает (но не сводится к) IP-адрес, серийный номер устройства или процессора, иной уникальный идентификатор;
- 8 фотография, видео- или аудиофайл, где содержится такая информация как голос или изображение ребенка;
- 9 геолокационная информация, достаточная для того, чтобы идентифицировать улицу и населенный пункт;
- 10 информация, касающаяся ребенка или его родителей, которую онлайн-оператор данных получает от ребенка и совмещает с идентификатором, описанном в п. 7. (Children's Online Privacy Protection Rule, 1998).

На основе контент-анализа личной информации в Интернете, распространяемой посредством социальных сетей, нами выделены следующие виды персональных данных:

- регистрационные идентификационные данные (паспортные данные, пароли, пин-коды);

Уже более десяти лет достаточно отчетливо звучат голоса о конце приватности. Сегодня мы уже знаем, что в цифровую эпоху она иллюзорна, а право на забвение становится элитным – недоступной роскошью для большинства жителей планеты

но увеличивается – это не только друзья, знакомые, но и представители различных групп, а также просто посторонние люди, среди которых могут быть и враждебные «Чужие». Персонализируя себя в онлайн-среде через раскрытие своих связей и контактов, политических, философских, духовных, культурных, эстетических и других ценностей, групповых интересов, значимых событий, потребностей и склонностей, мы все меньше можем контролировать масштабы открытости

прекратить выдачу ссылок на определенные виды информации о себе.

Сегодня в нашей культуре приватность стала пониматься в более широком контексте именно в связи с развитием Интернета, что привело к попаданию вопросов защиты персональных данных (одного из типов приватности) в число самых актуальных проблем безопасности не только взрослых, но и детей. Об этом говорит, в частности, тот факт, что Роскомнадзор в 2014 году провел Все-

Психологи рассматривают приватность и как результат развития личности, и как необходимое его условие, она тесно связана с автономией и самостоятельностью ребенка

и знать как, где и кому достанется наша персональная информация. А также то, как она воспринимается: ведь образы, которые создаются нами или другими в группах или сообществах, могут очень мало совпадать с реальностью. Расширяющийся диапазон связей и контактов в Сети, ее ролевые возможности способствуют размыванию нашей идентичности, а, следовательно, и границ приватности, что также ведет к нежелательному распространению и интерпретации персональных данных.

В Федеральном законе от 25 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» персональные данные (информация о гражданах) определяются как сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность. В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» персональные данные понимаются весьма

российский День защиты персональных данных детей.

Психологи рассматривают приватность и как результат развития личности, и как необходимое его условие, она тесно связана с автономией и самостоятельностью ребенка. В западной психологии приватность рассматривается в качестве ключевого фактора становления автономии ребенка, которое начинается в раннем детстве (Nolan, Raynes-Goldie, McBride, 2011). По мере его взросления она формируется через развитие самостоятельности и независимости в процессе его социализации, в отношениях между ребенком и членами его семьи, в отношениях с друзьями, учителями и обществом в целом. Не случайно, именно в США появился первый законодательный «Акт о защите приватности детей онлайн» (Children's Online Privacy Protection Act of 1998, COPPA – 15 U.S.C. 6501, et seq.). Он был принят Конгрессом

- физические характеристики (внешние данные, биометрические данные, состояние здоровья и др.);
- пространственная локализация (фиксация местоположения и перемещения);
- материально-экономическое положение (движимое, недвижимое имущество, зарплата, накопления и др.);
- официальные статусы (семейное положение, достижения, награды, наличие судимостей и т.д.);
- профессиональная занятость (включая образование);
- социальные связи (информация о родственниках, друзьях, знакомых, принадлежность к различным формальным и неформальным группам);
- образ жизни и поведенческие установки (мировоззрение, ценности, интересы и хобби, социальные привычки и действия, настроения, вкусы, особенности интимной жизни);
- психологические особенности (черты характера, способности, знания, умения, навыки, личностные черты);
- хроника личных событий.

По мнению аналитиков, приватность сегодня теряет связь с секретностью, тайной, анонимностью и уединенностью – именно в этом заключался ее главный смысл для старших поколений. Сегодня вопрос обеспечения приватности больше связан с проблемой безопасности и защиты персональных данных, а значит, с вопросами их контроля со стороны пользователя. У цифрового поколения во всем мире, несмотря на существующие культурные различия, формируется общий, но иной, по сравнению с предыдущими поколениями, взгляд на приватность в целом и персональные данные в частности.

Российские школьники, так же как и взрослые, активно общаются в социальных сетях, где личной информацией делятся много и часто.

В этой статье мы попытались представить реальную картину того, что происходит с персональными данными детей и подростков. Какое количество российских школьников сталкиваются с проблемами, возникающими в результате неправомерного использования персональных данных, существует ли динамика в этом вопросе, что знают об этих проблемах родители, и способны ли они помочь детям с ними справиться?

Для ответа на эти вопросы были проанализированы результаты следующих исследований:

1. Исследование Фонда Развития Интернет и факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Было проведено в 2010 году в рамках проекта Еврокомиссии EU Kids Online II. Цель его – изучение детского и родительского опыта столкновения с интернет-угрозами и безопасного использования Интернета и новых онлайн-технологий в 25 странах Европы, в том числе, в России и в других странах мира. Выборка по 11 регионам Российской Федерации составила 1025 пар родитель-ребенок, возраст детей колебался от 9 до 16 лет (Солдатов, 2011).
2. Исследование цифровой компетентности российских подростков и их родителей. Проводилось в 2012-2013 гг. Фондом Развития Интернет и факультетом психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. В ходе исследования были опрошены 1203 подростка 12-17 лет и 1209 родителей детей этого возраста из 58 городов с населением от 100 тысяч человек во всех 8 федеральных округах России. Опрос проводился Аналитическим центром Юрия Левады по специально разработанной методике Фонда Развития Интернет (Солдатов, 2013).

3. Контент-анализ информации, которую сообщает о себе подростковая аудитория. Осуществлялся на основе поиска в социальной сети ВКонтакте (март, 2015 г). Для проверки и уточнения данных, представляемых поиском, было также проведено исследование 100 профилей московских подростков 14-17 лет (54 мальчика и 46 девочек). Отмечалось наличие либо отсутствие различных видов персональной информации на странице. Кроме этого, дополнительно был проведен анализ содержания записей на стенах этих подростков в социальной сети (всего 1000 – по 10 последних записей в каждом профиле).

Результаты и их обсуждение

У каждого второго – негативный опыт.

Распространенность столкновения детей и подростков с рисками, связанными с утерей или предоставлением персональных данных в Сети, анализировалась на основе ответов на соответствующие вопросы, вошедшие в анкеты наших исследований 2010 и 2013 г.

В 2010 г. в среднем каждый третий ребенок 11-16 лет сталкивался в Сети с негативными последствиями ненад-

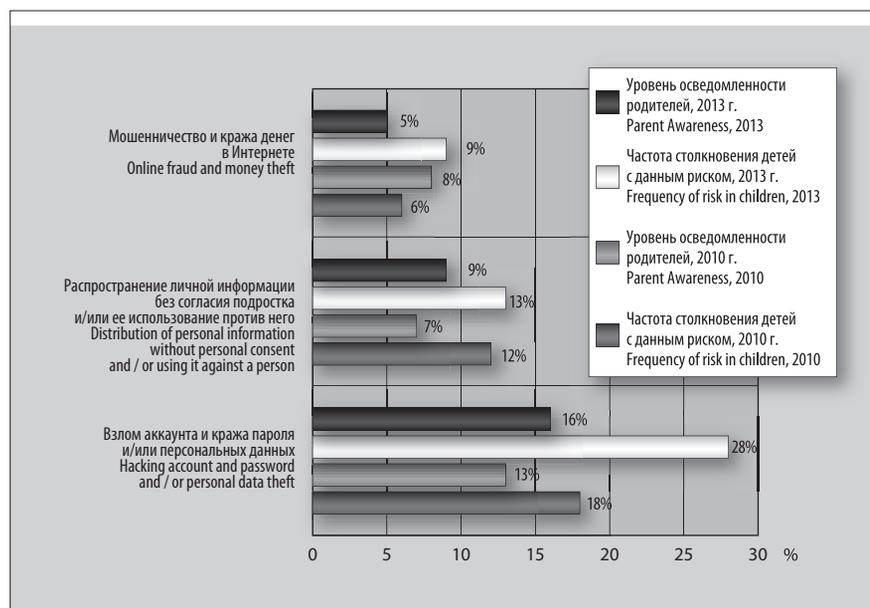

Рис. 1. Столкновение детей 11-16 лет с проблемами, возникающими, вследствие неосторожного обращения с персональными данными, и уровень осведомленности родителей об этом, 2010, 2013 г. %.

Diagram 1. Children of 11-16 years face problems arising as a result of careless handling of personal data and the level of parent awareness, 2010, 2013

Российские дети, по сравнению с детьми из других европейских стран, в два раза чаще страдали от взломов аккаунта и распространения персональных данных без их согласия и в три раза чаще теряли деньги, вследствие обмана в Сети

лежащего собственного использования своих персональных данных или использованием его персональных данных злоумышленниками. Дети 13-14 лет чаще попадали в ситуацию, когда кто-то использовал личную информацию, предоставленную ребенком в Интернет, для розыгрыша или оскорбления, в то же время, жертвой кражи пароля для тех же целей чаще становились дети 15-16 лет. Дети 11-13 лет, как мальчики, так и девочки, одинаково часто попадали в ситуации, связанные с обманом и мошенничеством. Среди детей старшего возраста девочки несколько чаще становились жертвой мошенничества и неправомерного использования личной информации.

Как в России, так и в других странах Европы в 2010 г. подростки чаще сталкивались с использованием их пароля и личных данных другими лицами и реже всего – с потерей денег. Однако российские дети, по сравнению с детьми из других европейских стран, в два раза чаще страдали от взломов аккаунта и распространения персональных данных без их согласия и в три раза чаще теряли деньги, вследствие обмана в Сети (Солдатова, 2012).

Количество детей, столкнувшихся с проблемами, связанными с персональными данными и мошенничеством в Сети, существенно увеличилось – с 36% в 2010 г. до 50% в 2013 г. Иными словами, если в 2010 г. с негативными последствиями ненадлежащего обращения с персональными данными в Интернете сталкивался каждый третий ребенок, то в 2013 г. – уже каждый второй. Особенно увеличился показатель количества взломов аккаунтов и краж персональных данных – каждый четвертый ребенок встречается с этой проблемой. В Интернете существуют сайты, на которых можно сделать заказ на взлом профиля. Представители подобного «бизнеса» могут выполнять такие заказы в самых разных целях: шантажа, доступа к переписке пользователя, рассылке спама, получении данных о кредитной карте, промышленном шпионаже и т.д.

Что знают родители о рисках, связанных с доступом к персональным данным их детей? Сравнение данных за

2010 г. и 2013 г. показало, что увеличилось число родителей, недооценивающих проблемы, которые возникают в результате неосторожного использования персональных данных детей в социальных сетях. Если число детей, сталкивающихся с проблемами взлома профиля в социальной сети и электронной почте, выросло на 10% (с 18 до 28%), то число знающих об этом родителей увеличилось всего на 3% (с 13 до 16%). По всем другим показателям уровень осведомленности родителей о последствиях неосторожного отношения к персональным данным также невысокий. Особое беспокойство у родителей вызывают риски, связанные с мошенничеством и кражей денег в Сети. В 2010 г. родители были осведомлены о них даже лучше самих детей и несколько преувеличивали ситуацию, по сравнению с самими подростками. Однако в 2013 г., несмотря на то, что дети стали встречаться с мошенничеством чаще, уровень осведомленности родителей о возможности использования личной информации против их ребенка снизился.

Тактика чья? в соцсетях

Рост показателя взлома профилей в социальных сетях или электронной почте связан с увеличением числа подростков, имеющих аккаунты в социальных сетях. Различные социальные сети пользуются большой популярностью у школьников, поскольку позволяют осуществлять коммуникацию в Сети. Они же – хранилища личной информации и площадки ее презентации интернет-пользователями. По данным наших исследований в 2010 г. почти 80% подростков уже активно использовали различные соцсети.

В 2013 г. количество детей, у которых зарегистрированы страницы в социальных сетях, увеличилось: уже 9 из 10 подростков – пользователей Интернета, отметили, что у них есть своя страница ВКонтакте. Многие из них имеют аккаунты в нескольких социальных сетях. Наибольшей популярностью после ВКонтакте у школьников пользуются Одноклассники, Мой мир и Facebook (Солдатова, 2013).

Мы попытались уточнить численность пользователей до 18 лет в сети ВКонтакте. Всего, согласно данным поиска, в этой соцсети зарегистрировано более 111 млн россиян, из них 17,5 млн российских несовершеннолетних пользователей от 14 (рекомендованный Сетью возраст, с которого можно стать ее пользователем) до 18 лет. Число тех пользователей, которые указали свой возраст в диапазоне от 14 до 17 лет (верхняя граница респондентов в наших исследованиях), составило 13,4 млн человек. Это число немногим меньше общего количества обучающихся в средних образовательных учреждениях с 1 по 11 классы – около 14,3 млн. В то же время, оно примерно вдвое превышает реальную численность школьников 14-17 лет. Как это объяснить? Первое: юные пользователи социальной сети младше 14 лет завышают свой реальный возраст в личном профиле и таким образом существенно увеличивают численность этой возрастной группы. Данные наших исследований каких лет? подтверждают, что от 60 до 80% детей в возрасте от 9 до 14 лет уже имеют профили в социальных сетях. Второе: возможно, значительная часть несовершеннолетних пользователей ВКонтакте имеют несколько аккаунтов. Таким образом, в социальной сети дети и подростки активно оперируют реальными и вымышленными персональными данными. Это делается, посредством создания:

- фейковых аккаунтов (создаются как подростками, так и взрослыми злоумышленниками, используются с разными целями – от сохранения инкогнито до троллинга);
- «аккаунтов-двойников» (создаваемых теми, кто ведет «двойную жизнь» в Сети: один образцово-показательный профиль для родителей и учителей, а другой – для друзей с целью поддержания определенного имиджа и репутации в различных социальных кругах);
- «страниц-призраков» (взломанных или покинутых своими владельцами аккаунтов).

Одно только наличие у подростка профиля в социальной сети не является непосредственной угрозой его приватности. Вероятность столкновения с рисками, связанными с персональными данными, зависит от навыков безопасного использования сетей. В этом случае особенно важны следующие моменты:

- какой доступ установлен к профилю подростка в социальной сети;
- соблюдает ли он правила конфиденциальности в отношении пароля;
- какая личная информация опубликована в разделе «Обо мне»;
- какую информацию о себе он сообщает незнакомым людям;
- умеет ли он использовать настройки приватности в социальной сети и кто ему в этом помогает.

В исследовании 2010 г. подросткам был задан вопрос о том, какой доступ установлен к их профилю в социальной сети. Выяснилось, что у 40% российских школьников странички закрыты – их могут просматривать только друзья. У третьей части опрошенных профили открыты всему миру. Чем старше дети, тем реже они оставляют свой профиль открытым. У мальчиков (35%) чаще, чем у девочек (25%) профиль находится в свободном доступе. У девочек, наоборот, чаще встречаются закрытые странички (43% у девочек против 35% у мальчиков). Наибольший процент открытых профилей наблюдается у детей 9-12 лет, зарегистрировавшихся в социальной сети, несмотря на возрастные ограничения (Солдатова, 2012).

Ключом к личной информации, особенно той, которая предназначена не для всех, является пароль. Именно с утерей конфиденциальности в отношении пароля нередко связаны неблагоприятные последствия в виде взломов профилей, кражи персональных данных, мошенничества и обмана в Сети. Внимание к своему паролю входит в число элементарных правил онлайн-безопасности. Соблюдают ли их подростки и с кем они готовы поделиться ключом к своей информации?

Данные исследования 2013 г. показывали, что только половина опрошенных подростков никому не давали пароль от своего аккаунта в социальной сети или электронной почты. Другие дети легко им делятся, причем, не только с родителями – каждый пятый подросток сообщал пароль близкому другу и практически каждый десятый – другим друзьям, братьям или сестрам. С возрастом все меньше детей делятся паролями с родителями и все больше – с друзьями. Таким образом, каждый второй подросток не соблюдает принцип конфиденциальности в отношении своих паролей и сообщ-

Именно с утерей конфиденциальности в отношении пароля нередко связаны неблагоприятные последствия в виде взломов профилей, кражи персональных данных, мошенничества и обмана в Сети. Внимание к своему паролю входит в число элементарных правил онлайн-безопасности

щает их своему ближайшему окружению. Кроме того, еще остаются дети, готовые выслать либо сообщить свой пароль незнакомому человеку (см. рис. 2).

Учитывая то, что две трети российских детей время от времени искали новых друзей в Сети и добавляли в список друзей людей, с которыми никогда не встре-

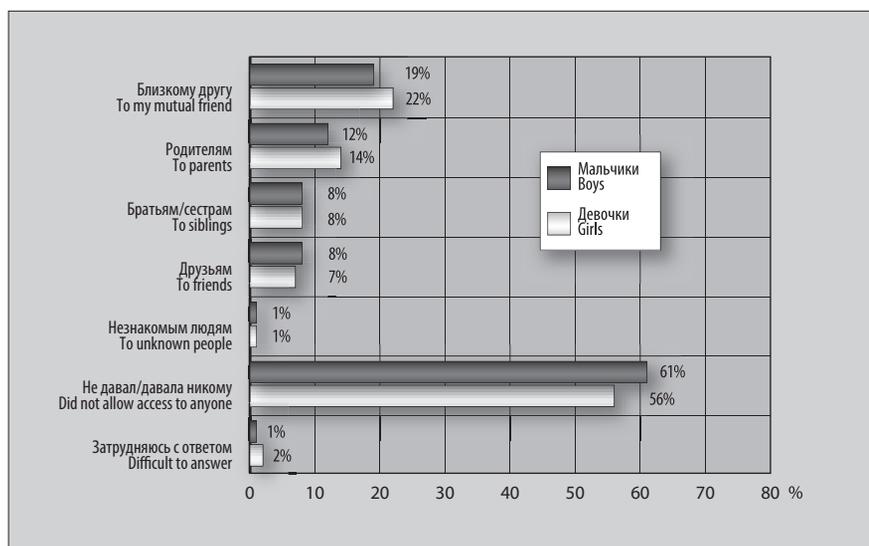

Рис. 2. Ответы подростков на вопрос: «Давал ли ты когда-нибудь пароль от своего аккаунта в социальной сети или электронной почты?» (Выборка – все подростки, пользующиеся Интернетом), 2013 г. %

Diagram 2. Adolescents answers the question «Have you ever disclose password of your account on a social network or e-mail?» (Sample includes all adolescents who use the Internet), 2013

Что подростки рассказывают о себе

Остановимся подробнее на анализе той информации, которую подростки публикуют в Сети. Исследования 2010 г. показывали, что каждый третий ребенок в социальной сети выкладывал информацию о себе из рубрики «паспортные данные» в максимально полном объеме.

Каждый третий ребенок в социальной сети выкладывал информацию о себе из рубрики «паспортные данные» в максимально полном объеме. Большинство российских школьников (от 60% до 80%) сообщали в Сети фамилию, точный возраст, номер школы, а также фотографию, на которой отчетливо видны их лица. Еще треть детей указывали номер телефона или свой домашний адрес

Большинство российских школьников (от 60% до 80%) сообщали в Сети фамилию, точный возраст, номер школы, а также фотографию, на которой отчетливо видны их лица. Еще треть детей указывали номер телефона или свой домашний адрес (Солдатова, 2012).

Этой информацией мог воспользоваться любой человек с любыми целями.

чались лицом к лицу, а каждый четвертый ребенок общался с людьми, которые не связаны с его реальной жизнью. Практически половина школьников заводила новые знакомства в Интернете каждый месяц и даже чаще и около 40% детей свободно делились персональными данными с незнакомыми людьми. Четверть

учеников (24%) чаще одного раза в месяц отправляли незнакомым людям информацию личного характера, еще 17% делились своими фото или видео с незнакомками.

В исследовании 2013 г. детям задавался более точный вопрос: «Какие именно виды персональных данных они готовы предоставить незнакомым людям?» Вы-

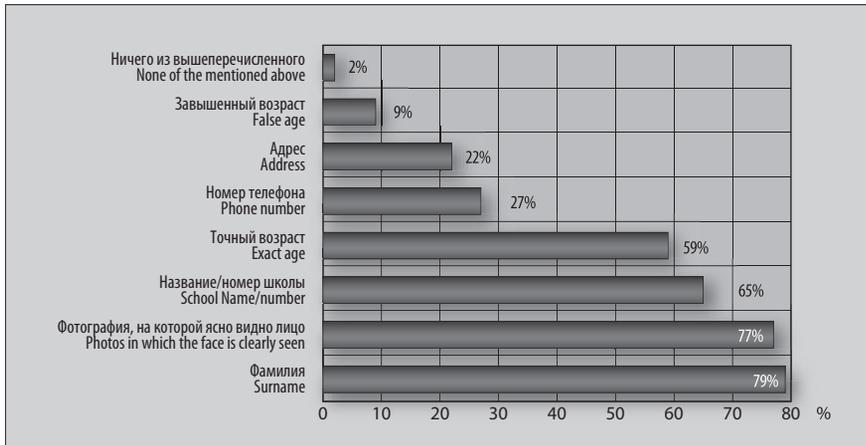

Рис. 3. Ответы подростков на вопрос: «Какую информацию включает о тебе твой профиль?» (Выборка – дети, у которых есть профиль в социальной сети), 2010 г. %

Diagram 3. Adolescents answers the question «What information about you does your profile include?» (Sample includes all adolescents who have a profile on a social network) 2010

яснилось, что спустя три года подростки стали более осмотрительны. Так, более чем в 2 раза уменьшилось число тех, кто выкладывает в Сети свою фамилию, почти в 5 раз – тех, кто сообщал номер своей школы и только 1% опрошенных поделился в Сети своим домашним адресом (22% в 2010 г.). Но, в целом, больше трети подростков по-прежнему готовы сообщить незнакомому человеку в Сети информацию личного характера: имя, фамилию, точный возраст, а также отправить фотографию. Шестая часть детей поделится номером мобильного телефона, почти столько же ребят сообщат

номер школы. Девочки склонны давать более общую информацию (интересы, хобби), а среди мальчиков больше тех, кто делится номером телефона и тех, кто вообще ничего не говорит о себе. При этом с возрастом желание делиться персональными данными немного увеличивается. В наибольшей степени это касается личных интересов: более половины 17-летних респондентов могут говорить об этом с интернет-знакомыми (рис. 4).

Сравнение результатов опросов по предоставлению персональных данных в Сети с данными поискового запроса по Сети ВКонтакте отражает четкую тенден-

цию – исчезновение анонимности в Сети и доступность «паспортных» данных пользователей. Так, любой зарегистрированный пользователь ВКонтакте может узнать дату рождения и реальные фамилию/имя 9 из 10 московских подростков, узнать, где родился, например, каждый шестой юный москвич и сходить в гости к 4 детям из 100, сообщившим сведения о своем адресе (улица и № дома).

Что касается фотографий в профилях подростков, то здесь подростки стали проявлять больше осторожности. Согласно нашим данным, выкладывание личных фото в Сети, по сравнению с 2010 г., уменьшилось более чем вдвое (с 77% до 34%). Тем не менее, последнее экспресс-исследование ВКонтакте (2015 г.) показало, что каждому зарегистрированному пользователю видны фотографии 75% московских подростков (3 из 4, по сравнению с каждым третьим в 2013 г.) Возможно, это дань моде – мир охватила «эпидемия» селфи. Также поисковый анализ ВКонтакте показал, что у каждого третьего ребенка, помимо основного фото, представлены фотографии, на которых его отметили другие пользователи. Пройдя по ссылке «фотографии с пользователем», заинтересованное лицо с большой вероятностью сможет получить реальные изображения подростка, а также иные виды информации. В зависимости от того, что связывает подростка с пользователем, выложившим его фотографии, это может быть информация об учебном заведении, посещенных местах и мероприятиях, интересах и т.п. Следует также отметить, что, просмотрев сто профилей московских подростков, мы выявили, что иногда вместо реального фото они используют нарисованные картинки (героев мультяшек, персонажей из комиксов), абстракции, фотографии знаменитостей, карикатуры, изображения домашних животных, лозунги. По данным экспресс-исследования, примерно каждый пятый ребенок использует не настоящую фотографию. Также можно встретить страницы с главной фотографией подростка вместе со сверстниками и романтические снимки.

Еще одна тенденция последнего времени – геотеги – географические координаты своего местоположения или изображенного на снимке объекта. Геотеги устанавливаются для того, чтобы поделиться с родными или друзьями тем,

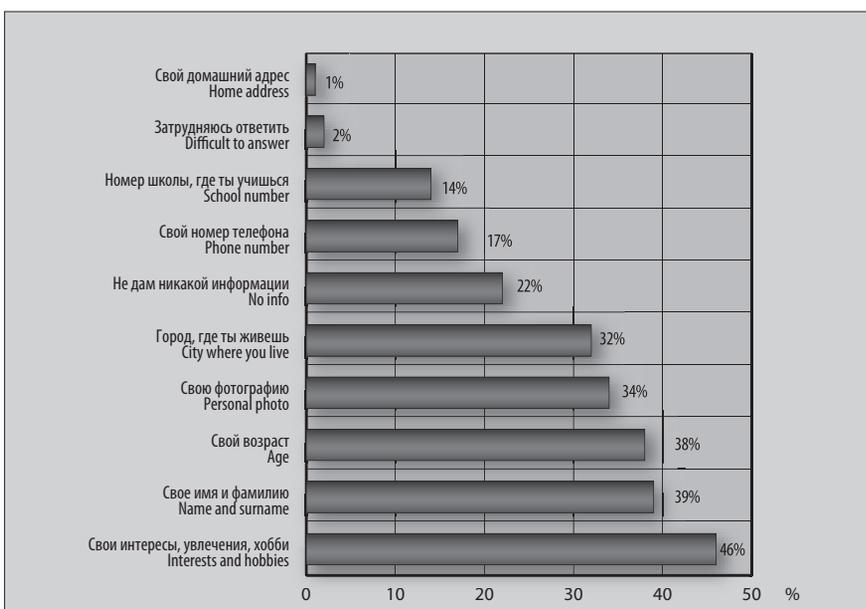

Рис. 4. Ответы подростков на вопрос: «Если ты познакомился (-лась) в Интернете с новым другом, и он хочет узнать о тебе больше, какую информацию о себе ты ему, скорее всего, дашь?», 2013 г., %

Diagram 4. Adolescents answers the question «if you met on the Internet with a new friend and he wants to know more about you what information about yourself are you likely to disclose?», 2013

что происходит в режиме реально-го времени. Ни одна из проанализированных нами «стен» не содержала записей с геометками, но при этом каждый десятый подросток-москвич 14-17 лет открывает свою карту с указанием посещенных мест. Однако в социальных сетях, где основное содержание составляют именно фото- или видеоизображения, с геометками сложилась другая ситуация. Доктор Дж. Кузма (J. Kuzma) вместе с группой исследователей изучила объемный фотоархив #Flickr, на основе чего пришла к выводу, что большинство снимков, на которых изображены дети, имеют геометки, причем, последние модели смартфонов ставят их автоматически в момент съемки фотографии или записи видео. Получить же индексы мест проживания большинства детей не составило труда, так же как и установить, что многие из ребят проживают в обеспеченных и уважаемых районах, что может стать стимулом для преступных действий злоумышленников (Kuzma, 2012).

По данным анализа профилей можно также составить представление о том, насколько доступна информация об интересах и навыках подростков. У 9 из 10 московских подростков в возрасте 14-17 лет в профиле можно посмотреть видео и выяснить принадлежность к сообществам ВКонтакте. Каждый третий открывает зарегистрированным пользователям свои аудиозаписи и сообщает о владении языками. Однако в текстовом виде свои интересы (музыку, фильмы, любимые шоу, телепередачи и игры) и самого себя описывает только каждый десятый подросток. Также, по данным экспресс-исследования аккаунтов ВКонтакте, примерно каждый пятый школьник указывает свои политические и мировоззренческие взгляды, делится личными представлениями о «главных ценностях в жизни».

Подчеркнем еще раз, что доступность больших объемов персональных данных, циркулирующих в социальной сети, далеко не всегда сопровождается их достоверностью. В том числе, это связано с ролевым экспериментированием в Сети и подростковой «модой на экстравагантные данные» с целью создания определенного имиджа. На примере сопоставления семейного статуса, который подростки публикуют в контакте, с реальными статистическими данными

эта «мода» видна особенно наглядно: число «замужних» и «женатых» подростков 14-17 лет ВКонтакте более чем в 5 раз превышает реальное количество зарегистрированных на территории РФ браков в этой возрастной категории (Официальная служба Государственной Статистики РФ, 2013).

Доступность больших объемов персональных данных, циркулирующих в социальной сети, далеко не всегда сопровождается их достоверностью. В том числе, это связано с ролевым экспериментированием в Сети и подростковой «модой на экстравагантные данные» с целью создания определенного имиджа

Стоит отметить также, что даже максимально закрытый профиль или полное отсутствие данных в личном профиле пользователя не гарантируют в ВКонтакте полную приватность. Ведь скрыть список своих друзей невозможно и даже, если сам подросток не публикует фотографии и записи на своей «стене», зарегистрированный пользователь может зайти на страницы его друзей и получить большое количество информации о подростке, например, возраст, место учебы, информацию о проживании и учебном заведении, местонахождении и посещенных мероприятиях. Кроме того, поиск ВКонтакте работает «против пользователя». Например, если пользователь в настройках приватности предпочел скрыть дату своего рождения, город и место проживания, в случае соответствия страницы выбранным критериям она все равно появится в поиске.

К кому обратиться за помощью?

Снижение уровня осведомленности родителей о рисках, которым подвергаются их дети в Сети, так или иначе выходящая данные о себе, означает, что родные не смогут своевременно оказать поддержку своим детям в сложных ситуациях. И сами родители не всегда чувствуют себя способными помочь своему ребенку: каждый пятый указал, что в чем-то он может помочь, а в чем-то нет. При этом треть родителей отмечает, что они либо практически не могут оказать помощь, либо ребенок в ней не нуждается, потому что знает все сам, либо родители сами обращаются за помощью к сыну или дочери.

Родители в качестве доверенных лиц по помощи в Интернете занимают не первые места не только в нашей стране. В 2012 г. американский центр по изучению Интер-

нета и общественной жизни Pew Research провел опрос 802 подростков в возрасте 12-17 лет и их родителей. Основной целью было выяснить: кто помогает детям, когда им нужно разобраться с настройками приватности в Сети, и, если им необходима помощь, к кому они обращаются за советом. Согласно этим данным, 70% аме-

риканских подростков обращались за помощью этим по вопросам к друзьям, родителям, братьям и сестрам. Однако каждый третий подросток никогда и ни к кому не обращался за помощью, если ему нужно было настроить параметры приватности в Сети (Madden, 2012).

Выводы

Результаты исследований показывают, что ситуация в отношении рисков, связанных с персональными данными, за три года (2010-2013) ухудшилась: в 2013 г. каждый второй ребенок пострадал от проблем, возникающих в результате ненадлежащего обращения с персональными данными в Интернете. Как минимум, треть российских подростков представляет собой группу риска по ненадлежащему хранению и распространению персональных данных и может пострадать от угроз, связанных с персональной информацией, поскольку эти дети:

- не всегда соблюдают принцип конфиденциальности в отношении своих паролей и сообщают их своему ближайшему окружению; некоторые дети готовы сообщить свой пароль незнакомому человеку;
- устанавливают открытый доступ к персональной страничке, то есть ее может видеть любой пользователь, зарегистрированный в социальной сети;
- в личном профиле указывают набор персональных данных о себе в максимальном объеме;
- готовы передавать те или иные персональные данные незнакомым людям;
- ни к кому не обращаются за помощью по вопросам, связанным с настройками приватности в Сети.

Несмотря на то, что подростки все же начинают заботиться о приватности, они нередко выкладывают небезобидную информацию о себе, причем это делают даже те, кто проявил себя осторожным пользователем и обращается к взрослым за помощью в настройках приватности. Не только дети, но и их родители недооценивают скрытые угрозы беспечного использования и хранения персональных данных в Сети, проблема обнаруживается лишь тогда, когда неблагоприятные последствия уже очевидны (взлом аккаунта, публикация материалов, списание денег со счета и т.п.)

Наше исследование подтверждает, что для «цифрового поколения» России уже с ранних лет слово «приватность» наполнено смыслом: за пользование интернетом дети платят персональными данными, а в социальных сетях учатся приватность «настраивать». Несмотря на культурные особенности, у российских

школьников формируется общий для всего «цифрового поколения» Земли и иной, по сравнению с предыдущими поколениями, взгляд на приватность в целом и на персональные данные, в частности. В условиях, когда границы между реальным и виртуальным мирами стираются, необходимы серьезные межпоколенческие исследования отношения к приватности в российской культуре и особенности онлайн-приватности.

С одной стороны, меняются сами представления о частной жизни – она становится прозрачнее, все чаще глубоко личное (интимное), оказывается достоянием общественности, формируется привычка к публичности. Грань между личным и публичным будет все тоньше. С другой стороны, забота о приватности останется важным моментом, регулирующим поведение в Сети. Но это будет уже не столько право личности на неприкосновенность частной жизни,

сколько товар, которым можно заплатить за удобство, доступность необходимых ресурсов и безопасность семьи.

Все вышесказанное свидетельствует о необходимости организации специальных обучающих занятий для школьников по повышению знаний, умений и навыков грамотного обращения с персональными данными. Учитывая высокую онлайн-активность детей и подростков, обучение их защите персональных данных в цифровом мире должно стать одной из приоритетных задач родителей и школы в сфере воспитания культуры пользования Интернетом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта проведения научных исследований «Модели цифровой компетентности у различных типов интернет-пользователей», проект 14-06-00646

Литература:

- Емелин В.А. Утрата приватности: идентичность в условиях технологического контроля / В.А. Емелин // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 2 (14) – С. 19-26.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; науч. ред. О.И. Шкаратана. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000.
- Ктениду М.Д. Трансляция чувства приватности в отношениях родителей с подростками: диссертация... канд. психол. наук. – Краснодар, 2010. – 189 с.
- Нартова-Бочавер С.К. Теория приватности как направление зарубежной психологии // С.К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. – 2006. – № 5. – С. 28-39.
- Официальная статистика: демография // Федеральная служба государственной статистики. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# – (дата обращения: 05.08.2015).
- Роскомнадзор рассказал учреждениям образования, как защитить персональные данные детей // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: официальный портал Роскомнадзора РФ. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://pd.rkn.gov.ru/press-service/subject1/news4207/> – (дата обращения: 04.08.2015).
- Солдатова Г.У. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. – Москва: Фонд Развития Интернет, 2013. – 144 с.
- Солдатова Г. Дети России онлайн. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России / Г. Солдатова, Е. Рассказова, Е. Зотова, М. Лебешева, П. Роггендорф. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://detionline.com/assets/files/helpline/Final_Report_05-29-11.pdf – (дата обращения: 04.08.2015).
- Altman I. The Environment and Social Behavior: Privacy, Personal Space, Territory and Crowding. – Monterey, CA: Brooks/Cole Pub. Co., Inc., 1975.
- Children's Online Privacy Protection Rule (COPPA) // Federal Trade Commission official website, USA. – URL: <https://www.ftc.gov/enforcement/rules/rulemaking-regulatory-reform-proceedings/childrens-online-privacy-protection-rule> – (дата обращения: 05.08.2015).
- Children's Online Privacy Protection Act (COPPA) // Federal Reserve system official website, USA. – URL: <http://www.federalreserve.gov/boarddocs/supmanual/cch/200601/coppa.pdf> – (дата обращения: 05.08.2015).
- Clarke, R. What's 'Privacy'? – URL: <http://www.rogerclarke.com/DV/Privacy.html#Defn> – (дата обращения: 04.08.2015).
- Clement, A. Considering Privacy in the Development of Multimedia Communications // Computer Supported Cooperative Work. – 1994. – 2. – p. 67-88.
- Debatin B., Lovejoy J.P., Horn A., Hughes B.N. (2009) Facebook and online privacy: attitudes, behaviors, and unintended consequences // Journal of Computer-Mediated Communication – 2009. – Vol. 15. – Issue 1. – P. 83-108.
- Ellison N.B., Vitak J., Steinfield C., Gray R., Lampe C. Negotiating Privacy Concerns and Social Capital Needs in a Social Media Environment // S. Trepte and L. Reinecke (eds.), Privacy Online. – Berlin Heidelberg, 2011. – p. 31.
- Kuzma J.M. Children and geotagged images: quantitative analysis for security risk assessment // International Journal of Electronic Security and Digital Forensics. – 2012. – Vol. 4. – Issue 1. – P. 54-64.
- Madden M., Cortesi S., Gasser U., Lenhart A., Duggan M. Parents, Teens and Online Privacy // Pew Research Center, 2012. – URL: <http://www.pewinternet.org/2012/11/20/parents-teens-and-online-privacy/> – (дата обращения: 05.08.2015).
- Nolan J., Raynes-Goldie K., McBride ?. The Stranger Danger: Exploring Surveillance, Autonomy, and Privacy in Childrens Use of Social Media // Canadian Children Journal. – 2011. – Vol. (36)2. – p. 24-32.

- Palen L., Dourish P. Unpacking «privacy» for a networked world // In Proc CHI. – ACM Press, 2003. – P. 129-136.
- Pastalan L.A. Privacy as a behavioral concept // Social Forces. –1970. – 45(2). – P. 93-97.
- PIA Trilateral Report Executive Summary // Information Commissioners officers' official website, UK. – URL : <https://ico.org.uk/media/for-organisations/documents/1042837/trilateral-report-executive-summary.pdf> – (дата обращения: 05.08.2015).
- Rainie L., Anderson J. Privacy in 2025: Experts' Predictions. / USA, Pew Research Center, 2014. – URL : <http://www.pewinternet.org/2014/12/18/privacy-in-2025-experts-predictions/> – (дата обращения: 05.08.2015).
- The EMC Privacy Index Global & In-Depth Country Results. – URL : <http://russia.emc.com/collateral/brochure/privacy-index-global-in-depth-results.pdf> – (дата обращения: 05.08.2015).
- Westin A. Privacy and freedom. – New York : Atheneum, 1967.
- Wolfe M. Childhood and Privacy // I. Altman, J. Wohlwill. – New York -London, 1978. – P. 175-255.

Referneces:

- Altman, I. (1975) The Environment and Social Be
- Castells, M. (2000) Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshhestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, GU VShE. 10. Children's Online Privacy Protection Rule (COPPA). Federal Trade Commission official website, USA. - URL: <https://www.ftc.gov/enforcement/rules/rulemaking-regulatory-reform-proceedings/childrens-online-privacy-protection-rule> - (Date of circulation: 05.08.2015).
- Children's Online Privacy Protection Act (COPPA). Federal Reserve system official website, USA. - URL: <http://www.federalreserve.gov/boarddocs/supmanual/cch/200601/coppa.pdf> - (date of circulation: 05.08.2015).
- Clarke, R. What's 'Privacy'? - URL: <http://www.rogerclarke.com/DV/Privacy.html#Defn> - (date of circulation: 04.08.2015).
- Clement, A. (1994) Considering Privacy in the Development of Multimedia Communications. Computer Supported Cooperative Work. 2, 67-88.
- Debatin, B., Lovejoy, J.P., Horn, A., Hughes, B.N. (2009) Facebook and online privacy: attitudes, behaviors, and unintended consequences. Journal of Computer-Mediated Communication. Vol. 15, Issue 1, 83-108.
- Ellison, N.B., Vitak, J., Steinfield C., Gray R., & Lampe, C. (2011) Negotiating Privacy Concerns and Social Capital Needs in a Social Media Environment. S. Trepte & L. Reinecke (eds.), Privacy Online. Berlin Heidelberg, 31.
- Emelin, V.A. (2014) Utrata privatnosti: identichnost' v usloviyakh tehnologicheskogo kontrolya [Loss of privacy: identity in a process control]. Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal [National psychological journal]. 2 (14), 19-26.
- Ktenidu, M.D. (2010) Translyatsiya chuvstva privatnosti v otosheniyyakh roditel'ey s podrostkami: dissertatsiya kandidata psikhologicheskikh nauk [Broadcast sense of privacy in the relationship of parents with teenagers: Ph.D. in Psychology]. Krasnodar, 189.
- Kuzma, J.M. (2012) Children and geotagged images: quantitative analysis for security risk assessment. International Journal of Electronic Security and Digital Forensics. Vol. 4, Issue 1, 54-64.
- Madden, M., Cortesi, S., Gasser, U., Lenhart, A., & Duggan, M. Parents, Teens and Online Privacy // Pew Research Center, 2012. - URL: <http://www.pewinternet.org/2012/11/20/parents-teens-and-online-privacy/> - (the date of circulation: 05.08.2015).
- Nartova-Bochaver, S.K. (2006) Teoriya privatnosti kak napravlenie zarubezhnoy psikhologii [The theory of privacy as the foeld of foreign psychology]. Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]. 5, 28-39.
- Nolan, J., Raynes-Goldie, K., & McBride, M. (2011) The Stranger Danger: Exploring Surveillance, Autonomy, and Privacy in Children «s Use of Social Media. Canadian Children Journal. Vol. (36) 2, 24-32.
- Oftisial'naya statistika: demografiya [Official statistics: demography]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal State Statistics Service]. - Electronic resource. – Mode of Access: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# - (date of circulation: 05.08.2015).
- Palen, L., & Dourish, P. (2003) Unpacking «privacy» for a networked world. In Proc CHI. ACM Press, 129-136.
- Pastalan, L.A. (1970) Privacy as a behavioral concept. Social Forces. 45 (2), 93-97
- PIA Trilateral Report Executive. Information Commissioners officers' official website, UK. - URL: <https://ico.org.uk/media/for-organisations/documents/1042837/trilateral-report-executive-summary.pdf> - (date of circulation: 05.08.2015).
- Rainie, L., & Anderson, J. (2014) Privacy in 2025: Experts' Predictions. USA, Pew Research Center. - URL: <http://www.pewinternet.org/2014/12/18/privacy-in-2025-experts-predictions/> - (date of circulation: 05.08.2015).
- Roskomnadzor rasskazal uchrezhdeniyam obrazovaniya, kak zashchitit' personal'nye dannye detey [Roskomnadzor instructed educational institutions how to protect personal information from children]. Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere svyazi, informatsionnykh tehnologiy i massovykh kommunikatsiy: oftsial'nyy portal Roskomnadzora RF [Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media: The official portal of the Russian Federation Roskomnadzor]. - Electronic resource. - Mode of Access: <http://pd.rkn.gov.ru/press-service/subject1/news4207/> - (date of circulation: 04.08.2015).
- Soldatova, G. (2013) Tsirovaya kompetentnost' podrostkov i roditel'ey. Rezul'taty vsrossiyskogo issledovaniya [Digital competence of adolescents and parents. The results of the All-Russian Research]. Soldatova, G.U., Nestik, T.A., Rasskazova, E.I., & Zotova, E.Yu. Moscow, Fond Razvitija Internet, 144.
- Soldatova, G. Deti Rossii onlayn. Rezul'taty mezhdunarodnogo proekta EU Kids Online II v Rossii [Children of Russia online. The results of the EU Kids Online II International Project in Russia]. Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., Zotova, E.Yu. Lebesheva, A.M., & Roggendorf, P. - Electronic resource. - Access: http://detionline.com/assets/files/helpine/Final_Report_05-29-11.pdf - (date of circulation: 04.08.2015).
- The EMC Privacy Index Global & In -Depth Country Results. - URL: <http://russia.emc.com/collateral/brochure/privacy-index-global-in-depth-results.pdf> - (date of circulation: 05.08.2015).
- Westin, A. (1967) Privacy and freedom. New York, Atheneum.
- Wolfe, M. (1978) Childhood and Privacy. I. Altman, J. Wohlwill. New York -London, 175-255.

Особенности организации и оказания экстренной психологической помощи в чрезвычайной ситуации (на примере работы психологов при ликвидации пожара в торговом центре «Адмирал» г. Казань)

Ю.С. Шойгу, Л.Г. Пыжьянова, Ю.М. Портнова Центр экстренной психологической помощи МЧС России, Москва, Россия
 Поступила 25 сентября 2015/ Принята к публикации: 3 октября 2015

Features of organization and provision of emergency psychological assistance in an emergency situation (psychologist assistance during fire suppression in Admiral Shopping Center, the city of Kazan)

Julia S. Shoigu, Larisa G. Pyzhanova, Julia M. Portnova Center of Emergency Psychological Aid, Ministry of Emergency Situations of Russia, Moscow, Russia
 Received: September 25, 2015 / Accepted for publication: October 3, 2015

В статье используется опыт работы психологической службы МЧС России. Раскрывается понятие экстренной психологической помощи в чрезвычайной ситуации, затрагиваются вопросы анализа и прогнозирования риска возникновения неблагоприятных массовых социально-психологических явлений в зоне чрезвычайной ситуации и подходы к управлению рисками.

На примере конкретной чрезвычайной ситуации, вызванной пожаром и обрушением торгового центра «Адмирал» в городе Казань (Республика Татарстан), произошедшей 11 марта 2015 года, рассматриваются основные принципы организации деятельности специалистов психологической службы МЧС России, привлекаемых к ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, а также направления работы и задачи, стоящие перед этими специалистами. Излагаются общие подходы к оказанию экстренной психологической помощи пострадавшим и родственникам погибших и пострадавших при чрезвычайной ситуации и организация такой работы на конкретных участках: непосредственно на месте чрезвычайной ситуации, на телефоне «горячая линия», в бюро судебно-медицинской экспертизы.

Кратко затрагиваются вопросы организации межведомственного взаимодействия специалистов психологической службы МЧС России с другими службами, осуществляющими работу по ликвидации последствий чрезвычайной ситуации и оказанию помощи пострадавшим. Поднимаются вопросы сотрудничества с психологами организаций, входящих в структуру единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, с целью обеспечения пролонгированной психологической помощи пострадавшим и родственникам погибших и пострадавших.

В заключение делаются выводы о том, какие факторы в данной конкретной чрезвычайной ситуации могли оказать влияние на психологическое состояние пострадавших.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, экстренная психологическая помощь, неблагоприятные социально-психологические последствия, массовые реакции, факторы риска, анализ риска, прогноз риска, безопасность населения.

The paper uses the experience of psychological service of EMERCOM in Russia. The notion of emergency psychological aid in emergency situations involving analyzing and predicting risk of adverse social and psychological mass phenomena in emergency and risk management approaches. For example, a particular emergency situation caused by the fire and the collapse of Admiral Shopping Center in Kazan (Republic of Tatarstan), which took place 11 March 2015, the basic principles of organizing experts of the psychological service of EMERCOM of Russia, involved in elimination of emergency situations effects, including expert practice and challenges. General approach to the provision of emergency psychological assistance to the victims and relatives of those killed and injured during the emergency and organization of such work in specific areas are outlined: on-site emergency, «hotline» phone in the Bureau of Forensic Medicine. Organization of interdepartmental cooperation of EMERCOM psychological service experts of Russia with other services engaged and disaster relief efforts are briefly touched upon. The paper raises issues of cooperation with psychologist organizations within the framework of the unified state system of prevention and liquidation of emergency situations to ensure prolonged psychological assistance to the victims and relatives of those killed and injured. In the conclusion, factors in a given emergency situation that could affect the psychological state of the victims are estimated.

Keywords: emergency, emergency psychological assistance, adverse social and psychological effects, mass reaction, risk factors, risk analysis, forecast risk, public safety.

Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) проводит целенаправленную политику по реализации научно обоснованной и экономически целесообразной системы мер по предотвращению чрезвычайных ситуаций (ЧС), по совершен-

ствованию стратегии снижения рисков и смягчения последствий катастроф, включая неблагоприятные последствия социально-психологического плана, часто сопровождающие чрезвычайные ситуации (О единой государственной ..., 2003; О силах и средствах ..., 2004;

О защите населения ..., 2010; Катастрофы и человек, 1997; Шойгу, 1997)
Психологическая служба МЧС России – это система сил и средств, предназначенных для осуществления мероприятий по психологическому сопровождению деятельности профессиональных контингентов МЧС России, принимающих участие в ликвидации последствий ЧС, а также для оказания экстренной психо-

логов и близких погибших и пострадавших в условиях ЧС, на снижение рисков возникновения массовых негативных реакций и профилактику отдаленных негативных психических последствий. ЭПП включает в себя как отдельные специальные методы психологического воздействия, так и организацию особой среды, окружающей пострадавших, а также родственников и близких погибших и пострадавших в ЧС (Экстренная психологическая ..., 2012).

Среди проводимых мероприятий особое внимание уделяется снижению рисков возникновения массовых негативных реакций у пострадавшего населения. Поскольку такие реакции, как массовая агрессия, паника, фобические, истероидные реакции, а также распространение слухов могут существенно осложнять проведение аварийно-спасательных и других неотложных работ на месте ЧС (Психогении в экстремальных ..., 1991; Прангишвили, 1967; Поляков, 1978; Шерковин, 1984; Решетников, 1989; Караяни, 2003).

Специалисты ФКУ «Центр экстренной психологической помощи МЧС России» (ЦЭПП МЧС России), участвовавшие в ликвидации последствий практически всех крупных ЧС за последние 15 лет, нередко вынуждены были реагировать на вышеназванные нежелательные явления уже после их возникновения и негативного влияния на ход аварийно-спасательных работ. Таким образом, объективно возникла необходимость разработки методических подходов, позволяющих выявить непосредственные причины, сущность, особенности возникновения и развития социально-психологических рисков во время чрезвычайных ситуаций (Лагадек, 1988; Смакотина, 1999; Зубков, 1999; Зыкова, 2001; Канеман, 2005; Шойгу, 2010 16).

Алгоритм анализа и прогнозирования риска возникновения неблагоприятных массовых социально-психологических явлений в зоне ЧС

В ходе исследований, проведенных специалистами ЦЭПП МЧС России, были выделены и получили количественную оценку факторы, наиболее существен-

Под экстренной психологической помощью (ЭПП) мы понимаем целостную систему мероприятий, направленных на оптимизацию актуального психического состояния пострадавших, а также родственников и близких погибших и пострадавших в условиях ЧС, на снижение рисков возникновения массовых негативных реакций и профилактику отдаленных негативных психических последствий

логической помощи пострадавшему населению в зоне ЧС и при пожарах. Под экстренной психологической помощью (ЭПП) мы понимаем целостную систему мероприятий, направленных на оптимизацию актуального психического состояния пострадавших, а также родственни-

ствованию стратегии снижения рисков и смягчения последствий катастроф, включая неблагоприятные последствия социально-психологического плана, часто сопровождающие чрезвычайные ситуации (О единой государственной ..., 2003; О силах и средствах ..., 2004;

Юлия Сергеевна Шойгу – канд. психол. наук, директор Центра экстренной психологической помощи МЧС России
E-mail: 6263896@mail.ru

Лариса Григорьевна Пыжьянова – канд. психол. наук, заместитель директора Центра экстренной психологической помощи МЧС России
E-mail: pl.cepp@mail.ru

Юлия Михайловна Портнова – канд. психол. наук, начальник Приволжского филиала Центра экстренной психологической помощи МЧС России
E-mail: pfcepp@mail.ru

но влияющие на социально-психологическую обстановку в зоне ЧС – факторы риска. К таким факторам относятся: степень завершенности ситуации, степень информированности о ситуации пострадавших и их родственников, количество пострадавших и погибших, степень изменения жизненного стереотипа, территориальное устройство населенного пункта, степень нарушения условий жизнедеятельности, этнокультурные особенности пострадавших и др. (Шойгу, 2010б, 2011а).

Выявленные взаимосвязи массовых неблагоприятных социально-психологических реакций и факторов риска позволили разработать методику прогнозирования и подходы к управлению социально-психологическими рисками в зоне ЧС. Параметрической базой для разработки математической модели расчета явился набор коэффициентов регрессии, полученный при ретроспективном анализе взаимосвязи неблагоприятных социально-психологических последствий и факторов риска (Шойгу, 2011б).

На основании результатов исследований был разработан алгоритм анализа и прогнозирования риска возникновения неблагоприятных массовых социально-психологических реакций, реализованный на базе автоматизированной информационной системы «Психолог» (АИС «Психолог») – ведомственного информационного ресурса, созданного в целях оптимизации деятельности психологической службы МЧС России.

При возникновении ЧС специалисту, производящему оценку риска возникновения неблагоприятных массовых социально-психологических реакций, требуется описать данную конкретную ситуацию по 24 факторам риска. Далее создается математическая модель ситуации, на основе которой проводится анализ и выдается прогноз риска отдельно по каждому виду неблагоприятных массовых социально-психологических реакций (паника, страх, агрессия, истероидные реакции и распространение слухов). Уровень риска показывает, насколько критичным является воздействие данного комплекса параметров на возникновение массовой реакции с учетом вероятности ее возникновения. Такая вероятность может быть высокой, выше средней, средней и низкой.

На основании результатов прогноза руководитель оперативной группы психологов, выезжающих на место ЧС, может планировать количество и состав специалистов в группах, распределять группы по участкам работы, а также ставить специалистам-психологам конкретные задачи по работе с пострадавшими или их родственниками, учитывая выявленные факторы риска.

Выявленные взаимосвязи массовых неблагоприятных социально-психологических реакций и факторов риска позволили разработать методику прогнозирования и подходы к управлению социально-психологическими рисками в зоне ЧС. Параметрической базой для разработки математической модели расчета явился набор коэффициентов регрессии, полученный при ретроспективном анализе взаимосвязи неблагоприятных социально-психологических последствий и факторов риска

Далее рассмотрим основные принципы организации работы специалистов психологической службы МЧС России в зоне ЧС, связанной с пожаром и обрушением торгового центра «Адмирал» в городе Казань (Республики Татарстан) 11 марта 2015 года, в результате которого пострадал 71 человек, из них 17 человек погибли.

Уровень риска показывает, насколько критичным является воздействие данного комплекса параметров на возникновение массовой реакции с учетом вероятности ее возникновения. Такая вероятность может быть высокой, выше средней, средней и низкой

Пожар в торговом центре «Адмирал»

Прогноз состояния социально-психологической обстановки уже на самых начальных этапах развития ситуации показал высокий и выше среднего риск возникновения массовых агрессивных, истероидных, фобических, панических реакций и слухов. Самыми весомыми и существенно влияющими на социально-психологическую обстановку на месте ЧС в первые часы были такие факторы, как: незавершенность ситуации (люди находились под завалами и судьба их оставалась неизвестной), неудовлетворительная степень информированности родственников пострадавших о ходе аварийно-спасательных работ, этнокультурные особенности пострадавших. Эти и ряд других факторов позволяли с высокой долей вероятности прогнозировать негативные массовые реакции в зоне ЧС.

К оказанию ЭПП в составе сводной группировки было привлечено 16 специалистов психологической службы из следующих подразделений МЧС России: ЦЭПП МЧС России, Приволжского филиала ЦЭПП МЧС России и Главного Управления МЧС России по Республике Татарстан.

Основной задачей, стоявшей перед этими специалистами, было оказа-

ние экстренной психологической помощи пострадавшим и родственникам погибших и пострадавших на «остром этапе», т.е. в процессе ликвидации последствий ЧС.

В дальнейшем при необходимости пострадавшие и их родственники могли обратиться за пролонгированной психологической помощью

к психологам организаций, входящих в структуру единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС). В соответствии с решением Правительственной комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности Республики Татарстан в их число входят организации, подведомственные Министерству здравоохранения, Министерству труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан. К оказанию экстренной психологической помощи при пожаре в торговом центре «Адмирал» из них были привлечены: Государственное автономное учреждение здравоохранения «Республиканская клиническая психиатрическая больница им. акад. В.М. Бехтерева» и Государственное автономное учреждение социального обслуживания Центр социально-психологической помощи населению «Зеркало».

Организация экстренной психологической помощи пострадавшим и родственникам пострадавших и погибших

В работе специалистов психологической службы в зоне ЧС можно выделить два направления:

1. Психологическое направление – организация экстренной психологической помощи пострадавшим и родственникам пострадавших и погибших. Оно включает в себя:

- работу с острыми стрессовыми реакциями;
- работу с состоянием острого горя;
- работу в толпе;
- урегулирование межличностных и межгрупповых конфликтов;
- профилактику суицидального поведения;
- психологическое сопровождение процедуры опознания.

2. Организационное направление, осуществляющее:

- организацию взаимодействия с представителями служб, ведомств и организаций, принимающих участие в ликвидации последствий ЧС;
- участие в организации мероприятий по обеспечению минимальных условий жизнедеятельности пострадавших.

Организация экстренной психологической помощи пострадавшим и родственникам пострадавших и погибших проводилась одновременно на нескольких участках работы: непосредственно на месте ЧС, на телефоне «горячая линия» (ГЛ), в бюро судебно-медицинской экспертизы.

«Горячая линия»

В течение первого часа после возникновения ЧС на базе Главного управления МЧС России по Республике Татарстан была открыта на телефоне «горячая линия», на которой работали психологи МЧС России и РСЧС. Работа велась по следующим направлениям: информирование о ходе аварийно-спасательных работ и судьбе пострадавших при пожаре и обрушении торгового центра (ранены, погибли, пропали без вести), сбор информации о пропавших без вести,

информационно-психологическая поддержка родственников пострадавших, погибших и пропавших без вести.

За первые пять часов на телефон ГЛ поступило 149 обращений. На основе данных, содержащихся в этих звонках, был составлен первичный список возможных пострадавших, число которых к концу первых суток доходило до полусотни человек. Большая часть звонивших не исключали возможности того, что их родные и близкие могли находиться на территории торгового центра «Адмирал», при этом сами не могли связаться с ними и не знали точного места их нахождения.

Специалисты ГЛ вели работу по сбору и анализу информации, поступающей как от родственников предполагаемых пострадавших, так и от психологов, работающих в составе оперативной группы на месте ЧС. Их целью было выделение с максимально возможной точностью из общей массы запросов по поводу разыскиваемых людей те обращения, которые касались пока неизвестных людей, находившихся под завалами, т.е. разбить обращения на группы. Группа могла быть образована обращениями разных людей (друзей, коллег, родственников) касающимися одного и того же разыскиваемого ими человека, а могла быть образована многократными, в течение всего времени работы «горячей линии» обращениями одного-двух людей относительно конкретного человека. Выделенные в ходе такого анализа люди составляли «группу риска», так как с высокой долей вероятности можно было предполагать, что они могут находиться под завалами. С их родственниками и близкими поддерживался постоянный контакт по телефону, в дистанционном режиме проводилась работа по заполнению карт регистрации признаков.

Кроме того, психологи оказывали экстренную психологическую помощь. Важным моментом являлась проверка эмоционального состояния каждого обратившегося, так как в период чрезвычайной ситуации в любом обращении следует выявлять психологическую составляющую, даже если первоначально запрос звучит как чисто информационный. Психологическое состояние людей, звонивших на телефон ГЛ, характеризовалось высокой тревожностью, шоком и отрицанием случившегося. Специалистами осуществлялась дистан-

ционная психологическая помощь, целью которой была нормализация актуального психологического состояния обратившихся пострадавших и построение для них ближайшей жизненной перспективы. В работе использовались такие методы как: эмоционально-образная терапия, краткосрочная позитивная терапия, суггестивные техники и др.

Одновременно велась работа по профилактике слухов и предупреждению неблагоприятных массовых реакций. Всего за период работы было принято 645 звонков. По результатам проведенной работы ГЛ в первые сутки удалось сократить список разыскиваемых более чем втрое, а в ходе дальнейшей работы практически с абсолютной точностью предположить, сколько людей и кто именно мог находиться под завалами.

Оказание экстренной психологической помощи на месте чрезвычайной ситуации

Экстренная психологическая помощь пострадавшим и их родственникам оказывалась непосредственно на месте ЧС.

В связи с тем, что среди пострадавших и погибших были граждане других государств, таких как Азербайджан, Турция, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, в целях соблюдения прав граждан в соответствии с международными договорами и обычаями было организовано взаимодействие с представителями диаспор и иностранных консульств.

Поскольку среди пострадавших были представители разных национальностей: русские, татары, турки, китайцы, вьетнамцы, азербайджанцы, киргизы, таджики, узбеки и др., оказание экстренной психологической помощи и организация процесса информирования осложнялась наличием языковых барьеров, так как большинство пострадавших и их родственников говорили на родном диалекте и информацию на русском языке воспринимали с трудом. Взаимодействие с представителями не русскоязычных пострадавших и их родственниками в основном выстраивалось с учетом такой национальной особенности как высокий авторитет «лидера общины» (представителя диаспоры). Психологи, прибывшие на место чрезвычайной ситуации, практически сразу знакомились, а впоследствии,

устанавливали тесные рабочие взаимоотношения с «лидерами» наиболее крупных общин и всю необходимую информацию, в том числе, о ходе проведения аварийно-спасательных работ, оперативно передавали через них другим членам их диаспор. Это позволило преодолеть как языковой барьер, так и недоверие к официально передаваемой информации, имевшее место в первые часы после чрезвычайной ситуации.

Недоверие было вызвано тем, что первая официальная информация о произошедшей ситуации носила общий характер и не давала ответ на наиболее острый вопрос о ходе аварийно-спасательных работ. В результате вокруг места ЧС собралась толпа в несколько сотен человек. Люди требовали пустить их на разбор завалов, поскольку, с их точки зрения, работа, проводимая специалистами, шла медленно, а шансы извлечь из-под завалов живых людей уменьшались с каждым часом. Ситуация в толпе накалялась и грозила выйти из-под контроля. Психологи, общающиеся с людьми непосредственно в толпе, доносили информацию, получаемую из оперативного штаба о том, какими силами, как и на каком участке в данный конкретный момент проводятся аварийно-спасательные работы. Это снижало накал волнения в толпе, однако, из-за языкового барьера, и из-за имевшегося на тот момент недоверия к информации, исходившей от «людей в форме» не гарантировало полного предотвращения негативных массовых реакций.

После психологической оценки ситуации оперативный штаб принял решение о том, что непосредственно в зону ЧС необходимо ввести группу представителей, мнение которых на тот момент является наиболее авторитетным для людей в толпе. Задача этой группы состояла в том, чтобы лично посмотреть, какими силами и средствами, на каких участках проводятся аварийно-спасательные работы, какие технологии используются, понять, что для спасения людей из-под завалов делается максимум возможного, и донести эту информацию до людей, стоящих за оцеплением. В состав группы вошел лидер одной из крупных диаспор, представитель предпринимателей торгового центра «Адмирал», представитель оперативного штаба, спасатели и психолог. Задача

была выполнена: информация, полученная таким образом и переданная людям в толпе через их представителей, была воспринята ими как достоверная.

Дальнейшая работа по информированию людей была четко налажена, велась оперативно, носила конкретный характер. При возникновении со стороны родственников пострадавших каких-то специфических вопросов о ходе аварийно-спасательных работ в качестве экспертов привлекались представители оперативного штаба и спасатели.

Все эти меры, в конечном итоге, помогли предотвратить возникновение агрессии в толпе и наладить непосредственное доверительное общение между психологами, пострадавшими и родственниками пострадавших, погибших и пропавших без вести.

Национальной особенностью значительной части пострадавших, которую приходилось учитывать в работе, являлась высокая сплоченность их родственников. С одной стороны, это привело к увеличению количества прибывающих родственников, нуждающихся в психологической помощи, с другой стороны, стало сильным ресурсом их взаимной поддержки.

В группах родственников и близких погибших, наблюдались проявления острых стрессовых реакций, особенно истероидных и агрессивных. С ними проводилась психологическая работа с использованием, в том числе, дыхательных техник, техник активного слушания, что позволяло актуализировать у них реакции эмоционального отреагирования, вовлечь их в работу по нормализации своего психофизиологического состояния и по поиску ресурсов совладания с травмирующей ситуацией.

Одним из отягчающих факторов, повлиявших на состояние пострадавших, родственников погибших, а также на общую атмосферу в обществе вокруг этого события, стала серия пожаров в торговых центрах города Казани за предшествующие два года. В этот период произошло 4 крупных пожара в торговых центрах («Новая Тура», «Даурский», «Караваяво», «Вьетнамский»). Учитывая мнение психологов, в целях профилактики распространения слухов о преднамеренном поджоге торговой площадки, администрацией было принято решение об организации собрания предпринимателей, арендовавших на территории торгового центра «Адмирал»

складские и торгово-выставочные павильоны, с целью оказания им необходимой помощи. Кроме того, с учетом, опять же, рекомендаций психологов, место для проведения данного собрания было выбрано таким образом, чтобы люди, пострадавшие только имущественно не пересекались с родственниками тех, кто пострадал физически и тех, чья судьба была не известна. Поскольку приоритеты и переживания у людей этих двух групп людей были различными, то их взаимодействие могло вызвать межличностные и межгрупповые конфликты.

Психологическое сопровождение процедуры опознания

Еще один участок, на котором проводилась работа психологов – бюро судебно-медицинской экспертизы. Это участок работы, на котором чаще всего возникают острые стрессовые реакции. Работа психологов в бюро судебно-медицинской экспертизы заключалась в оказании экстренной психологической помощи родственникам погибших при сопровождении их на процедурах опознания и выдачи тел погибших.

Совместно с родственниками погибших проводилась работа по заполнению карт регистрации признаков. В ходе этой процедуры уточнялись особенности внешности погибших: телосложение, черты лица, специфика строения зубов, собирались сведения о наличии у них особых примет (татуировок, шрамов) и имевшихся при них вещах (украшениях, одежды). Это позволило ускорить процесс процедуры опознания и минимизировать дополнительные факторы, психотравмирующие членов семей погибших, поскольку, благодаря данным картам, можно было провести первичную идентификацию тел, не привлекая родственников и близких погибших. И уже после этого предъявить для опознания семье тело погибшего, наибольшим образом соответствующее по приметам их родственнику.

Специалисты принимали участие в предварительном опросе родственников следователем, передавали значимую информацию представителям следственных органов, работали с реакциями, характерными для острого горя. Психолог

логическое сопровождение осуществлялось круглосуточно, по мере прибытия родственников. Каждая семья сопровождалась от начала и до конца следственных процедур.

Как мы уже говорили выше, психологи сопровождали родственников в процессе непосредственного опознания тел погибших. Учитывая особенности психического состояния родственников после процедуры опознания (снижение когнитивных функций, психическое и физическое истощение, состояние острого горя), психологи вели информационно-разъяснительную работу, помогали родственникам при оформлении необходимых документов и прохождении других юридических процедур. В ряде случаев была оказана индивидуальная психологическая помощь, направленная на актуализацию ресурсов и конструктивных стратегий совладания с психотравмирующей ситуацией.

При тушении пожара под обрушившимся сводом торгового центра «Адмирал» погиб подполковник МЧС Сергей Костин, который командовал первыми подразделениями пожарных, прибывшими к месту пожара. Он погиб при исполнении служебного долга, спасая

людей, проявив профессионализм, мужество и самоотверженность. Психологами осуществлялась психологическая поддержка родственников и коллег погибшего, начиная с момента известия о его трагической гибели, заканчивая психологическим сопровождением траурных мероприятий.

Межведомственное взаимодействие

Одним из направлений работы специалистов психологической службы была организация взаимодействия со службами, осуществляющими работу по ликвидации последствий ЧС и оказанию помощи пострадавшим. Это медицинская служба (в том числе, психиатрическая), государственные и муниципальные службы (органы управления, ЗАГС, юридические организации, социальные организации), прокуратура и следственные органы МВД РФ. Это позволило существенно сократить процедуру оформления необходимых документов. Психологами осуществлялась работа по сбору информации о примерном количестве прибывающих родственников, о порядке транспортировки тел, так как

многие погибшие являлись гражданами других государств.

Заключение

Всего за время работы на данной ЧС сводная группировка психологов МЧС России оказала индивидуальную психологическую помощь 68 людям, групповую психологическую помощь – в 157 случаях обращений, информационно-психологическую поддержку – в 200 случаях обращений, а также провела сопровождение 4-х массовых мероприятий.

Опыт психологической работы при пожаре в торговом центре «Адмирал» показал, что на психологическое состояние пострадавших могут оказывать влияние разнообразные факторы такие как: национальные и этнические особенности пострадавших, особенности информирования на месте ЧС и подачи информации о проведении аварийно-спасательных работ в СМИ. Только полное понимание и учет этих факторов будет способствовать эффективной работе по оказанию экстренной психологической помощи пострадавшим и родственникам пострадавших и погибших.

Литература:

- Александровский Ю.А. Психогении в экстремальных условиях / Александровский Ю.А., Лобастов О.С., Спивак Л.И., Шукин Б.П. – Москва : Медицина, 1991. – 115 с.
- Зубков В.И. Риск как предмет социологического анализа / В.И. Зубков // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 3-6.
- Канеман Д. Принятие решений в неопределенности : правила и предубеждения / Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски. – Харьков : Фолио, 2005. – 623 с.
- Караяни А.Г. Слухи как средство информационно-психологического противодействия / А.Г. Караяни // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 6. – С. 47-54.
- Лагадек П. Чрезвычайное положение в условиях технологических аварий и социальной дестабилизации / П. Лагадек. – Москва : АН СССР ИНИОН, 1988. – 22 с.
- О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций : Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2003 г. № 794. – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.garant.ru>.
- О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Федеральный закон Российской Федерации от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ (с изменениями на 27 июля 2010 года). – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.garant.ru>.
- О силах и средствах единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций : Постановление Правительства РФ от 03.09.1996 г. N 924 (с изменениями от 05.04.1999 г., 08.09.2003 г., 23.12.2004 г.). – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.garant.ru>.
- Поляков С.В. Последствия сильных землетрясений / С.В. Поляков. – Москва : Стройиздат, 1978. – 310 с.
- Прангишвили А.В. Социальная психология паники в свете понятия установки / А.В. Прангишвили // Исследования по психологии установки. – Тбилиси. : Мецниереба, 1967. – 175 с.
- Решетников М.М. Психофизиологические аспекты состояния, поведения и деятельности пострадавших в очаге стихийного бедствия / М.М. Решетников, Ю.А. Баранов, А.П. Мухин, С.В. Чермянин // Психологический журнал. – 1989. – Т. 10. – № 4. – С. 125-128.
- Российский опыт противодействия ЧС // Катастрофы и человек. Книга 1. / под ред. Ю.Л. Воробьева. – Москва : АСТ-ЛТД, 1997. – 228 с.
- Смакотина Н.Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты / Н.Л. Смакотина. – Москва : МИЭМ, 1999. – 328 с.
- Шерковин Ю.А. Слухи как социальное явление и как орудие психологической войны / Ю.А. Шерковин, А.П. Назаретян // Психологический журнал. 1984. – Том 5. – № 5. – С. 41-51.

Шойгу С.К. Катастрофы и государство / С.К. Шойгу, Ю.Л. Воробьев. – Москва : Энергоатомиздат, 1997. – 160 с.

Шойгу Ю.С. Культурно-специфические и культурно-неспецифические реакции пострадавших в чрезвычайных ситуациях / Ю.С. Шойгу, М.В. Павлова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 12. – 2010. – № 1. – С. 300.

Шойгу Ю.С. Оценка социально-психологических факторов риска и оперативное прогнозирование неблагоприятных социально-психологических последствий чрезвычайных ситуаций федерального характера / Ю.С. Шойгу, Л.Г. Пыжьянова // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. – 2011. – № 3. – С. 87-92.

Шойгу Ю.С. Принципы оказания экстренной психологической помощи в условиях чрезвычайных и экстремальных ситуаций / Ю.С. Шойгу // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 12. – 2010. – № 1. – С. 162-165.

Шойгу Ю.С. Прогнозирование и управление социально-психологическими рисками во время чрезвычайной ситуации / Ю.С. Шойгу, Л.Г. Пыжьянова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – № 4. – С. 76-83.

Экстренная психологическая помощь / под ред. Ю.С. Шойгу. – Москва : Асмин принт, 2012. – 320 с.

References:

1. Aleksandrovskiy, Yu.A. (1991) Psikhogenii v ekstremal'nykh usloviyakh [Psychogenic in extreme conditions]. Aleksandrovskiy, Yu.A., Lobastov, O.S., Spivak, L.I., & Shchukin, B.P. Moscow, Meditsina, 115.
- Kahneman, D. (2005) Prinyatie resheniy v neopredelennosti: pravila i predubezhdeniya [Decision-making in uncertainty: the rules and prejudices]. Kahneman, D., Slovic, P. & Tversky, A. Kharkov, Folio, 623.
- Karayani, A.G. (2003) Slukhi kak sredstvo informatsionno-psikhologicheskogo protivodeystviya [Rumors as a means of information and psychological counter]. Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]. Vol. 24, 6, 47-54.
- Lagadek, P. (1988) Chrezvychaynoe polozhenie v usloviyakh tekhnologicheskikh avari i sotsial'noy destabilizatsii [Emergency in terms of technological accidents and social destabilization. Moscow, AN SSSR INION 22.
- O edinoy gosudarstvennoy sisteme preduprezhdeniya i likvidatsii chrezvychaynykh situatsiy: Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2003 g. № 794 [On a unified state system of prevention and liquidation of emergency situations: Resolution of the Government of the Russian Federation as of 30.12.2003 № 794]. - Electronic resource. - Mode of Access: <http://www.garant.ru>.
- O zashchite naseleniya i territoriy ot chrezvychaynykh situatsiy prirodno i tekhnogenno kharaktera: Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 21.12.1994 g. № 68-FZ (s izmeneniyami na 27 iyulya 2010 goda) [On protection of population and territories from emergency situations of natural and man-made disasters: the Federal Law of the Russian Federation as of 21.12.1994 № 68-FZ (as amended July 27, 2010)]. - Electronic resource. - Mode of Access: <http://www.garant.ru>.
- O silakh i sredstvakh edinoy gosudarstvennoy sistemy preduprezhdeniya i likvidatsii chrezvychaynykh situatsiy: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 03.09.1996 g. N 924 (s izmeneniyami ot 05.04.1999 g., 08.09.2003 g., 23.12.2004 g.) [On forces and means of the unified state system of prevention and liquidation of emergency situations: Government Decree of 03.09.1996, N 924 (amended on 05.04.1999, at 08.09.2003, at 23.12.2004)]. - Electronic resource. - Mode of Access: <http://www.garant.ru>.
- Polyakov, S.V. (1978) Posledstviya sil'nykh zemletryaseniy [The effects of large earthquakes]. Moscow, Stroyizdat, 310.
- Prangishvili, A.V. (1967) Sotsial'naya psikhologiya paniki v svete ponyatiya ustanovki [Social psychology of panic in the light of the concept of the installation]. Issledovaniya po psikhologii ustanovki [Studies in the psychology of attitude]. Tbilisi, Metsniereba, 175.
- Reshetnikov, M.M. (1989) Psikhofiziologicheskie aspekty sostoyaniya, povedeniya i deyatelnosti postradavshikh v ochage stikhiynogo bedstviya [Psychophysiological aspects of the state, behaviour and activities affected by the outbreak of disaster]. Reshetnikov, M.M., Baranov Yu.A., Mukhin, A.P., & Chernyanin, S.V. Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]. Vol. 10, 4, 125-128.
- Smakotina, N.L. (1999) Osnovy sotsiologii nestabil'nosti i riska: filosofskiy, sotsiologicheskii i sotsial'no-psikhologicheskii aspekty [Fundamentals of Sociology and the risk of instability: the philosophical, sociological and socio-psychological aspects]. Moscow, MIEM, 328.
- Sherkovin, Yu.A. (1984) Slukhi kak sotsial'noe yavlenie i kak orudie psikhologicheskoy voyny [Rumors as a social phenomenon and as an instrument of psychological warfare]. Sherkovin, Yu.A., & Nazaretyan, A.P. Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]. Vol. 5, 5, 41-51.
- Shoigu, S.K. (1997) Katastrofy i gosudarstvo [The catastrophe and the state]. Shoigu, S.K., & Vorobyov, Yu.L. Moscow, Energoatomizdat, 160.
- Shoigu, Yu.S. (2010) Kul'turno-spetsificheskie i kul'turno-nespetsificheskie reaktsii postradavshikh v chrezvychaynykh situatsiyakh [Culture specific and culture undefined reactions of victims in emergency situations]. Shoigu, Yu.S., & Pavlova, M.V. Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg State University]. Series 12, 1, 300.
- Shoigu, Yu.S. (2011) Otsenka sotsial'no-psikhologicheskikh faktorov riska i operativnoe prognozirovaniye neblagopriyatnykh sotsial'no-psikhologicheskikh posledstviy chrezvychaynykh situatsiy federal'nogo kharaktera [Assessment of social and psychological risk factors and operational forecasting of adverse social and psychological effects of emergency situations on the federal level]. Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychaynykh situatsiyakh, 3, 87-92.
- Shoigu, Yu.S. (2010) Printsipy okazaniya ekstreynoy psikhologicheskoy pomoshchi v usloviyakh chrezvychaynykh i ekstremal'nykh situatsiy [Principles of emergency psychological aid in emergency and extreme situations]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg State University]. Series 12, 1, 162-165.
- Shoigu, Yu.S. (2011) Prognozirovaniye i upravleniye sotsial'no-psikhologicheskimi riskami vo vremya chrezvychaynoy situatsii [Anticipation and management of social and psychological risks in an emergency situation]. Shoigu, Yu.S., & Pyzhyanova, L.G. Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. Series 14. Psychology. 4, 76-83.
- (Ed.) Shoigu, Yu.S. (2012) Ekstreynaya psikhologicheskaya pomoshch' [Emergency psychological assistance]. Moscow, Asmin Print, 320.
- (Ed.) Vorobyova, Yu.L. (1997) Rossiyskiy opyt protivodeystviya ChS [The Russian experience in combating emergencies]. Katastrofy i chelovek. Kniga 1 [Accidents and people Book 1]. Moscow, AST-LTD, 228.
- Zubkov, V.I. (1999) Risk kak predmet sotsiologicheskogo analiza [Risk as a subject of sociological analysis]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 4, 3-6.

Диссоциация в феноменологической перспективе (на примере спортсменов и представителей экстремальных профессий)

А.С. Власик Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

А.В. Коршунов Институт физической культуры, спорта и здоровья Московского педагогического государственного университета

Поступила 25 августа 2015/ Принята к публикации: 7 сентября 2015

Dissociation in the phenomenological perspective (in athletes and representatives of extreme careers)

Anastasia S. Vlasik Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Alexey V. Korshunov Institute of Physical Culture, Sport and Health, Moscow State Teacher-Training University, Moscow, Russia

Received: August 25, 2015 / Accepted for publication: September 7, 2015

В данной статье предпринимается попытка анализа диссоциации с позиции феноменологии на примере переживаний лиц, занятых в деятельности, связанной с повышенными нагрузками – физическими и/или психологическими. Диссоциацию обычно соотносят с так называемой реакцией замирания в угрожающих жизни ситуациях, которая, наряду с реакциями борьбы и бегства, обнаруживается как у человека, так и у представителей животного мира (известные «бей, беги или замри», «fight, flight or freeze»). Однако человек, в отличие от животных, нередко способен целенаправленно действовать в диссоциативных состояниях, произвольно входить в них. Специфика и разнообразие проявлений диссоциации у людей обусловлены языковой природой человеческого сознания, ввиду чего логично обращение к философам феноменологического направления, сделавших именно сознание предметом своих исследований. В нашей работе с опорой на концепции ученых А. Бергсона и Ж. Делеза прослеживаются различные проявления диссоциации – от грубых симптомов при посттравматическом стрессовом расстройстве (так называемых симптомов вторжения) до контролируемых, произвольно выбираемых диссоциативных стратегий у спортсменов. Рассматриваются диссоциативные переживания, испытываемые специалистами экстремальных видов профессий: сотрудниками МВД, участвовавшими в командировках в «горячие точки», и психологами МЧС. Предлагается формулировка механизма диссоциации в терминах феноменологии. Авторы предполагают, что создание и применение адекватного диагностического инструментария, психологическая работа со спортсменами по регулированию фокуса внимания во время соревнований будет способствовать достижению ими более высоких спортивных результатов.

Ключевые слова: диссоциация, феноменологический подход, субъективность, опыт, посттравматическое стрессовое расстройство, экстремальные виды профессий, спортивная психология.

This paper attempts to analyze dissociation from the perspective of phenomenology as experience of persons engaged in activities related to high stress (physical and/or psychological).

Dissociation is usually correlated with the so-called reaction fading in life-threatening situations, which along with the reactions of “fight or flight” reveal both in humans and the representatives of the animal world (“fight, flight or freeze”). However, unlike animals humans are often able to act purposefully in dissociative states, or randomly enter them. Specific features and diversity of manifestations of dissociation in humans are determined by the linguistic nature of human consciousness, which is logical to appeal to the philosophers of the phenomenological direction within which consciousness is the subject matter of their research.

Based on the concept of Henri Bergson and Gilles Deleuze various manifestations of dissociation are detected: from the grave symptoms of PTSD (the so-called invasion of symptoms) to controlled arbitrarily selected dissociative strategies for athletes. Dissociative experiences by experts of extreme careers are considered: law enforcement officers who participated in missions in “hot spots”, and EMERCOM psychologists. Dissociation mechanism in terms of phenomenology is defined.

The development and application of adequate diagnostic tools, psychological work with the athletes to regulate the focus of attention during the competition is supposed to contribute to the achievement of a high sports results.

Keywords: dissociation, phenomenological approach, subjectivity, experience post-traumatic stress disorder, extreme careers, sports psychology.

Понятие диссоциации, как и большинство гипотетических конструкций в психологии, так и не получило своего окончательного, разделяемого всеми исследователями, определения. Различные трактовки – и широкие, включающие самые различные психические феномены, и узкие, сводящие диссоциацию к специфическим симптомам, возникающим в ответ на травматическое событие, центрируются вокруг понятия нарушения или недостаточной интеграции различных аспектов опыта. Так, Spiegel & Cardena (Brewin, Holmes, 2003) под диссоциа-

ционная часть этих функций утрачивается» (Тарабрина, 2007, С. 86).

В различных источниках диссоциация рассматривается и как психологическая защита и как основной механизм симптомообразования при посттравматическом стрессовом расстройстве. Кроме этого, существуют работы, авторы которых считают диссоциативными и такие, явно не травматического происхождения феномены, как абсорбцию, дорожный транс, гипнотический транс и т.п. Общей чертой описаний этих состояний является отмечаемая впоследствии странность, необычность испытан-

циативные феномены континуум или речь идет о качественно разных состояниях, объединенных под общим титром, вследствие недостаточности знаний (Handbook of PTSD, 2007).

Отметим, что в современной научной литературе по психологии все меньше места отводится описанию и анализу переживаний и тому, что за ними стоит, – ученые зачастую ограничиваются констатацией существования какого-то феномена, чтобы в дальнейшем подвергнуть его операционализации и выстроить всевозможные корреляционные связи с другими переменными. На основе этих данных выдвигаются гипотезы о закономерностях, создаются модели, при этом теоретические вопросы о структуре феномена, его месте в общем корпусе представлений о человеке (включая философские основания) остаются незатронутыми. Кажется, именно такая участь постигла диссоциативные явления – так и не определившись до конца с их сущностью, исследователи занимаются их измерением, получая порой удивительные результаты, которые при этом невозможно в полной мере проинтерпретировать (Waller, Putnam, Carlson, 1996).

В настоящее время основные исследования диссоциации ведутся в русле когнитивной психологии, с использованием, в том числе, методов нейронауки. Нам представляется, что описательные возможности в изучении диссоциативных состояний не исчерпаны – идеи феноменологов о сознании, его связи с телом могут стать плодотворными для понимания механизмов диссоциации и даже для самого очерчивания этого все еще туманного конструкта.

В данной работе, для сохранения логики в изложении идей, мы воспользуемся критерием Е.Ф. Howell, предложившей разделить диссоциативных состояний на неконтролируемые, патологические, наблюдающиеся при посттравматическом стрессовом и множественном расстройствах личности, и произвольные, в той или иной степени, иначе – нормальные, встречающиеся в экстремальных и в обычных ситуациях у людей без выраженных психических нарушений (Howell, 2005). Косвенным подтверждением правомерности такого разделения являются выявленные в исследовании Е.В. Снедкова и С.В. Литвинцева примечательные результаты:

Ученые зачастую ограничиваются констатацией существования какого-то феномена, чтобы в дальнейшем подвергнуть его операционализации и выстроить всевозможные корреляционные связи с другими переменными. На основе этих данных выдвигаются гипотезы о закономерностях, создаются модели, при этом теоретические вопросы о структуре феномена, его месте в общем корпусе представлений о человеке остаются незатронутыми

цией понимают временное нарушение непрерывности взаимосвязанных, дружественных процессов восприятия окружающего нас мира и памяти в сочетании с нарушением собственной идентичности (ощущении себя одним и тем же человеком в прошлом, настоящем и будущем). Американская психиатрическая ассоциация определяет диссоциацию как «нарушение интегрированных в норме функций сознания, осознания подлинности своего эго или моторного поведения, в результате которого опре-

ных переживаний, их несоответствие ситуации. Одной из отличительных особенностей – изменение привычных «отношений» между телом и сознанием (Spiegel, 1994): телесные ощущения, включая боль, позывы к удовлетворению физиологических потребностей, часто ускользают от осознания.

Разнообразие диссоциативных феноменов отвечает и отсутствие единой теоретической концепции диссоциации. Более того, нерешенным остается вопрос о том, представляют ли диссо-

Анастасия Сергеевна Власик – психолог кафедры психологии труда и инженерной психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: acilisa@gmail.com

Алексей Владимирович Коршунов – кандидат социологических наук, профессор, проректор Московского педагогического государственного университета, директор Института физической культуры, спорта и здоровья МПГУ
E-mail: av.korshunov@mpgu.edu

в выборке военных, проходивших службу в Афганистане, у лиц с истерическими чертами (считающихся склонными к диссоциативным состояниям) реже других возникало посттравматическое расстройство (Литвинцев, 2005).

Материалом для иллюстрации феноменологического анализа диссоциации нам послужат свидетельства специалистов (сотрудников МВД, имеющих опыт командировок на Северный Кавказ, психологов Центра экстренной психологической помощи МЧС) – полученные в ходе интервью описания их переживаний в рабочих ситуациях. Для анализа диссоциативных стратегий у спортсменов мы используем данные литературы.

Опыт в феноменологии А. Бергсона и «симптомы вторжения» при посттравматическом стрессовом расстройстве

Чтобы выстроить методологическую базу для нашего исследования, обратимся к текстам А. Бергсона, предшественника феноменологической философии во Франции, и комментариям к ним, сделанным Ж. Делезом.

По А. Бергсону, реальный опыт представляет собой композит, смесь из тенденций, «чистых наличий», принципиально («по природе, а не по степени») отличающихся друг от друга. Речь идет о том, например, что, в акте естественного восприятия, помимо собственно перцептивных процессов, всегда задействована и мнестическая функция¹. Ж. Делез формулирует мысль А. Бергсона следующим образом: любой акт восприятия или представления заключает в себе в неравных пропорциях «направление восприятия, помещающее нас сразу в материю, и ... направление памяти, помещающее нас сразу в мир духа» (Делез, 2001, С. 241). В этой цитате затронут важный момент, отсылающий к фундаментальному противопоставлению: в реальности неразделимые² длительность и пространство задают два типа «мно-

гообразий», дуализмов. По одну сторону – чистая длительность, дух, память, субъект, «внутреннее многообразие последовательности, расплавленности, организации, неоднородности, качественной различности, ... виртуальное и непрерывное многообразие, не сводимое к числам». По другую – пространство, материя, восприятие, «многообразие внешнего, одновременности, рядоположенности, порядка, количественной дифференциации, ... числовое многообразие, дискретное и актуальное» (Делез, 2001, С. 252). Кажется странным отнесение чистого восприятия к материи, пространству – своеобразие А. Бергсона, усмотревшего ложность рассуждений и идеалистов, и материалистов, заклю-

альности посредством нашей памяти, ... память в двух своих формах, поскольку она набрасывает пелену воспоминаний на фон непосредственного восприятия и поскольку она стягивает воедино множественность моментов, составляет главное привнесение индивидуального сознания в восприятие, субъективную сторону нашего познания вещей» (Бергсон, 1992, С. 177).

Это отступление в область, казалось бы, далекую от актуальных проблем психологии травмы, поможет пролить свет на особенности психических процессов при посттравматическом стрессовом расстройстве, т.к. нарушения памяти и симптомы вторжения или флэшбеки – специфические для травматиче-

Переживание события или его фрагментов вновь (в литературе расширительно, т.е. даже при отсутствии помрачения сознания, квалифицируемое как флэшбек) отличается от обычных воспоминаний

чается в том, как и где он проводит границу, разделяющую материю и дух. Для французского философа чистое восприятие есть функция тела, безличная, «причастная вещам», то, чем «обладало бы существо, поглощенное настоящим и способное, благодаря устранению памяти во всех ее формах, достигнуть одновременно непосредственного и моментального видения материи» (Бергсон, 1992, С. 178). «Мы воспринимаем вещи там, где они есть, восприятие помещает нас сразу в материю, оно безлично и совпадает с воспринимаемым объектом» (Делез, 2001, С. 240).

Субъективной пристрастностью, искажениями человеческое восприятие обязано взаимопроникновению, слиянию актов чистого восприятия и памяти (уточним, памяти духа): «каким бы кратким ни представили мы себе наше восприятие, оно все же непременно обладает некоторой длительностью и, следовательно, предполагает известное усилие памяти, которая объединяет множественность моментов, продолжая их одни в другие». «...Субъективность» чувственных качеств, прежде всего, и состоит в своеобразном стягивании ре-

ских расстройств феномены. Переживание события или его фрагментов вновь (в литературе расширительно, т.е. даже при отсутствии помрачения сознания, квалифицируемое как флэшбек) отличается от обычных воспоминаний. В ответ на определенный сенсорный стимул – триггер, часто выявляемый лишь при направленном расспросе, по ассоциации, непроизвольно возникают образы пережитого травматического события, сопровождающиеся соответствующими той ситуации эмоциями и физиологическим возбуждением. Картины прошлого оживают в сознании и переживаются чрезвычайно реалистично, визуализируются столь ярко, как будто бы они происходят прямо сейчас, наяву. Ориентировка в окружающей действительности при этом может сохраняться полностью или частично (феномен двойной ориентировки) или же нарушаться. В последнем случае наблюдается полная отрешенность от окружающего, поглощенность сценподобными представлениями с последующей невозможностью припомнить детали видений.

В исследовании S. Hellawell и C. Brewin испытуемые – все соответствующие кри-

¹ «Наши восприятия, несомненно, протитаны воспоминаниями и, наоборот, воспоминание ... становится наличным, актуальным, только заимствуя тело какого-нибудь восприятия, в которое оно воплощается» (Бергсон, 1992, С. 198).

² «... материя никогда не ослаблена в достаточной мере, чтобы быть чистым пространством, чтобы уже не обладать данным минимумом сжатия, благодаря которому она задействована в длительности и благодаря которому сама отчасти является длительностью. И, наоборот, длительность никогда не сжата в достаточной мере, чтобы быть независимой от внутренней материи, где она действует, от протяженности, которую она собирает сжать» (Делез, 2001, С. 299).

териям диагноза посттравматического стрессового расстройства – должны были написать текст, повествующий о травматическом событии, затем отметить в нем те части, которые были написаны ими в состоянии флэшбек. Оказалось, что указанные фрагменты отличались упоминанием большего количества деталей, преимущественно относящихся к элементам восприятия (выделено А.В.), использованием глаголов в настоящем времени, частым упоминанием смерти, эмоций страха, ужаса и беспомощности. В других частях рассказа чаще описывались так называемые вторичные чувства – гнев, вина (Hellawell, Brewin, 2004).

Кроме этого, флэшбек всегда возникает непроизвольно, что отличает его от воспоминаний, которые также, при должной сосредоточенности, могут представлять в сознании весьма явственно. При посттравматическом стрессовом расстройстве, напротив, существенно нарушается возможность произвольно погружаться в конкретные эпизоды прошлого, в том числе, эмоционально нейтральные. Так, в работе Brennen T. et al. показано, что при намеренном воспоминании событий своей жизни в ответ на предъявление стимульного слова (например, счастливый, злой и т.д.) пациенты с посттравматическим стрессовым расстройством склонны воспроизводить какие-то повторяющиеся, регулярные ситуации (*overgeneral recall from autobiographical memory*), в то время как лица контрольной группы чаще детально описывают конкретные эпизоды (Brennen et al., 2010).

Перед учеными когнитивного направления – авторами этих исследований стоял вопрос: являются ли флэшбеки результатом дезорганизации системы обычной автобиографической памяти или речь идет о совершенно ином способе хранения, переработки и воспроизведения информации. Истоки последней идеи можно проследить в работах П. Жане, автора первой концепции диссоциации. Указывая на особую роль памяти в согласованном протекании психических процессов, в образовании связей между прошлым и настоящим индивида, организации и распределении по категориям поступающей информации, французский психиатр полагал, что в системе человеческой памяти существует несколько уровней кодирования инфор-

мации. Современный вариант этой идеи представлен теорией двойной репрезентации (*dual representation theory*) Brewin. Им постулируется наличие двух систем памяти (Brewin, Holmes, 2003). Одна кодирует ту информацию, которая осознается, может быть выражена вербально, составляет часть автобиографического нарратива («verbally accessible memory», VAM). В другой – фиксируются впечатления, на которых в момент события произвольное внимание не было сконцентрировано (запахи, вспышки света, телесные ощущения, боль и др.). Эти переживания не всегда доступны словесному выражению и могут быть вызваны к жизни специфическими триггерами, проявляясь в виде ярких, эмоционально насыщенных образов прошлого. Эта система памяти названа Brewin «ситуационно доступной памятью» (*situationally accessible memory*). Следует подчеркнуть, что возможность произвольного извлечения информации из нее сильно ограничена. Пользуясь терминологией, принятой в отечественной школе психологии, можно говорить о том, что человек «не владеет» этой памятью как своим психическим процессом.

Проведенные Brewin исследования позволяют довольно точно описать переживания флэшбек и характер воспроизведения травматического материала, однако на наш взгляд, они недостаточны, чтобы подтвердить выдвинутую гипотезу. Механизм возникновения флэшбек не исчерпывается указанием только на особенности функционирования мнестических процессов, флэшбек подразумевает нарушения и внимания, и волевых функций. Речь идет не только о зрительном образе, представляемом перед мысленным взором субъекта, а о целостном состоянии, подобно тому, как состояние дежа вю не является повторением чего-то как будто бы виденного – «повторяется все состояние сознания целиком» (Курган). По этой же причине термин ревизуализация (*revisualization*), который часто используется в когнитивной науке как синоним слова флэшбек, на наш взгляд, неточен.

Флэшбек – актуализация слоя опыта, который как любой другой должен был бы включать контекст, задающий смысл, определенное переживание себя, однако в экстремальной ситуации именно контекст был разрушен, смысл утрачен и интенсивно переживалась угро-

за существованию собственного Я. Этот опыт, например, боевых действий или насилия в отношении индивида, образует некую капсулу. Как несубъективированный, неприсвоенный, он не может быть выстроен человеком в последовательную историю, которую можно было бы рассказать другому, не впадая вновь в диссоциативное состояние. В терминах бергсоновской концепции психического этот опыт принадлежит, скорее, пространству, материи или иначе – остается восприятием и не приобретает статуса воспоминаний.

Субъективность по А. Бергсону и «нормальные» диссоциативные состояния

Реконструируем представления А. Бергсона о сознательном «я». Это образно-метафорическое описание душевной жизни опирается на данные феноменологической интуиции. Философ говорит о «я» как о сфере, своей поверхностью соприкасающейся с внешним миром – не физическим, а миром как образом или, точнее, совокупностью отдельных образов. Граница, нечеткая, размытая, маркирует постепенный переход от пространства внешнего к длительности внутреннего: «... чем глубже мы проникаем в сознание, чем больше наше «я» вновь становится самим собою, тем в большей степени наши состояния сознания перестают рядопологаться, тем больше они начинают взаимопроникать, сливаться и окрашивать друг друга» (Бергсон, 1992, С. 121). Слияние состояний в поток, постоянная изменчивость, неопределенность (как невозможность обозначить словом) отличает подлинное («основное», по А. Бергсону) «я» – источник свободного, спонтанного действия. А на поверхности «... состояния нашего сознания кристаллизуются в слова, а наше конкретное, живое «я» покрывается коркой четко очерченных психологических фактов, друг от друга отделенных и, следовательно, застывших». Итак, слово, любой неизменный образ – то, в чем незаметно теряется наше подлинное «я» (или иначе: то, в чем оно отчуждается). «Резко очерченное, грубое слово, накапливающее в себе устойчивые, общие и, следовательно, безличные элементы наших представлений, подавляет или, по

меньшей мере, прикрывает нежные, неуловимые впечатления нашего индивидуального сознания» (Бергсон, 1992, С. 107). Погружение в себя, уплотнение конкретных, чувственных образов воспоминания, «отождествление с нашим основным «я»» (Там же, С. 12) представляет собой вопрошание без гарантии на ответ. Оно вряд ли когда-либо достигается полностью, скорее, осуществляется колебаниями, переходами между различными слоями сознания. Это описание знакомого каждому психологического опыта, с необходимостью предшествующего акту рефлексии.

Длительность, описываемая в ранних работах как психологический опыт³, в итоге выступает в качестве основы философского метода – интуиции, которая, в свою очередь, связана с актом вопрошания. Именно в этом акте и возможно появление подлинного, истинного я: «...интуиция – это движение посредством которого мы возникаем из нашей собственной длительности, посредством которого мы используем нашу собственную длительность, дабы утвердить и немедленно распознать существование других длительностей над и под нами» (Делез, 2001, С. 247). Здесь подчеркивается нестатичность, постоянное усилие в борьбе за возможность быть субъектом. «Субъект – это то, что развивает само себя ..., субъект выходит за свои пределы, ставит под сомнение самого себя» (Там же, С. 86).

Представляется, что нормальное функционирование психики заключается – в терминах А. Бергсона – в постоянном переходе от пространства к длительности и обратно. Так, например, мучительный поиск вербального выражения для схватывания сложного переживания предполагает погружение «в себя», прикосновение к «подлинному я» и может закончиться обретением нового значения, нового смысла, зафиксированного в слове. Мы предполагаем, что именно этот переход между пространством и длительностью становится невозможным в диссоциативных состояниях.

Диссоциативные феномены описаны прежде всего со слов пострадавших, многие из которых сообщают о неожиданной для них собранности, удивительном спокойствии в опасной, критической ситуации, что нередко сопровождается

ощущением отсутствия («как будто меня там не было»), переживанием своих действий как автоматизированных («был как робот»). Представители экстремальных видов профессий (военные, спасатели и т.п.) рассказывают о подобных состояниях, предшествующих ситуациям, потенциально травматичным, угрожающим жизни или психическому благополучию. Уже перед выходом на работу, выездом на место чрезвычайной ситуации состояние специалиста меняется: вместо волнения, грозящего дезорганизацией деятельности, – собранность, сосредоточенность на поставленной задаче, при этом все другие жизненные процессы, включая физиологическим потребности, редуцированы.

Пример:

Сотрудник ОМОН, рассказывая о командировке времен второй Чеченской кампании, в частности, отмечает, что приходилось выезжать с базы в Грозный на небронированной машине, тут же добавляет: «Если бы в нормальном состоянии был бы, не поехал бы, ... сейчас это понимаю». На следующей встрече поясняет: «Чувство опасности приходит после, в процессе, когда чем-то занят, не так».

Некоторые сотрудники ОМОН и большинство психологов МЧС дают более развернутые описания и трактовки этого феномена.

Пример:

Психологи МЧС рассказывают: «Иногда форму надеваю, меняюсь, приобретаю варианты измененности самой себя. Без формы однажды (по настоянию начальства) было сложнее, я лишалась чего-то... Каждый раз состояние менялось: большая собранность, состояние довольно приятной собранности-осознанности, готовности к чему-то... Очень анестезирующее состояние, особенно когда в собственной жизни «жесть». Все сильные эмоции исчезают, очень отстраненная от самой себя», «Очень страшно выезжать было, особенно вначале. Через какое-то время на выезде стала идентифицироваться со здравым смыслом, т.е. представлять, что на моем месте человек мыслящий здраво, разумный, после этого стало спокойнее».

О работе с пострадавшими, находящимися в состоянии острого горя: «Я

понимаю, что это моя работа, ... но, по большому счету, я здесь отстраненная... Меньше эмоциональной подстройки, ты – сам по себе, ты – работник МЧС».

С точки зрения феноменологии, такая диссоциация оказывается возможной благодаря приостановке движения от пространства к длительности и фиксации на каком-либо образе или представлении, чем-то «пространственным» в терминах А. Бергсона. Заочно в ситуации, потенциально травматической и, следовательно, не предполагающей смысла и какой-либо иной роли для человека, как только роли жертвы, устанавливается позиция субъекта (например, спасатель), задающая и определенный смысл происходящего, и границы компетенции. Это происходит посредством актуализации некоей идентификации, принятии на себя конкретных черт или образа. Указанный акт позволяет специалисту остаться до некоторой степени отчужденным от ситуации, личностно не вовлечься в нее и, что важно, удерживать временную форму процессов рабочей деятельности в чрезвычайной ситуации, исходя из имеющихся представлений о профессиональной позиции, действовать эффективно, не чувствуя усталости, совершать действия, для которых в «нормальном» состоянии было бы необходимо прикладывать специальные волевые усилия (Стрелков, 2005, 2010). Вместе с тем, связь с «подлинным я», в понимании Бергсона, утрачивается, что влечет за собой ряд последствий, а именно: потерю «присутствия» (в том смысле, в котором о нем говорят психологи) и спонтанности.

Пример:

Психолог МЧС рассказывает о готовности следовать приказанию генерала в экстремальной ситуации – приказанию, выполнение которого расходилось бы с разделяемым респондентом взглядом на суть работы психолога: «Поняла, что в тот момент я себя потеряла как психолога, психотерапевта, человека – действовала без личного своего отношения, человеческого сочувствия, ... тогда почувствовала некоторое облегчение, когда он (генерал МЧС) дал указание: за меня что-то решили, а хорошо-плохо было фиолетово. Качество присутствия становится минимальным».

³ «Чистая длительность есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше «я» просто живет, когда оно не устанавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали» (Бергсон, 1992, С. 93).

Непосредственно в экстремальной ситуации зачастую оказывается невозможным находить творческие, нестандартные решения, выучиться чему-то новому. Как выразился один из респондентов нашего исследования: «Для специалиста мыслить в чрезвычайной ситуации – это лишнее».

Произвольное регулирование внимания и диссоциативная стратегия у спортсменов

В спортивной психологии исследованию различных аспектов внимания и их влиянию на результаты спортсменов в соревнованиях посвящено множество работ. С 70-х гг. XX века ученые выделяют так называемые ассоциативные и диссоциативные стратегии, которые применяют, например, бегуны на длинные дистанции, марафонцы. Ассоциативная стратегия заключается в отслеживании спортсменом своих телесных ощущений, дыхания, мышечного напряжения, боли во время бега, в осознании своего эмоционального состояния, в произвольном регулировании темпа. При использовании диссоциативной стратегии индивид фокусируется, скорее, на внешних моментах, не связанных с бегом: он наблюдает пейзаж, думает о посторонних проблемах, видит сны наяву. Главное при этом – ограничить влияние сенсорной информации на тело. Подобная диссоциация контролируемая, гораздо менее выраженная, чем у лиц экстремальных видов профессий, затрагивающая лишь телесные ощущения и эмоциональное состояние, позволяет не испытывать боль и усталость. Согласно нашим представлениям, условием диссо-

циации в данном случае выступает предвзятая ориентация на достижение результата, цель – пробежать дистанцию.

Исследования показали, что большинство спортсменов используют именно диссоциативную стратегию, однако наиболее опытные и демонстрирующие высокие результаты марафонцы чередуют фокусирование на телесных ощущениях и внешних моментах, т.е. переключаются с одной стратегии на другую (Silva, Appelbaum, 1989; Morgan, Pollock, 1977; Morgan, 1981; Gill, Strom, 1985). Благодаря ассоциативной стратегии оказывается возможным произвольное достижение расслабления, необходимое при длительных физических нагрузках (Smith et al, 1995), а также формирование и накопление опыта, которое в состояниях диссоциации, на наш взгляд, практически не происходит.

Заключение

В данной статье мы попытались заново осмыслить некоторые состояния, традиционно объединяемые понятием диссоциации, с позиции феноменологии А. Бергсона. Диссоциация, в терминологии этого французского философа, выступает как нарушение координации между пространством и длительностью. Причем, важно отметить, что речь идет не о дезорганизации психической жизни, а скорее об особой организации, заключающейся в «расслоении» опыта в экстремальных ситуациях, предъявляющих повышенные требования к ресурсам человека. При этом диссоциация соответствующих обстоятельствам эмоций и когнитивной составляющей выполня-

ет защитную функцию. Например, отсутствие переживаний ужаса, страха, беспомощности, ощущений боли позволяет человеку целенаправленно действовать, или иначе: сохранять временную форму процессов в деятельности.

В случае последующей патологической диссоциации (при посттравматическом стрессовом расстройстве) момент травматического события отмечен тем фактом, что некоторые впечатления не дают себя субъективировать, они по своей сущностной природе остаются в регистре восприятия, материи. Столкнувшись с чем-то непереносимым, субъект лишается самообладания, утрачивает свободу действий, захватывается ужасом, паникой, поглощается внешним, т.е. пространством, оказывается «вырванным» из своей длительности. Сохранение субъективности за счет некоторого отстранения от реальности путем «нормальной» диссоциации – вот за что борется человек в экстремальной ситуации, цена поражения – последующее страдание от симптомов вторжения.

Диссоциация, осознаваемая, отчасти произвольная и контролируемая лицами, задействованными в экстремальных видах труда, оказывается одной из стратегий, которую используют спортсмены при длительных физических нагрузках. Создание и применение адекватного диагностического инструментария, психологическая работа со спортсменами по регулированию фокуса внимания во время соревнований будет способствовать достижению ими более высоких спортивных результатов.

Работа выполнена в рамках реализации проекта ГРНФ №15-06-10294

Литература:

- Бергсон А. Материя и память // Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. – Москва : Московский клуб, 1992. – 336 с.
- Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собрание сочинений в четырех томах. Т.1. – Москва : Московский клуб, 1992. – 336 с.
- Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / Ж. Делез. – Москва : ПЕР СЭ, 2001. – 480 с.
- Курган А.А. Тайна феномена дежа вю: опыт феноменологического анализа. Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://hpsy.ru/public/x3482.htm>
- Литвинцев С.В. Боевая психическая травма: руководство для врачей / С.В. Литвинцев, Е.В. Снедков, А.М. Резник. – Москва : Медицина, 2005. – 432 с.
- Стрелков Ю.К. Временная форма профессионального опыта / Ю.К. Стрелков // Вестник Моск. Ун-та. Серия 14. Психология. – 2010. – №2. – С. 23-31.
- Стрелков Ю.К. Психологический смысл длительности / Ю.К. Стрелков // Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Гуманитарные проблемы современной психологии». – 2005. – №7 (51). – С. 43-47.
- Тарабрина Н.В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы / Н.В. Тарабрина, В.А. Агарков и др.. – Москва : Когито-Центр, 2007. – 208 с.
- Brennen T. et al. Trauma exposure and autobiographical memory // Journal of Traumatic Stress. – 2010. – Vol. 23. – № 2. – pp. 240-247.
- Brewin C., Holmes E. Psychological Theories of PTSD // Clinical Psychology Review. – 2003. – Vol. 23. – № 3. – pp. 339-337.

- Gill D.L., Strom E.H. The effect of attention focus on performance of an endurance task // *International Journal of Sport Psychology*. – 1985. – Vol. 16. – pp. 217-223.
- Handbook of PTSD: science and practice / edited by M.J. Friedman, T.M. Keane, P. A. Resick. – 2007.
- Hellawell S.J., Brewin C.R. A comparison of flashbacks and ordinary autobiographical memories of trauma: content and language // *Behavioral Research and Therapy*. – 2004. – 42. – pp. 1-12.
- Howell E.F. *The dissociative mind*. – The Analytic Press, Inc., Publishers, 2005.
- Morgan W.P. Psychophysiology of self-awareness during vigorous physical activity. // *Research Quarterly for Exercise and Sport*. – 1981. – Vol. 52. – pp. 385-427.
- Morgan W.P., Pollock M.L. Psychologic characterization of elite distance runner. // *Annals of the New York Academy of Sciences*. – 1977. – Vol. 301. – pp. 382-403.
- Silva III J.M., Appelbaum M.I. Association-dissociation patterns of United States Olympic Marathon Trial contestants // *Cognitive Therapy and Research*. – 1989. – Vol. 13. – issue 2. – pp. 185-192.
- Smith A.L., Gill D.L., Crews D.J., Hopewell R., Morgan D.W. Attentional strategy use by experienced distance runners: Physiological and psychological effects // *Research Quarterly for Exercise and Sport*. – 1995. – Vol. 66. – pp. 142-150.
- Spiegel D. *Dissociation: Culture, Mind, and Body*. – Stanford California, 1994.
- Waller N.G., Putnam F.W., Carlson E.B. Types of dissociation and Dissociative Types: A Taxometric Analysis of Dissociative Experiences // *Psychological Methods*. – 1996. – Vol. 1. – № 3. – pp. 300-321.

References:

- Bergson, H. (1992) *Materiya i pamyat'* [Matter and Memory]. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol.1, Moscow, «Moskovskiy klub», 336.
- Bergson, H. (1992) *Opyt o neposredstvennyh dannyh soznaniya* [Experience of the immediate data of consciousness]. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol.1, Moscow, «Moskovskiy klub», 336.
- Brennen, T. et al. (2010) Trauma exposure and autobiographical memory. *Journal of Traumatic Stress*, Vol. 23, number 2, April, 240-247.
- Brewin, C., & Holmes, E. (2003) Psychological Theories of PTSD. *Clinical Psychology Review*, Vol. 23, 3, 339-337.
- Deleuze, G. (2001) *Empirizm i subektivnost': opyt o chelovecheskoy prirode po Jumu*. *Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyah*. Bergsonizm. Spinoza [Empiricism and subjectivity: the experience of human nature according to Hume. Critical philosophy of Kant's doctrine of the faculties. Bergsonism. Spinoza]. Moscow, PER SE, 480.
- Gill, D.L., & Strom, E.H. (1985) The effect of attention focus on performance of an endurance task. *International Journal of Sport Psychology*, Vol. 16, 217-223.
- Hellawell, S.J., & Brewin, C.R. (2004) A comparison of flashbacks and ordinary autobiographical memories of trauma: content and language. *Behavioral Research and Therapy* 42, 1-12.
- Howell, Elizabeth F. (2005) *The dissociative mind*. The Analytic Press, Inc., Publishers.
- Kurgan, A.A. *Tayna fenomena dezha vvu: opyt fenomenologicheskogo analiza* [The mystery of the phenomenon of deja vu: the experience of the phenomenological analysis]. – Electronic resource. – Mode of Access: <http://hpsy.ru/public/x3482.htm>
- Litvintsev, S.V., Snedkov, E.V., & Reznik, A.M. (2005) *Boevaya psihicheskaya travma: rukovodstvo dlja vrachej* [Combat fatigue: a guide for doctors]. Moscow, OAO «Izdatel'stvo "Medicina"», 432.
- (Eds.) Matthew, J. Friedman, Terence, M. Keane, & Patricia, A. Resick (2007) *Handbook of PTSD: science and practice*.
- Morgan, W.P. (1981) Psychophysiology of self-awareness during vigorous physical activity. *Research Quarterly for Exercise and Sport*, Vol. 52, 385-427.
- Morgan, W.P., & Pollock, M.L. (1977) Psychologic characterization of elite distance runner. *Annals of the New York Academy of Sciences*, Vol. 301, 382-403.
- Silva, III J.M., & Appelbaum, M.I. (1989) Association-dissociation patterns of United States Olympic Marathon Trial contestants. *Cognitive Therapy and Research*. April 1989, Vol. 13, issue 2, 185-192.
- Smith, A.L., Gill, D.L., Crews, D.J., Hopewell, R., & Morgan, D.W. (1995) Attentional strategy use by experienced distance runners: Physiological and psychological effects. *Research Quarterly for Exercise and Sport*, Vol. 66, 142-150.
- Spiegel, D. (1994) *Dissociation: Culture, Mind, and Body*. Stanford California.
- Strelkov, Yu.K. (2010) *Vremennaya forma professional'nogo opyta* [Temporary form of professional experience]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [Bulletin of Moscow University], Series 14, Psychology, 2, 23-31.
- Strelkov, Yu.K. (2005) *Psikhologicheskij smysl dlitel'nosti* [Psychological sense of duration]. *Izvestiya TRTU. Tematicheskij vypusk «Gumanitarnye problemy sovremennoy psikhologii»* [News TSURE. Special Issue «Humanitarian problems of modern psychology»]. Taganrog, Izdatel'stvo TRTU, 7 (51), 43-47.
- Tarabrina, N.V., & Agarkov, V.A. et al. (2007) *Prakticheskoe rukovodstvo po psikhologii posttraumaticheskogo stressa. Ch.1. Teoriya i metody* [A practical guide to the psychology of post-traumatic stress. Part 1. Theory and methods]. Moscow, Izdatel'stvo «Kogito-Centr», 208.
20. Waller, N.G., Putnam, F.W., & Carlson, E.B. (1996) Types of dissociation and Dissociative Types: A Taxometric Analysis of Dissociative Experiences. *Psychological Methods*, Vol.1, 3, 300-321.

Психологические проблемы российского спорта (навстречу XXXI Летним Олимпийским играм в Рио-де-Жанейро)

А.В. Морозов Институт управления образованием Российской академии образования, Москва, Россия

Поступила 15 октября 2015/ Принята к публикации: 30 октября 2015

Psychological issues of the Russian sport (towards the 31st Summer Olympic games in Rio de Janeiro, Brazil)

Alexander V. Morozov Institute of Education Management, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Received: October 15, 2015 / Accepted for publication: October 30, 2015

В статье рассматриваются психологические проблемы российского спорта, в целом: как внутренние, так и внешние, как объективные, так и субъективные. Анализируются мнения наиболее авторитетных специалистов в области спорта. Речь идет о роли и значении психологии в современном спорте и, в первую очередь, в процессе подготовки спортсменов высшей квалификации к наиболее ответственным соревнованиям, каковыми являются Олимпийские Игры, а также о том, чем принципиально отличается психологическая подготовка российских спортсменов от системы психологической подготовки их зарубежных коллег. Приводится сравнительный анализ результатов выступлений сборных России на летних Олимпийских и Паралимпийских Играх за последние 20 лет: в 1996, 2000, 2004, 2008 и 2012 гг. Дается оценка выступлений сильнейших команд нашей Планеты на последних Летних Олимпиадах. Строятся вероятностные прогнозы их выступления на Летней Олимпиаде в Бразилии с учетом разгоревшегося допингового скандала во Всероссийской федерации легкой атлетики, связанного с обвинениями российских легкоатлетов в массовом применении допинга и последовавшими за этим мерами: громкими отставками ряда спортивных чиновников и тренеров, принятием МОК решения о дисквалификации двух российских спортсменок-легкоатлеток и лишении их медалей Лондонской Олимпиады-2012, приостановлением членства ВФЛА в IAAF. Все это поставило под вопрос возможность участия сборной России по легкой атлетике в ближайших Олимпийских играх. В статье обозначены актуальные проблемные вопросы, неотложное решение которых в свете подготовки к XXXI Летним Олимпийским играм в Рио-де-Жанейро 2016 года может и должно способствовать кардинальному изменению психологической, духовной, моральной атмосферы не только каждого, отдельно взятого спортсмена, но и всего отечественного спорта, в целом.

Ключевые слова: психологическая подготовка, командный дух, психическая напряженность, психологический настрой, психический статус, психотип спортсмена, психологическая разгрузка.

The paper deals with the psychological issues of the Russian sport in general (including internal and external, objective and subjective ones). The attitudes of the most authoritative sports experts are analyzed. Various media discuss the performance of Russians in the Olympics of the third Millennium, the role and importance of psychology in modern sport and also in preparation of elite sport athletes for such important tournaments as the Olympic Games. The paper discusses fundamental differences of psychological preparation of the Russian and foreign athletes, comparative analysis of national team performances of Russia in the summer Olympics and Paralympic Games over the past 20 years, i.e. in 1996, 2000, 2004, 2008 and 2012. The paper analyses the strongest team performances on the global level in the latest Summer Olympic games and the probabilistic prediction of the performance results in the Summer Olympics in Brazil in reference with November doping scandal in the Russian Athletics Federation associated with charges of the Russian athletes in the mass doping followed by a loud dismissal of a number of sports officials and coaches, with two Russian athletes to be disqualified and stripped of their medals of London Olympics-2012, and also a RAF member in the IAAF to be suspended, which puts into question the possibility of Russian national athletics team participating in the next Olympics. The paper outlines current problematic issues the solution of which is urgent for the 21st Summer Olympics 2016 in Rio de Janeiro, Brazil, and should contribute to a fundamental change in the psychological, spiritual, moral atmosphere not only of an individual athlete, but for all Russian sport in general.

Key words: psychological preparedness, team spirit, mental tension, mental attitude, mental status, psychological makeup of the athlete, psychological relief.

Стремительно приближающиеся Летние Олимпийские Игры в Рио-де-Жанейро станут для российских олимпийцев семнадцатой по счету Летней Олимпиадой, в которой они будут бороться за олимпийские медали. А для наших паралимпийцев грядущая Паралимпиада в Бразилии будет шестой по счету.

Анализ результатов выступлений олимпийской и паралимпийской сборных нашей страны на последних пяти летних Олимпиадах, проводившихся, соответственно, в Атланте (США), Сиднее (Австралия), Афинах (Греция), Пекине (Китай) и Лондоне (Великобритания) наводит на размышления.

Обе сборные из одной страны, спортсмены фактически – люди одного поколения, живущие в различных регионах нашей необъятной Родины, в одном и том же временном пространстве, зачастую в одних и тех же городах и населенных пунктах. Казалось бы, все их проблемы должны носить одинаковый характер, но, это не так. Если посмотреть на цифры, проанализировать результаты выступлений становится понятным, что дела у двух сборных обстоят совсем по-разному.

Дебют российских паралимпийцев в 1996 году в Атланте выглядел более чем скромно: 16-е место, 17 медалей (из них 9 золотых, 7 серебряных, 1 бронзовая). Справедливости ради стоит отметить, что у наших визави к этому времени был уже достаточно богатый опыт аналогичных выступлений.

На следующих Паралимпийских Играх в Сиднее наши соотечественники, хотя и заняли призового места и довольствовались лишь 14-м общекомандным результатом, но поднялись на две ступеньки вверх по сравнению с предыдущим выступлением. Кроме того, более чем вдвое увеличилось количество завоеванных наград: 35 против 17 (из них 12 золотых, 11 серебряных, 12 бронзовых).

Паралимпийские Игры в Афинах оказались удачнее предыдущих и позволили нашим спортсменам подняться еще на три ступеньки вверх – они заняли 11-е место. Увеличилось и общее количество наград – 41, и количество медалей высшей пробы – 16, было получено также 8 серебряных и 17 бронзовых медалей. Динамика выступлений наших паралимпийцев уже в 2004 году позволила с уверенностью прогнозировать, что на следующих Играх мы непременно войдем в «десятку» сильнейших команд Планеты.

В Пекине наши паралимпийцы сумели подняться еще на три ступеньки вверх и занять 8-е место, завоевав при этом более чем в 1,5 раза больше медалей, по сравнению с предыдущими Играми: 63 против 41 (из них 18 золотых, 23 серебряных, 22 бронзовых).

Этот успех позволил надеяться на то, что уже на следующих Играх в Лондоне спортсмены смогут побороться, если не за призовое место, то уж точно – за место в первой «пятерке».

И результат превзошел все ожидания! В том, что Китай, уверенно лидирующий в Играх с 2004 года, обойти будет сложно, никто не сомневался, понятно было, что не обогнать и паралимпийцев Великобритании, это традиционно сильная команда, не опускавшаяся ниже 2-го места с Игр 2000 года в Сиднее (тем более, что в этот раз Игры проводились в Лондоне, а, как говорится, «дома и стены помогают»). Однако, несмотря на то, что по общему количеству медалей британские спортсмены действительно были вторыми после китайцев (120 против 231), а наши паралимпийцы в общекомандном зачете завоевали лишь 102 медали (хотя и улучшив более чем в 1,5 раза свой предыдущий результат в Пекине), по количеству медалей высшей пробы мы сумели обойти хозяев Игр (36 против 34). И таким образом, вышли на общее 2-е место в общекомандном зачете (36 золотых, 38 серебряных,

28 бронзовых медалей). Надо отметить, что по количеству «золота» наши спортсмены улучшили свой результат, показанный на предыдущих Играх, ровно в 2 раза (36 против 18).

Сегодня можно с уверенностью предположить, что именно между командами Китая, России и Великобритании развернется основная борьба за призовые места на Паралимпиаде в Рио-де-Жанейро. Составить более или менее достойную конкуренцию России и Великобритании в борьбе за призовые места могут попытаться спортсмены США, Австралии и Украины, и, конечно, не стоит «сбрасывать со счетов» достаточно сильную команду Бразилии, которая будет принимать Игры в роли «хозяйки», а значит, априори иметь определенный «бонус».

Но, если с командой российских паралимпийцев более или менее все понятно и ясно, то с нашими олимпийцами дела обстоят совершенно иначе.

Паралимпийская сборная нашей страны за последние 20 лет «выросла» на глазах во всех отношениях и сегодня реально претендует на одно из ведущих мест в Паралимпийском движении Планеты. Олимпийская же сборная России за эти 20 лет «плавно и неуклонно деградирует», сдавая позиции одну за одной.

На Олимпиаде 1996 года в Атланте, как и на Играх 2000 года в Сиднее мы стабильно удерживали 2-е место, уступая лишь команде США, а на Олимпиаде 2004 года в Афинах, кроме США, пропустили вперед и Китай, опустившись на 3-е место. Уже в 2004 году было понятно, что лучшим результатом, на который смогут претендовать российские олимпийцы на следующих Играх 2008 года в Пекине, будет «бронза». Так оно и произошло, и эти Игры потребовали от всех наших спортсменов колоссального психического напряжения – им пришлось очень сильно постараться, чтобы в последние дни буквально «вырвать» 3-е место у команды Великобритании.

Страна, принимающая следующие Игры 2012 года, тогда уже была известна – Великобритания, поэтому заранее было понятно, что в такой ситуации, учитывая при этом сложившуюся в российском спорте психологическую обстановку, никакие, даже самые «титанические» усилия наших спортсменов не дадут нам возможность войти в тройку призеров. Лидерство Китая было безоговорочным,

Александр Владимирович Морозов – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт управления образованием Российской академии образования»
E-mail: doc_morozov@mail.ru

у команды США мы ни разу не выиграли после Барселоны-1992 года (и отставание по золотым медалям от американцев прогрессировало с каждой последующей Олимпиадой), а команда Великобритании, уже в Пекине показавшая, на что она способна, являлась еще и «хозяйкой» грядущих Игр. Было бы весьма странно, если бы она не сделала все возможное, чтобы занять как можно более достойное место в итоговой турнирной таблице «домашних» Олимпийских Игр.

И в так называемой «золотомедальной отдаче», начиная с Игр 2000 года в Сиднее, наши олимпийцы, в отличие от паралимпийцев, не прибавляли, а сбавляли: 32 золотых медали в 2000 году, 28 золотых медалей в 2004 году, 23 золотых медали в 2008 году.

При таком «прогрессе» еще удивительно, что мы смогли повторить в 2012 году результат 2008 года и выиграть в Лондоне 23 золотых медали. Правда, удержаться в «призовой тройке» эти медали нам уже не помогли.

Анализ результатов выступлений российских спортсменов на Летних Олимпийских Играх 1996-2012 гг. позволяет подвести итоги развития спорта в мире за прошедшее время, выявить социальные изменения в этой области человеческих отношений, а также наметить перспективы, основные задачи и направления в методологии подготовки спортсменов высшей квалификации.

Изменения экономических отношений в индустрии спорта высших достижений, которые характеризуются ускоренным развитием профессионального спорта, его сближение с олимпийским движением, увеличением доходов спортсменов и спортивных организаций в результате коммерциализации спорта, привели к пересмотру некоторых тенденций в развитии олимпийского спорта, а также общей стратегии подготовки спортивных команд сильнейших стран мира.

Результаты выступлений наших спортсменов-олимпийцев на последних Летних Олимпийских Играх, в отличие, например, от выступлений наших же паралимпийцев, весьма скромны. И это при том, что на подготовку олимпийцев выделяется несравнимо больше финансовых средств по сравнению с затратами на подготовку паралимпийцев.

У паралимпийской сборной команды России нет планов и заданий ни по за-

воеванию общекомандного места, ни по числу завоеванных медалей. Таких планов не было ни на одних прошедших, ни летних, ни зимних Паралимпийских играх. Жизнь показала, что такой подход оказался правильным. По отношению к инвалидам подобные планы были бы просто не этичными (Царик, 2020).

Вывод вполне очевиден: проблема кроется не в «материальном стимуле» и не в материальной составляющей, а, скорее – в духовной. У российских паралимпийцев сила духа, психологический настрой несравнимо выше, чем у олимпийских спортсменов, что и позволяет им добиваться выдающихся результатов.

Размышляя над этим, я вспомнил легендарного венгерского спортсмена,

Анализ результатов выступлений российских спортсменов на Летних Олимпийских Играх 1996-2012 гг. позволяет подвести итоги развития спорта в мире за прошедшее время, выявить социальные изменения в этой области человеческих отношений, а также наметить перспективы, основные задачи и направления в методологии подготовки спортсменов высшей квалификации

двукратного олимпийского чемпиона Кароя Такача. Каждый олимпийский чемпион в любом виде спорта достоин самого глубокого уважения, но среди них есть те, чья победа на Играх – подвиг в прямом смысле слова. И не потому, что он был сильнее или быстрее, а потому, что он смог продемонстрировать такую силу воли, такую волю к победе, что даже если бы проиграл, все равно стал бы героем Игр. В 1938 году 28-летнему члену сборной Венгрии по стрельбе из пистолета, сержанту К. Такачу при взрыве гранаты оторвало правую руку. Выписавшись из госпиталя, он стал учиться стрелять левой рукой. На следующий год Карой Такач стал чемпионом Венгрии в стрельбе из автоматического пистолета и снова был включен в сборную страны. Если бы в 1940-м и 1944-м годах проводились Олимпийские игры, он бы принял в них участие. В 1948 году ему было уже 38 лет, но он попал в сборную и поехал на Олимпийские игры в Лондон. Перед началом соревнований по стрельбе из скорострельного пистолета к нему подошел чемпион и рекордсмен мира, претендент на олимпийское золото аргентинец Карлос Энрикес Валиенте и спросил, что Такач делает здесь. Тот ответил: «Я приехал учиться». К. Такач стал олимпийским чемпионом,

а К. Валиенте получил серебро. Во время церемонии награждения Валиенте сказал Такачу: «Ты уже всему научился!». И через четыре года в Хельсинки венгр снова стал олимпийским чемпионом. Такова была сила духа этого человека! (Поликанин, 2007).

Парадоксальной, на первый взгляд, является ситуация, когда одна российская сборная – паралимпийская от одних Игр к другим наращивает свой потенциал и, как результат, эффективность своих выступлений, а другая сборная – олимпийская снижает свой потенциал (и это при возрастающих расходах на ее содержание и подготовку).

На наш взгляд причин здесь несколько. Назовем основные:

- 1) Отсутствие слаженной работы на федеральном уровне (Министерство спорта РФ, Олимпийский комитет России, спортивные федерации работают не как единая команда с нацеленностью на конечный результат, а заняты выяснением отношений: кто главный и т.д.);
- 2) Безответственный непрофессиональный подход к подготовке и участию в Играх, как отдельных спортсменов, так и тренеров, а также ряда других лиц, обязанных заниматься обеспечением выступления спортсменов;
- 3) Отсутствие в составе национальных сборных команд России штатных психологов, а также недостаток понимания и осознания важности и необходимости психологической работы (что приводит к слабой и неэффективной психологической подготовке спортсмена или полному отсутствию таковой);
- 4) Избалованность материальными благами (как следствие – смещение акцента с воспитания силы духа и воли к победе на привитие стремления к меркантильным узкоэгоистическим ценностям и интересам);
- 5) Отсутствие специальной программы гражданско-патриотического воспитания спортсменов (как следствие – нарушения спортивного режима, использование запрещенных средств и

методов, переход в команду другой страны);

- б) Подмена индивидуальной работы с каждым спортсменом – членом Олимпийской сборной и с национальной командой по каждому виду, направленной на создание установки на достойное выступление, на достижение в честной борьбе наилучшего результата, на то, чтобы как можно чаще поднимался флаг и звучал гимн России, запланированной «чиновниками от спорта» задачей по «взятию» определенного количества медалей разной пробы тем или иным спортсменом или командой. Следствием последнего является сильнейший психологический прессинг на спортсмена, команду и тренера, с которым справляются, как показывает практика, далеко не все, тем более, при отсутствии необходимой психологической подготовки, о чем уже говорилось выше.

Чтобы не быть голословным, приведу лишь некоторые оценки специалистов.

Отечественные тренеры достаточно хорошо освоили все виды подготовки, за исключением психологической. Отсутствие у них соответствующих знаний и игнорирование их значения приводят к психологическим ошибкам и срывам спортсменов, особенно в процессе ответственных соревнований

Особенность современной ситуации в спорте заключается в том, что физическая, техническая и тактическая подготовленность сильнейших спортсменов находится примерно на одном уровне. Поэтому исход спортивных соревнований определяется в значительной степени психологическими факторами (Ахатов, 2008).

Чем выше класс спортсмена, уровень его спортивной готовности (физической, технической, тактической), тем важнее становится психологический блок подготовки, потому что на уровне равных, очень высоких возможностей побеждает тот, у которого психологический потенциал выше, кто психически более устойчив, более вынослив (Тиунова, 2012).

Вячеслав Фетисов, бывший в период проведения Летних Олимпийских Игр в Пекине главой Федерального агентства по физической культуре и спорту, в интервью корреспонденту «РБК-Спорт», комментируя то, что происходило со сборной России во всех видах спорта в первую не-

делю Игр-2008, называет это провалом и говорит, что причины этого «... в основном лежат в области психологии. Слишком большое давление оказывается нынче на спортсменов. Много помпезности. Чиновники накануне Олимпиады только и делали, что раздавали громкие заявления. Но делали это не в интересах дела, а ради саморекламы. Да и разговоры о призовых спокойствия ребятам не добавляли. Это в теннисе сто тысяч евро – не Бог весть, какая сумма. А шестнадцатилетним гимнасткам такие деньги не снились. Конечно, для них – это дополнительный моральный груз...» (Фетисов, 2008).

Необходимо отметить, что отечественные тренеры достаточно хорошо освоили все виды подготовки, за исключением психологической. Отсутствие у них соответствующих знаний и игнорирование их значения приводят к психологическим ошибкам и срывам спортсменов, особенно в процессе ответственных соревнований (Григорьев,

январь, 2010).

Пораженческую установку спортивных чиновников наши атлеты на Олимпиаде-2008 реализовали сполна. По «золотомедальной отдаче» Игры в Пекине оказались для России худшими в истории. Среди причин полученного в Пекине медального недобора главной остается – психологическая (!) (Туленков, 2008).

Здесь хочется вспомнить слова из песни «Олимпийцы»:

*Сила духа наших олимпийцев –
Вот залог победы над собой:
Недостаточно одних амбиций –
Важно им уметь владеть собой!*

(Морозов, 2014¹)

«На Олимпиаде нужно все внимание уделить финалу...», только тогда можно выиграть! И здесь, по моему глубокому убеждению, очень важна работа психологов. Психологический настрой – это половина победы. У китайцев этот вопрос решен – со спортсменами постоянно работают психологи. Американцы тоже ввели

в команду психолога. Нашим тренерам нужно подумать над этим. Обязательно! ... могу повторить, что все зависит от подготовки, в том числе и психологической ..., надеюсь, что за оставшееся время кое-что изменится... в лучшую сторону ...» (Поликанин, 2007, С. 44). Эти слова принадлежат чемпиону мира, многократному рекордсмену мира и страны, заслуженному тренеру СССР и РСФСР, бывшему президенту Стрелкового союза России Евгению Поликанину – человеку, всю свою жизнь посвятившему служению спорту во имя приумножения славы и чести родной страны. Наверное, им нужно не просто доверять, к ним необходимо прислушаться. У такого человека, имеющего за плечами богатейший жизненный и спортивный багаж, есть все основания утверждать, что на одной технике, с применением пусть даже самых высококласных разработок и технологий последнего поколения сегодня уже «далеко не уедешь», необходим особый настрой, особая психологическая атмосфера. И здесь – огромное поле деятельности для профессиональных психологов, причем не только спортивных.

О необходимости включения «психологической составляющей» в график подготовки российских спортсменов в последнее время говорят все чаще и все настойчивее. Так, побывавший в Пекине накануне Олимпийских игр-2008 в качестве руководителя российской делегации вице-президент Олимпийского комитета России (ОКР), олимпийский чемпион Владимир Васин в своем небольшом интервью восемь раз употребляет слово «психология», рассказывая о психологическом настрое спортсменов, о вероятном психологическом давлении на них, о выработке у них психологической устойчивости, о необходимости психологической разгрузки и т.д. При этом он делает недвусмысленный вывод о том, что «в спорте важен не только материальный стимул, но и психология» (Васин, 2007, С. 48).

Все эти выводы и соображения, конечно же, не могут не радовать и не вселять оптимизм в сердца психологов-практиков – истинных патриотов своей страны, тех, кому небезразличны результаты выступлений наших соотечественников на различных спортивных форумах и кто готов принять непосредственное участие в процессе подготовки наших спортсме-

¹ Морозов А.В. Олимпийцы // Дегустация [Электронный ресурс]: сб. песен – Москва : МузПром, 2014. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

нов. Но зачастую к этому процессу допускаются отнюдь не лучшие специалисты, и в этом еще одна проблема российского спорта. Эта проблема – из разряда так называемых кадровых, она очевидна, лежит «на поверхности» и вполне решается без каких-либо титанических усилий.

Интегральная подготовка квалифицированных спортсменов в настоящее время представляет собой сложный многолетний и многоэтапный процесс спортивного совершенствования. В этом процессе необходимо учитывать и общие закономерности адаптации спортсмена к тренировочным и соревновательным нагрузкам, и частные специфику формирования спортивного мастерства в зависимости от структуры и динамики физических и психических качеств, морфофункционального и психического статуса спортсмена, наличия своеобразного сочетания специальных способностей. В то же время становится ясно, что система подготовки квалифицированных спортсменов к соревнованиям во многом исчерпывает свои возможности, базирующиеся на общих закономерностях адаптации организма к нагрузкам. Все более очевидно, что только при тренировочной нагрузке, адекватной психотипу спортсмена, повышается реактивность центральной нервной системы и совершенствуются механизмы обеспечения эффективной спортивной деятельности в экстремальных условиях, которые, по существу, сопровождают любое крупное соревнование (Родионов, 2006).

В этом отношении спорт специфичен тем, что без выраженной психической напряженности, без стресса невозможна полноценная адаптация к нагрузкам, как невозможен и высокий уровень тренированности спортсмена. Такие условия деятельности всегда провоцируют сильный дистресс, к которому в процессе тренировочной и особенно соревновательной деятельности необходимо адаптироваться. К состоянию дистресса близко примыкает состояние тревоги – последовательность когнитивных, аффективных и поведенческих реакций, актуализирующихся в результате воздействия различных форм стресса (Примак, 1966).

Состояние тревоги развивается по схеме: стресс – восприятие угрозы – состояние тревоги. Поскольку возрастание состояния тревоги переживается спор-

тсменом как неприятное, болезненное, постольку когнитивные и поведенческие реакции, включенные в это состояние, несут функцию минимизации возникающего дискомфорта. Возникший процесс тревоги сопровождается процессом переоценки стрессовых условий, эта переоценка способствует выбору соответствующих перекрывающих механизмов, облегчающих переживание стресса, а также активации некоторых механизмов избегания, выводящих спортсмена из ситуации, вызывающей тревогу (Морозов, 2011).

В связи с этим возникает проблема изучения психических состояний в спорте и, особенно, состояния готовности к спортивной деятельности. Предварительно формируется установка, обусловленная ожиданием наиболее вероятного исхода соревнований. Нередко установка формируется на неосознаваемом уровне, однако, чем сложнее по своей структуре предстоящая деятельность,

Состояние готовности к экстремальной спортивной деятельности связано не только с необходимыми изменениями функциональных систем организма, но и с соответствующей интенсивностью динамических физиологических и психических процессов. Подготовка к деятельности может осуществляться при небольшой затрате энергии или, напротив, при большой затрате сил, в состоянии сильного возбуждения

тем больше в формирующейся установке преобладают осознаваемые, волевые компоненты. Установка как целостная модификация субъекта фокусируется в каждый конкретный момент времени в зависимости от его индивидуальных особенностей и, по существу, определяет не только расположенность к началу действия, но и содержание всей деятельности (Claus, 1981)

Формирование готовности к деятельности должно быть направлено на решение следующих частных задач:

1. ориентацию на те социальные ценности, которые являются ведущими для спортсмена (например, стремление к значимой победе и признанию общества);
2. формирование психических «внутренних опор» (уверенность в способности добиться успеха, надежда на высокий уровень собственного мастерства или даже на благоприятное стечение обстоятельств – везение);
3. преодоление психических барьеров, различных фобий, особенно тех, ко-

торые возникают в борьбе с конкретными обстоятельствами, с конкретными соперниками;

4. психологическое моделирование условий предстоящей борьбы;
5. создание программы управления процессами релаксации и мобилизации (Родионов, 2006)

Состояние готовности к экстремальной спортивной деятельности связано не только с необходимыми изменениями функциональных систем организма, но и с соответствующей интенсивностью динамических физиологических и психических процессов. Подготовка к деятельности может осуществляться при небольшой затрате энергии или, напротив, при большой затрате сил, в состоянии сильного возбуждения. Эти различия в интенсивности могут оцениваться с чисто субъективной точки зрения – тогда говорят о степени поглощенности подготовкой к деятельности или с объективной точки зрения – тогда необходимо определить

уровень нервного и соматического функционирования, лежащего в основе состояния готовности.

Здесь возникает понятие активации, которое обозначает одновременно и быстрое повышение активности центральной нервной системы, и вызванную им интенсификацию периферических процессов. По мнению R.B. Malmö, понятие «активация» должно употребляться только в случае самого факта повышения активности центральной нервной системы перед выполнением определенной деятельности (Malmö, 1959). Не вызывает сомнений тот факт, что перед началом спортивной деятельности, тем более, протекающей в экстремальном режиме, у спортсмена включаются произвольно или даже непроизвольно, механизмы активации психических и физиологических функций, непосредственно влияющих на эффективность выполнения такой деятельности.

Повышение роли интеллектуальных моментов в спортивной деятельности требует дальнейшего изучения ког-

нитивных механизмов психомоторных действий. Формирование установки на определенные действия, опережающая подготовка создают возможности, с одной стороны, предупреждать появление нежелательных ситуаций, а с другой – заблаговременно подготавливать адекватные реакции на возникновение тех или иных обстоятельств, обеспечивающих решение оперативных задач.

В «Науке о спорте...», подчеркивается, что основная практическая проблема современного спорта – психологическая подготовка спортсмена. При этом психологической подготовкой спортсмена называется организованный, управляемый процесс реализации его потенциальных психических возможностей в объективных результатах, адекватных этим возможностям. Речь идет о результатах, адекватных возможностям спортсмена или команды, потому что психологическая подготовка, являясь составной частью общей системы спортивной тренировки, зависит от других ее форм: физической, технической, тактической (Наука о спорте ..., 2011).

И это, отнюдь, не новация в отечественном спорте. Еще в 1966 году врач Л. Гримак опубликовал свою работу «Психологическая подготовка парашютиста» (Гримак, 1966).

Более 40 лет назад один из основателей отечественной психологии спорта П.А. Рудик написал учебник «Психология» для физкультурных вузов. В нем он, в частности, указывает, что даже очень хорошо физически, технически и тактически подготовленный спортсмен не может одержать победу в соревновании (к которой он потенциально вполне подготовлен), если у него недостаточно развиты необходимые для этого психические функции и психологические черты личности. Все эти публикации свидетельствуют о необходимости психологической подготовки спортсмена (Рудик, 1974).

Что же на самом деле представляет собой «психологическая подготовка спортсмена»? Является ли она вполне определенным процессом воздействия или системой различных воздействий на спортсмена?

По мнению одних авторов, психологическая подготовка является, прежде всего, воспитательным процессом, направленным на развитие личности пу-

тем формирования соответствующей системы отношений. Она дает возможность преобразовать психическое состояние, имеющее неустойчивый характер, в состояние с устойчивым характером, т.е. в свойство личности. При этом психологическая подготовка спортсмена к продолжительному тренировочному процессу осуществляется, во-первых, за счет непрерывного развития и совершенствования мотивов спортивной тренировки и, во-вторых, с помощью создания благоприятного отношения к различным сторонам тренировочного процесса (Горбунов, 2014).

По мнению других авторов, психологическая подготовка спортсмена – это система психологического, педагогического, методического и социального воздействия на него с целью выработки необходимых для конкретного вида спорта психологических качеств и черт личности. Весь комплекс воздействия направлен не только на достижение высокого спортивного результата, но и на формирование личности. Психологическая подготовка спортсмена связана с сознательной активностью человека, обращенной на целенаправленное управление своими двигательными действиями, с произвольной регуляцией своих эмоциональных состояний в условиях тренировки и соревнований (Григорьянц, 2010).

Система психологической подготовки спортсменов предусматривает выделение двух основных ее разновидностей:

- 1) ранняя психологическая подготовка (начинается за 20-30 дней до старта соревнований);
- 2) непосредственная психологическая подготовка в период пребывания спортсменов на месте соревнований.

Полномасштабная психологическая подготовка спортсмена обязательно включает все стороны и этапы подготовки: планирование, отбор кандидатов, психодиагностику личности, формирование долговременной мотивации, постановку долгосрочных и краткосрочных целей, моделирование условий соревнований, коррекцию эмоционально-волевой сферы, обучение психической саморегуляции и идеомоторной тренировке, актуализацию психологической составляющей физической, технической и тактической подготовки, формирование подсознательных установок деятельности, психотерапию ин-

стинктивных страхов и блоков, психогигиену и восстановление, формирование экзистенциального пространства самореализации, психологический контроль состояния на всех этапах подготовки спортсмена, осознание результатов деятельности и ряд других специфических проблемных сторон (Сопов, 2010).

Структура психологической подготовки спортсмена включает в себя следующие основные компоненты:

- 1) психологический паспорт избранного вида спорта как систему требований к психике и личности спортсмена, предъявляемых к занимающимся данным видом спорта;
- 2) психологическую характеристику спортсмена;
- 3) общую психологическую подготовку спортсмена, включающую нравственную, волевую, эмоциональную и интеллектуальную формы воздействия на спортсмена;
- 4) психологическую подготовку спортсмена в конкретной спортивной тренировке;
- 5) предсоревновательную психологическую подготовку, включающую мероприятия, связанные с мобилизацией готовности спортсмена к предстоящему соревнованию;
- 6) предстартовую психологическую подготовку, связанную с формированием психологического настроения спортсмена;
- 7) непосредственно соревновательную психологическую подготовку спортсмена, связанную с развитием тактического и оперативного мышления спортсмена;
- 8) постсоревновательную психологическую подготовку спортсмена, связанную с анализом успеха и неуспеха соревновательной деятельности (Савенков, 2006).

По мнению профессора А.В. Родионова система психологического обеспечения психологической подготовки спортсменов – это комплекс специальных мероприятий, направленных на оптимизацию подготовки спортсменов психофизиологическими, психологическими, психолого-педагогическими и социально-психологическими средствами и методами. Система имеет три относительно самостоятельных основных раздела работы:

- 1) Психологическая диагностика подготовленности и готовности спортсме-

нов к деятельности в экстремальных условиях соревнований. Она подразумевает проведение обследований спортсменов с помощью адаптированных к специфике спортивной деятельности психофизиологических, психологических и социально-психологических методик.

2) Психологически обоснованная воспитательная работа в спортивном коллективе. Она реализуется таким образом, чтобы все устремления спортсмена были направлены на самосовершенствование, самовоспитание, творческий выбор средств психической саморегуляции, которые позволяют в наибольшей степени реализовать его индивидуальные возможности.

3) Собственно психологическая подготовка к эффективной деятельности в процессе соревнования (Родионов, 2008).

Мы рассмотрели теоретические положения о психологической подготовке спортсменов, а как на сегодняшний день обстоят дела в Российском спорте на практике?

Для того, чтобы выяснить: имеют ли современные российские спортсмены высшей квалификации и их тренеры понятие о роли, месте и значении для них той самой пресловутой психологической подготовки, И.А. Григорьянцем было предпринято эмпирическое исследование сильнейших гимнастов и тренеров нашей страны. Общая выборка испытуемых составила 81 человек. Их ответы на самые простые и незамысловатые вопросы дают повод всерьез задуматься о психологических проблемах российского спорта и о том, с какими результатами мы планируем подойти к Летней Олимпиаде в Бразилии:

1. Имеете ли вы понятие о психологической подготовке гимнастов?

«Да» – 35,5% гимнастов и столько же – гимнасток;

«Нет» – 64,5% гимнастов и гимнасток.

2. Работает ли с гимнастами психолог?

«Нет и никогда не работал» – 96% гимнастов и 100% гимнасток (?).

3. Считаете ли Вы, что имеете, как тренер, понятие о психологической подготовке?

«Да» – 44,8% тренеров;

«Нет» – 55,2% тренеров.

4. Проводят ли тренеры индивидуальные беседы по психологической подготовке?

«Да, в форме советов» – 30% гимнасток и 19,3% гимнастов;

«Нет» – 70% гимнасток; 80,7% гимнастов и 72,5% – тренеров.

5. Имеете ли вы понятие о методике психологической подготовки в тренировочном, предсоревновательном, соревновательном и постсоревновательном периодах?

«Да» – 14% гимнасток и 19,3% гимнастов;

«Нет» – 86% гимнасток и 80,7% гимнастов.

6. Какие психические состояния вы испытываете перед соревнованиями?

Гимнастки: психической напряженности – 54%, страха – 25,8%, стартовой лихорадки – 22%, тревоги – 10%, апатии – 6%, переутомления – 6%, боевой готовности – 4%.

Гимнасты: тревоги – 40%, психической напряженности – 29%, страха – 25%, стартовой лихорадки – 22,5%, апатии – 6,4%, боевой готовности – 6,12%, переутомления – 3,2%.

Анализ системы психологического обеспечения психологической подготовки спортсменов и тренеров, причин многих неудач членов сборных команд России в крупнейших соревнованиях, данные опроса гимнастов и их тренеров показали следующее.

1. Основные причины неудач гимнастов в соревнованиях имеют психологический характер – 58,3%;

2. В сборных командах страны и спортивных школах, где должна закладываться система психологического обеспечения психологической подготовки спортсменов, не работают и никогда не работали психологи – 98%;

3. Большая часть тренеров и гимнастов не имеют твердых знаний и понятий о системе психологического обеспечения психологической подготовки, ее структуре, методике подготовки в учебно-тренировочной и соревновательной деятельности.

4. У большинства действующих тренеров объема знаний для самостоятельного решения проблем психологической подготовки спортсменов явно недостаточно.

5. Тренеры не обучают гимнастов даже элементарным методам психологической подготовки таким как: методика непосредственной подготовки к выполнению упражнений, диагностика

и саморегуляция психических состояний и др. [4].

Спортсмен не только функционально, но и психологически отличается от обычного человека. Современный спортсмен высшей квалификации – это человек с особым мышлением, особым образом жизни. Его жизнь принципиально отличается от повседневной жизни любого человека: постоянные разъезды, сборы, тренировки, соревнования. Он не может себе позволить многого из того, что может себе позволить простой человек. Такой экстремальный способ существования требует специальной психологической поддержки.

Каждого спортсмена персональным психологом, конечно же, обеспечить невозможно, но в команде психолог должен быть обязательно, чтобы регулярно и своевременно проводить мониторинг ситуаций, суметь вовремя подключиться к нестандартной, возможно, экстремальной или критической для того или иного спортсмена, а, возможно, и тренера, ситуации. С сожалением приходится констатировать, что на сегодняшний день ни системы психологического обеспечения психологической подготовки спортсменов и тренеров, ни системы психолого-педагогического сопровождения физической подготовки национальных сборных команд у нас в стране не существует.

Эпизодически в сборные приглашают неких якобы психологов, причем, иногда это бывают люди даже без специального образования. Спортсмены, когда встречаются с такими «специалистами», не понимают: что происходит и зачем им такой «помощник» в подготовке? На самом деле – это ни что иное, как дискредитация как психологии, в целом, так и квалифицированных специалистов-психологов, в частности. До тех пор, пока в решении данной проблемы не появится государственная заинтересованность, системная работа в этом направлении не наладится, а, значит, и высокие спортивные результаты будут наличествовать лишь в планах чиновников и на бумаге.

Теперь немного аналитики о наших наиболее вероятных соперниках на Летней Олимпиаде в Рио-де-Жанейро.

Великобритания – одна из немногих стран мира, принимавших участие во всех, без исключения, Олимпийских

Играх, проводившихся в разных уголках земного шара, начиная с самых первых Игр, состоявшихся в Афинах в 1896 г.

На протяжении трех десятков лет (с 1896 по 1924 гг.) эта страна уверенно входила в шестерку самых сильных спортивных держав планеты. Вместе с тем, за всю свою спортивную историю лишь однажды – в 1908 г. Великобритании удалось выиграть Летние Олимпийские Игры (что примечательно – проводились они в Лондоне) и еще трижды: в 1900, 1912 и 1920 гг. ей удавалось замянуть тройку призеров.

В последующие восемь десятилетий (с 1928 по 2004 гг.) британские спортсмены ни разу не поднимались в общекомандном зачете выше 8 места. Это «достижение» произошло лишь дважды – в 1932 г. на Олимпиаде в Лос-Анджелесе и в 1956 г. на Олимпиаде в Мельбурне, на всех остальных Играх британские олимпийцы выглядели более чем скромно, довольствуясь местами с 9-го по 18-е.

И вдруг – неожиданный прорыв на Олимпийских Играх 2008 г. в Пекине. Весь ход Игр показывал, что у британцев весьма высокие шансы на призовой подиум в общекомандном зачете и только самоотверженный «золотомеральный рывок» российских олимпийцев в завершающие дни Игр не позволил Великобритании «вытеснить» Россию из тройки сильнейших Олимпийских команд на планете. В итоге – у Великобритании 4-е место и достаточно дерзкая заявка на призовое место в «домашней» Олимпиаде 2012 года. Сомнений в том, что она его получит, у специалистов не возникало, что, собственно, и подтвердила Летняя Олимпиада в Лондоне. Причем, если отставание от Российской сборной образца 2008 года в Пекине составляло 4 золотых медали, то в Лондоне олимпийцы Великобритании уверенно заняли 3-е место, опередив наших соотечественников уже на 6 наград высшей пробы.

Олимпийская сборная США за последние 20 лет лишь однажды – в 2008 году в Пекине не смогла подняться на высшую ступень пьедестала, уступив «пальму первенства» хозяевам – спортсменам Китая, но уже на следующих Играх в Лондоне вернула себе звание сильнейшей спортивной державы Планеты. И, конечно же, цель перед американскими олимпийцами в августе 2016 года бу-

дет только одна – в очередной раз отстоять это звание.

Представителей спортивной элиты Китая трудно назвать иначе как самой прогрессирующей на Планете Олимпийской сборной за последние два десятилетия. Китай шел к своей заветной цели плавно, не торопясь, от Игр к Играм наращивая, в первую очередь, свой спортивный дух и потенциал.

Если в 1996 году в Атланте сборная Китая довольствовалась лишь 4-м местом, отставая от сборной России на 10 золотых медалей (16 против 26), то на следующих Играх в Сиднее – уже уверенно обосновалась в тройке призеров, сократив отставание от нашей сборной до 4 золотых медалей (28 против 32), а на следующей Летней Олимпиаде в Афинах она потеснила сборную России, уступив сборной США всего 2 золотые медали и заняв в общекомандном зачете 2-е место, опередив нашу команду на 4 золотых медали (32 против 28).

Следующие – «домашние» Игры 2008 года стали триумфальными для олимпийской сборной Китая: она не просто впервые в своей истории завоевала звание сильнейшей спортивной державы, но и обошла ближайших соперников: сборную США – на 15 золотых наград (51 против 36), сборную России (сумевшую занять 3-е место) – более чем в 2 раза – на 28 золотых медалей (51 против 23).

Игры в Лондоне оказались более успешными для китайских паралимпийцев, возглавивших уже в третий раз подряд Олимпийскую турнирную таблицу, а олимпийская сборная Китая довольствовалась на этот раз 2-м местом, пропустив вперед команду США и уступив им в борьбе за медали 8 наград высшей пробы (38 против 46).

Вполне понятно, что именно между спортсменами этих двух, несомненно, ведущих на сегодняшний день в летних видах спорта держав, и разгорится основная борьба в августе на Играх в Бразилии. На третье место, не вмешиваясь в борьбу «титанов», будет претендовать Великобритания. Ей могла бы постараться составить конкуренцию Российская сборная, если бы не некоторые «но», которые уже достаточно подробно были рассмотрены выше, а также разразившийся допинговый скандал во Всероссийской федерации легкой атлетики (ВФЛА), связанный с обви-

нениями российских легкоатлетов в массовом применении допинга. После этого скандала Международным Олимпийским Комитетом было принято решение о дисквалификации двух российских спортсменов-легкоатлетов и лишения их медалей Лондонской Олимпиады-2012, а также приостановлением членства ВФЛА в IAAF, что поставило под сомнение возможность участия сборной России по легкой атлетике в ближайших Олимпийских играх.

А ведь легкая атлетика – это самый «медалеемкий» вид спорта в программе Олимпийских Игр. На Олимпиаде в Рио-де-Жанейро в легкой атлетике будет разыграно наибольшее количество – 47 комплектов наград (24 у мужчин и 23 у женщин). Безусловно, отсутствие наших легкоатлетов в составе Российской сборной на Летней Олимпиаде 2016 г. негативно отразится на выступлении национальной сборной, в целом, и не позволит даже мечтать о призовом общекомандном подиуме.

Допинг-скандал лишь еще больше обнажил все существующие недостатки в развитии российского спорта и, в первую очередь, психологические.

За скандалом последовали отставки глав федераций. Добровольно сложил полномочия глава ВФЛА Валентин Балахничев, главный тренер легкоатлетической сборной Валентин Маслаков подал в отставку, не выдержав позора. Выявились проблемы высшего спортивного руководства, либо не способного повлиять на региональные федерации, либо закрывающего глаза на положение вещей.

Таковы реалии современного российского спорта, когда за медали высшего достоинства наши власти сулят спортсменам и их наставникам золотые горы. Это не встречается в федерациях других стран, где призовые деньги порой являются чисто символическими, а главной статьей доходов спортсменов являются рекламные кампании

Допинг-скандал развенчал представления рядового обывателя о «чистоте» побед и соревновательной честности.

До открытия Летней Олимпиады 2016 года осталось немногим более полугода. Время летит так быстро...

Успеем ли мы воплотить в реальность все то, что задумано, все то, что необходимо сделать? Сделать для того, чтобы доказать, в первую очередь, самим себе тот факт, что Россия по-прежнему

– мощнейшая кузница спортивных талантов, сильнейшая спортивная держава мира: была, есть и будет.

Летние Олимпийские игры 1980 года – единственные Игры, проведенные в СССР, показали и доказали всему миру мощь и силу советского спорта. Тогда это была поистине великая и могучая держава. Но развал СССР, распад его на отдельные государства негативно сказался и на спортивных достижениях представителей бывшей единой страны.

Именно в этом мы видим источник психологических проблем, условно относимых нами ко второму блоку. Спортсмены некогда единой большой команды под названием «сборная СССР» вдруг, перестали быть одной большой дружной семьей и стали выступать за разные государства, вчерашние друзья и братья стали соперниками.

Развал экономики страны не мог не сказаться на всех сферах общества: не стал исключением и спорт. Отсутствие стабильности, в целом, и видения перспектив своего личного развития, в частности, привели к тому, что многие советские спортсмены так и не стали российскими. Период после развала СССР по праву можно назвать не толь-

ко периодом массовой «утечки мозгов», но и периодом массового «исхода талантов» во всех, без исключения, областях и в спорте то же. Приоритетом в сознании людей, в том числе, спортсменов, стала оценка личной выгоды – какое значение имеет название страны и команды, за которую ты выступаешь, главное, чтобы гонорары были выше.

Годами выработанная в нашей стране система подготовки юных спортивных дарований в одночасье «пошла под откос». Например, в Китае талантливых «шестилеток» отбирают по всей стране и готовят в спортивных интернатах, что называется «с нуля». При этом, основой, фундаментом, на котором выстраиваются все дальнейшие спортивные достижения, является духовная (психологическая) подготовка с опорой на национальный менталитет и традиции. Лучшие тренеры страны начинают готовить спортсменов, уже к 12 годам нацеленных на «основную сборную». Поэтому и результаты в развитии спорта, показатели спортивных достижений этой страны, что называется «налицо» и вполне очевидны.

Понятия «патриотизм» и «патриот» в их истинном значении исчезли не толь-

ко из общеупотребительной лексики, но и были искусно вытравлены из сознания граждан. Модным стало все зарубежное, все «не наше». И не потому ли робкие лозунги типа: «поддержим отечественного производителя» повсеместно натываются на глухую стену непонимания и отторжения в измененном восприятии и сознании российских граждан.

Патриотические чувства возникают тогда, когда гражданин испытывает гордость за достижения своей страны и усиливаются в том случае, когда он ощущает свою причастность к этим достижениям.

Спортивные достижения способны вызвать сильнейшие патриотические чувства. Не случайно, поэтому на церемониях награждения происходит подъем национального флага страны, сопровождаемый исполнением гимна. Арифметика здесь проста и очевидна – чем чаще звучит гимн твоей страны, тем больше поводов гордиться ее достижениями и ... наоборот.

Ну, а чем больше поводов для гордости, в основе которых – спортивные достижения соотечественников, тем, вполне очевидно, меньше психологических проблем в системе национального спорта.

Литература:

- Ахатов А.М. Психологическая подготовка спортсменов / А.М. Ахатов, И.В. Работин. – Набережные Челны : КамГАФКСиТ, 2008. – 56 с.
- Васин В. Хозяева готовы. Слово за олимпийцами / В. Васин // Олимпийская панорама. – 2007. – № 2 (86). – С. 45-48.
- Горбунов Г.Д. Психология физической культуры и спорта / Г.Д. Горбунов, Е.Н. Гогун. – Москва : Академия, 2014. – 272 с.
- Григорьянц И.А. Основы системной подготовки спортсменов высшей квалификации / И.А. Григорьянц // Спортивный психолог. – 2010. – № 3 (21). – С. 16-21.
- Гримак Л. Психологическая подготовка парашютиста / Л. Гримак ; под ред. А.Е. Мазина. – Москва : ДОСААФ, 1966. – 126 с.
- Кныш Р. Как делать Олимпийских чемпионов / Р. Кныш. – Москва, 2002.
- Морозов А.В. Влияние стресса на профессиональную работоспособность и профессиональное долголетие специалистов / А.В. Морозов, А.В. Чебыкина // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. – 2011. – № 3-1. – С. 83-84.
- Наука о спорте : энциклопедия систем жизнеобеспечения / гл. ред. А.Д. Жуков. – Москва : Изд-во ЮНЕСКО [и др.], 2011. – 999, [1] с. : ил., портр., табл.
- Платонов В.Н. Спорт высших достижений и подготовка национальных команд к Олимпийским играм: отечественный и зарубежный опыт: история и современность / В.Н. Платонов. – Москва : Советский спорт, 2010. – 309 с.
- Поликанин Е. В стрельбе побеждают сильные духом / Е. Поликанин // Олимпийская панорама. – 2007. – № 2 (86). – С. 40-44.
- Родионов А.В. Основные направления психологического обеспечения участия российских спортсменов в играх Олимпиады 2008 года / А.В. Родионов // Спортивный психолог. – № 2 (14). – 2008.
- Родионов А.В. Проблемы психологии спорта / А.В. Родионов // Теория и практика физической культуры. – 2006. – № 6.
- Рудик П.А. Психология : учебник для ин-тов физ. культ. / П.А. Рудик. – Москва : ФиС, 1974.
- Савенков Г.И. Психологическая подготовка спортсмена в современной системе спортивной тренировки / Г.И. Савенков. – Москва : ФиС, 2006.
- Сопов В.Ф. Психологическая подготовка к Олимпийским играм: взгляд изнутри / В.Ф. Сопов // Спортивный психолог. – 2010. – № 2 (20). – С. 10-13.
- Сопов В.Ф. Теория и методика психологической подготовки в современном спорте : метод. Пособие / В.Ф. Сопов. – Москва, 2010.
- Спилбергер Ч.Д. Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги / Ч.Д. Спилбергер // Стресс и тревога в спорте. – Москва : ФиС, 1983. – С. 12-23.

- Тиунова О.В. Психологическая подготовка олимпийцев: медали получены, но вопросы остались // Аргументы и факты. – 2012. – 20.08. – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.aif.ru/onlineconf/1392702>
- Туленков Д. Олимпийские игры в Пекине по золотомедальной отдаче оказались для России худшими в истории // Весь спорт. – 3.10.2008 – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.allsport.ru/index.php?id=19285>
- Фетисов В. Если так дальше будет продолжаться, никогда нам Китай с Америкой не догнать // Спорт-Экспресс. – 22.08.2008. – Электронный ресурс. – Режим доступа : http://www.sport-express.ru/newspaper/2008-08-22/9_1/
- Царик А.В. Итоги выступления сборной России на X Паралимпийских зимних играх 2010 года в Ванкувере (Канада): анализ, проблемы, пути решения / А.В. Царик // Адаптивная физическая культура. – № 2 (42). – 2010. – С. 2-9.
- Clauss G. *Wörterbuch der Psychologie*. – VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 1981. – 742 s.
- Malmö R.B. Activation: A neuropsychological dimension // *Psychol. Rev.* – 1959. – № 66. – P. 367-386.

References:

- Akhatov, A.M. (2008) *Psikhologicheskaya podgotovka sportsmenov* [Psychological preparedness of athletes]. Akhatov, A.M., & Rabotin, I.V. Naberezhnye Chelny, KamGAFKSiT, 56.
- Clauss, G. (1981) *Wörterbuch der Psychologie*. VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 742.
- Fetisov, V. *Esli tak dal'she budet prodolzhat'sya, nikogda nam Kitay s Amerikoy ne dognat'* [If things continue, we had China not to catch up with America]. *Sport-Ekspress* [Sport-Express]. - 22.08.2008. - Electronic resource. - Mode of access: http://www.sport-express.ru/newspaper/2008-08-22/9_1/
- Gorbunov, G.D. (2014) *Psikhologiya fizicheskoy kul'tury i sporta* [Psychology of Physical Culture and Sports]. Gorbunov, G.D., & Gogunov, E.N. Moscow, Akademiya, 272.
- Grigor'yants, I.A. (2010) *Osnovy sistemnoy podgotovki sportsmenov vysshey kvalifikatsii* [Bases of athlete training system in elite sport]. *Sportivnyy psikholog* [Sports psychologist]. 3 (21), 16-21.
- Grimak, L. (1966) *Psikhologicheskaya podgotovka parashyutista* [Psychological preparation of parachutists]. Moscow, DOSAAF, 126.
- Knysh, R. (2002) *Kak delat' Olimpiyskikh chempionov* [How to Olympic champions]. Moscow.
- Malmö, R.B. (1959) Activation: A neuropsychological dimension. *Psychol. Rev.* 66, 367-386.
- Morozov, A.V. (2011) *Vliyanie stressa na professional'nuyu rabotosposobnost' i professional'noe dolgoletie spetsialistov* [The effects of stress on professional performance and professional longevity experts]. Morozov, A.V., & Chebykin, A.V. *Chelovecheskiy faktor: problemy psikhologii i ergonomiki* [Human factors: issues of psychology and ergonomics]. 3-1, 83-84.
- Platonov, V.N. (2010) *Sport vysshikh dostizheniy i podgotovka natsional'nykh komand k Olimpiyskim igram: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt: istoriya i sovremennost'* [Elite sport and training of national teams for the Olympic Games: Russian and foreign experience: history and modernity]. Moscow, Sovetskiy sport, 309.
- Polikanin, E. (2007) *V strel'be pobezhdayut sil'nye dukhom* [Strong spirit wins in shooting]. *Olimpiyskaya panorama* [Olympic Panorama]. 2 (86), 40-44.
- Rodionov, A.V. (2008) *Osnovnye napravleniya psikhologicheskogo obespecheniya uchastiya rossiyskikh sportsmenov v igrah Olimpiady 2008 goda* [Main directions of psychological support for Russian athletes participation in the 2008 Olympics Games]. *Sportivnyy psikholog* [Sports psychologist]. 2 (14).
- Rodionov, A.V. (2006) *Problemy psikhologii sporta* [Issues of Sport Psychology]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and Practice of Physical Culture]. 6.
- Rudik, P.A. (1974) *Psikhologiya : uchebnik dlya institutov fizicheskoy kul'tury* [Psychology: textbook for institutes of physical culture]. Moscow, FIS.
- Savenkov, G.I. (2006) *Psikhologicheskaya podgotovka sportsmena v sovremennoy sisteme sportivnoy trenirovki* [Psychological preparation of sportsmen in the modern system of sports training]. Moscow, FIS.
- Sopov, V.F. (2010) *Psikhologicheskaya podgotovka k Olimpiyskim igram: vzglyad iznutri* [Psychological preparation for the Olympic Games: A Look Inside]. *Sportivnyy psikholog* [Sports psychologist]. 2 (20), 10-13.
- Sopov, V.F. (2010) *Teoriya i metodika psikhologicheskoy podgotovki v sovremennom sporte* [Theory and methods of psychological training in sports today]. Moscow.
- Spielberger, Ch.D. (1983) *Kontseptual'nye i metodologicheskie problemy issledovaniya trevogi* [Conceptual and methodological problems in the study of anxiety]. *Stress i trevoga v sporte* [Stress and anxiety in sport]. Moscow, FIS, 12-23.
- Тiuнова, О.В. (2012) *Psikhologicheskaya podgotovka olimpiytssev: medali polucheny, no voprosy ostalis'* [Psychological preparation Olympians: medal received but questions remained]. *Аргументы и Факты* [Arguments and facts]. 20.08. - Electronic resource. - Mode of access: <http://www.aif.ru/onlineconf/1392702>
- Tsarik, A.V. (2010) *Itogi vystupleniya sbornoй Rossii na X Paralimpiyskikh zimnikh igrah 2010 goda v Vankuvere (Kanada): analiz, problemy, puti resheniya* [The results of the Russian team performance at the 10th Paralympic Winter Games 2010 in Vancouver (Canada): analysis, issues and solutions]. *Адаптивная физическая культура* [Adaptive physical training]. 2 (42), 2-9.
- Tulenkov, D. *Olimpiyskie igry v Pekine po zolotomedal'noy otdache okazalis' dlya Rossii hudshimi v istorii* [Olympic Games in Beijing appeared for the worst in the history of Russia]. *Ves' sport* [All Sport]. - 3.10.2008 - Electronic resource. - Mode of access: <http://www.allsport.ru/index.php?Id=19285>
- Vasin, V. (2007) *Hozyaeva gotovy. Slovo za olimpiytsami* [The hosts are ready. Word of the Olympians]. *Olimpiyskaya panorama* [Olympic Panorama]. 2 (86), 45-48.
- (Ed.) Zhukov, A.D. (2011) *Nauka o sporte: entsiklopediya sistem zhizneobespecheniya* [Sport Science: Encyclopedia of Life Support Systems]. Moscow, Izdatel'stvo YuNESKO [et al.], 999, [1].

Феномен прокрастинации в деятельности спортсменов индивидуальных и командных видов спорта

В.В. Барабанщикова, М.В. Останина, О.А. Климова Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 30 июня 2015/ Принята к публикации: 12 августа 2015

Procrastination phenomenon in individual and team sports athletes' activity

Valentina V. Barabanshchikova, Maria V. Ostanina, Oxana A. Klimova Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: June 30, 2015 / Accepted for publication: August 12, 2015

Современный мир диктует человеку жесткие условия деятельности. Огромное количество перерабатываемой информации, четкие временные рамки и другие факторы зачастую приводят к тому, что человек не справляется с поставленными задачами. Повсеместно распространяется привычка откладывать дела на неопределенный срок, не думая о последствиях. Этот феномен, присущий многим людям, в психологии получил название прокрастинация (Ковылин, 2013). В России этот термин только начинает приживаться, одновременно активно ведется работа по переводу и апробации на российской выборке зарубежных методик, выявляющих наличие данного феномена.

В статье представлены результаты исследования спортсменов индивидуальных (бокс, тайский бокс, самбо, дзюдо, карате, кикбоксинг, вольная борьба, тэквондо) и командных (хоккей, футбол, волейбол) видов спорта. Его целью было установление у испытуемых уровня прокрастинации и изучение ее взаимосвязи с такими их личностными особенностями как экстраверсия, нейротизм, контроль за действиями, мотивация к успеху, личностная тревожность, временная перспектива и стили принятия решения (копинги), а также с показателями ситуативной тревожности.

С помощью корреляционного анализа были показаны содержательные различия прокрастинации, обусловленные спецификой исследуемых видов спорта. Регрессионный анализ, показал, что у спортсменов индивидуальных видов спорта (модель: $p=0,002$, скорректированный $R^2 = 0,368$) значимым предиктором прокрастинации является ориентация на негативное прошлое (при $p = 0,007$, $\beta = 0,495$), а у спортсменов командных видов спорта (модель: $p=0,000$, скорректированный $R^2 = 0,581$) – ориентация на негативное прошлое (при $p = 0,003$, $\beta = 0,463$), контроль за действием при планировании ($p = 0,05$, $\beta = -0,220$) и контроль за действием при реализации (при $p = 0,003$, $\beta = -0,465$).

Ключевые слова: прокрастинация, профессиональные деформации, индивидуальные и командные виды спорта, спортсмены.

The modern world imposes strict conditions on people in various types of activities. A huge amount of processed information, tight timelines and other factors may cause people's inability to cope with their tasks. Thus, there is a popular habit to put off the work without thinking about the consequences. This trait called procrastination is inherent to a million people all over the world. The problem of procrastination is just beginning to develop in Russia. Nowadays lots of foreign research and foreign questionnaires are being translated and approbated. The aim of this research is to identify the level of athletes' procrastination, and define the differences of procrastination patterns in individual and team sports athletes. Also we want to study the relationship between procrastination and athletes' personal characteristics such as extroversion, neuroticism, control over the actions, motivation to success, anxiety, time perspective and decision-making style (coping), and also indicators of state anxiety using a sample of individual athletes (boxing, unarmed self-defence, judo, karate, kickboxing, wrestling, taekwondo) and teams (hockey, football, volleyball). Correlation analysis shows structural differences of procrastination manifestations in different types of sport. Regression analysis shows that in athletes of individual sports (model: $p = 0,002$, adjusted $R^2 = 0,368$) there is only one significant predictor of procrastination - the negative past ($p = 0,007$, $\beta = 0,495$).

The negative past ($p = 0,003$, $\beta = 0,463$), the control over the planning of the action ($p = 0,05$, $\beta = -0,220$) and the monitoring of the implementation of the action ($p = 0,003$, $\beta = -0,465$) are the predictors of procrastination in team sports (model: $p = 0,002$, adjusted $R^2 = 0,368$).

Key words: procrastination, professional deteriorations, individual and team sports, athletes.

Проблема переноса важных дел «на потом» существовала многие тысячелетия. Греческий поэт Гесиод еще в 800 году до н.э. призывал не откладывать дела на завтра, так как это ведет к нищете (Гесиод, 2001). Римский консул Марк Туллий Цицерон в своих знаменитых филиппиках в 40 году до н.э. жаловался на проявления прокрастинации в высших кругах власти.

Однако к активному обсуждению феномена перешли намного позже. В научном обороте термин «прокрастинация» появился в 1977 году, после выхода книги П. Рингенбаха «Прокрастинация в жизни человека» и книги А. Эллиса и В. Кнауса «Преодоление прокрастинации», в основу которой легли клинические наблюдения. В 1983 г. вышло первое издание научно-популярной книги Дж. Бурка

ляющий оценить степень выраженности прокрастинации. Кроме шкалы К. Лэя, для диагностики уровня прокрастинации используются также опросник Тукмена, опросник Айткен и др. В 1995 г. появляется книга «Прокрастинация: теория, исследования, совладание» (Ferrari, Johnson, McCown, 1995), в подготовке которой приняли участие специалисты из разных областей психологии: социальной, педагогической, клинической и психологии личности.

Остается дискуссионным вопрос о наличии корреляции между прокрастинацией и такими личностными характеристиками как локус контроля, нейротизм, экстраверсия, мотивация к достижению, самооценка

В психологии под термином «прокрастинация» подразумевают «сознательное откладывание выполнения намеченных действий, несмотря на то, что это повлечет за собой определенные проблемы» (Большой психологический словарь, 2003, С. 414). Буквальным переводом слова «прокрастинация» является выражение «на завтра» (от латинского «crastinus» – «завтра» и приставки «pro» – «на»).

и Л. Юэн «Прокрастинация: что это такое и как с ней бороться» (Burka, Yuen, 2008), базирующейся на материале обширной консультативной практики. В середине 1980-х годов началось исследование академической прокрастинации рядом американских ученых: Л. Ротблюм, Л. Соломон, К. Лэй. В 1986 г. вышла статья К. Лэя (Lay, 1986), в которой был предложен авторский опросник, позво-

В настоящее время за рубежом большое внимание уделяется изучению прокрастинации в контексте факторов, влияющих на деятельность, а также на различие между намерениями и действиями. До сих пор остается дискуссионным вопрос о наличии корреляции между прокрастинацией и такими личностными характеристиками как локус контроля, нейротизм, экстраверсия, мотивация к достижению, самооценка и другими.

В.С Ковылин указывает на то, что в современной психологии существует три основных подхода к пониманию сути феномена прокрастинации: психодинамический, поведенческий и когнитивный (Ковылин, 2013).

Согласно психодинамическому подходу, причины откладывания дел необходимо искать в их связи с механизмами психологических защит, а также в концепции избегания выполнения задач. Люди избегают выполнения дел, которые несут угрозу для Эго. Исследователи, придерживающиеся психодинамического подхода, указывают на то, что люди, склонные к прокрастинации, в целом более ориентированы на настоящее и испытывают трудности при планировании и прогнозировании будущего (Specter M.H., Ferrari, 2000). Сама прокрастинация в рамках данного подхода мыслится как следствие детских травм и проблем во взаимоотношениях с родителями (Ferrari, Johnson, Mc Cown, 1995).

Поведенческий подход объясняет феномен прокрастинации как результат закрепления подобного поведения (Solomon, Rothblum, 1984). То есть, у каждого прокрастинатора в прошлом был случай, когда откладывание дел до последнего момента имело позитивное разрешение и впоследствии такое поведение закрепилось. Согласно этому подходу, прокрастинаторы предпочитают браться за краткосрочную работу с га-

Валентина Владимировна Барабанщикова – доцент, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: vvb-msu@bk.ru

Мария Валентиновна Осталина – выпускница магистратуры факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова 2015 года.
E-mail: ostmariamsu@gmail.com

Оксана Анатольевна Климова – аспирант кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: Okli07@yandex.ru

рантированным вознаграждением, что препятствует построению долгосрочную целей.

Согласно когнитивному подходу, в основе феномена прокрастинации лежат иррациональные убеждения, заниженная самооценка и неспособность к самостоятельному принятию решений (Ellis A., Knaus, 1997). То есть, корни прокрастинации необходимо искать в иррациональном мышлении прокрастинатора. Примером иррационального убеждения может стать фраза: «я всегда выполняю свою работу хорошо». Такие завышенные требования к своей работе приводят к оттягиванию работы из-за боязни допустить ошибку (Ковылин, 2013).

В отечественной психологии термин «прокрастинация» появился сравнительно недавно, однако можно утверждать, что данная проблематика привлекает все больший интерес российских психологов (Варваричева, 2008, 2010; Ковылин, 2013). Активно ведется работа по переводу и апробации на российской выборке зарубежных опросников, направленных на оценку различных типов прокрастинации. Разработкой данной темы занимаются такие отечественные исследователи как Н.А. Шухова, Е.Л. Михайлова, Т.Л. Крюкова, Я.И. Варваричева и другие.

Исследователи отмечают заметный рост числа прокрастинаторов и проникновение прокрастинации во все сферы человеческой жизнедеятельности (трудовую, учебную, спортивную, бытовую, социальную). По словам Б. Нгуен феномен приобретает хронический характер (Nguyen, Steel, Ferrari, 2013).

Привычка откладывать дела «на потом» может иметь негативные последствия, как для самооценки человека, так и для результатов его деятельности во всех сферах, включая спорт высших достижений. К сожалению, несмотря на широкую распространенность прокрастинации и достаточно пристальное внимание исследователей к данному феномену, мало что достоверно известно о его причинах и последствиях.

Существует множество теорий, которые пытаются объяснить причины возникновения прокрастинации, но ни одна из них не является общепризнанной и универсальной. Наиболее распространены на данный момент два подхода к объяснению ее причин. Первый подход связан с характеристиками самой зада-

чи, такими как срок ее выполнение, необходимость больших временных затрат, монотонность, скучность, трудность, бессмысленность, бесполезность или чрезвычайная важность и др. Все эти факторы можно разделить на две группы: 1) распределение наград и наказаний во времени и 2) непривлекательность задачи.

Несмотря на широкую распространенность прокрастинации и достаточно пристальное внимание исследователей к данному феномену, мало что достоверно известно о его причинах и последствиях.

Существует множество теорий, которые пытаются объяснить причины возникновения прокрастинации, но ни одна из них не является общепризнанной и универсальной

Что касается первой группы факторов, здесь возникновение феномена прокрастинации объясняется с помощью «теории обманчивых наград». Эта теория предполагает существование врожденного предпочтения: человек скорее выберет удовольствие, которое можно получить сразу, сиюминутно, чем награды, отдаленные во времени (Ruchl, 2000). Исследование, проведенное М. Спектер и Дж. Феррари (Specter M.H., Ferrari, 2000), выявило высокую негативную корреляцию прокрастинации с ориентацией на будущее и положительную корреляцию с ориентацией на прошлое. Исследователи сделали вывод, что для прокрастинаторов характерна погруженность в воспоминания о прошлых достижениях и успехах и неуспешность в планировании будущего. Однако более поздние исследования показали, что этот подход несовершенен и требует пересмотра. Так, исследование, проведенное на обширной студенческой выборке, выявило, что прокрастинаторы не склонны оценивать настоящее с гедонистических позиций, а демонстрируют вместо этого высокий уровень фатализма (Costa, McCrae, Dye, 1991). Для них также характерна негативная оценка прошлого. Становится очевидно, что нельзя объяснить привычку откладывать дела «на потом» стремлением получить сиюминутное наслаждение.

Другим фактором, обуславливающим развитие прокрастинации, в рамках данного подхода является непривлекательность задачи. Некоторые характеристики задачи, такие как монотонность, скучность, чрезмерная сложность приводят к тому, что человек предпочитает отложить ее выполнение (Senecal, Lavoie, Koestner, 1997).

Второй подход в объяснении причин прокрастинации опирается на личностные характеристики человека, склонного к откладыванию дел. Н. Фьоре (Fiore, 2013), опираясь на положения позитивной психологии М. Селигмана, считает, что причины данного феномена надо искать в личности про-

крастинатора. Другой исследователь, Дэнис Уэйтли выдвигает гипотезу, согласно которой прокрастинация – это невротическая форма поведения в целях защиты личности, в частности, собственного достоинства (Waltley, 1995). По его мнению, человек начинает прокрастинировать тогда, когда не видит возможности плодотворной деятельности и считает, что его чувство собственного достоинства находится под угрозой. Похожей точки зрения придерживаются Д. Феррари и Р. Эммонз, называя в качестве причины прокрастинации желание отомстить за несправедливость или неравенство (Ferrari J., Emmons, 1994). Т.Рубин предполагает, что причиной прокрастинации является боязнь неудачи и перфекционизм. По его мнению, прокрастинация – это попытка справиться со страхом выставить себя на всеобщее обсуждение (Rubin, 1998).

Выдвигается предположение, что прокрастинация, вызванная страхом неудачи, вытекает из чрезмерной идентификации себя с результатом своей работы. П. Линвилль предполагает, что человек, чьи интересы и занятия находятся в разных областях, менее подвержен прокрастинации, чем человек, чья самоидентификация опирается на факторы успеха лишь в одной области (Fiore, 2013). Профессиональный теннисист сильнее расстроится из-за пропущенного мяча, чем любитель, у которого есть другие интересы в жизни, которые могут сыграть роль буфера. Человек, легко подверженный стрессу из-за неудач в одной области, считает работу мерилом своей личности, а успех в конкретном проекте воспринимает как свидетельство собственной неполноценности.

Имеется и альтернативной гипотеза, утверждающая, что причиной прокрастинации является боязнь успеха. Человек боится достичь успеха в той или иной сфере, так как этот успех повлечет за собой завышенные требования окружающих и высокий уровень притязаний, которому человек не всегда сможет соответствовать. Боязнь несоответствия своему первоначальному успеху может стать причиной заниженной самооценки, стресса и, как следствие, прокрастинации.

Связь прокрастинации и мотивации является сравнительно новой областью исследований, привлекающей все большее внимание отечественных и зарубежных психологов. Очевидно, что мотивация, как интегральная характеристика личности, тесно связанная с деятельностью человека, не может быть не связана с бездеятельностью и промедлением

Наиболее распространенная гипотеза о причине прокрастинации состоит в том, что эта привычка избавляет человека от напряжения, вызванного страхом перед долгой и неинтересной работой. По мнению Ф. Канфера и Д. Филиппс, (Kanfer, Phillips, 1970) любая привычка, в том числе и прокрастинация, ведет к вознаграждению. Прокрастинация дарует человеку, хоть и на время, избавление от стресса.

В настоящее время большое внимание за рубежом и в России уделяется исследованию взаимосвязи прокрастинации и личностных черт, таких как нейротизм, самооценка, локус контроля, экстраверсия, уровень саморегуляции, а также настроение и производительность. Нейротизм часто подозревается в качестве источника прокрастинации. В исследованиях Маккоуна, Питцеля и Руперта (McCown W., Petzel T., Rupert, 1987) учитывается, что тревога может стать причиной откладывания выполнения задания. Как правило, исследования находят устойчивую связь между прокрастинацией и некоторыми формами тревожности и нейротизма, что было продемонстрировано в исследованиях Бесвика, Ротблума и Манна (Beswick, Rothblum, Mann, 1988). Однако Джонсон и Блум, Лэй (Lay, 1992) Мильграм, Баторий, Морер (Milgram, Batory, Mowrer, 1993) зафиксировали лишь незначительные связи либо их отсутствие. Майерс утверждает что, прокрастинация влияет на настроение, особенно помогает уклоняться от тревоги (Mayers, 1946). Тем не менее, эмпирические данные непоследовательны. Рот-

блум, Соломон и Мураками (Rothblum, Solomon, Murakami, 1986) обнаружили, что студенты-прокрастинаторы, как правило, больше озабочены учебой во время семестра, чем их сокурсники, у которых этот феномен не наблюдался. В то же время Лэй и Сильверман неоднократно тестировали уровень тревоги до и после экзамена, но не обнаружили никакой связи между ним и прокрастинацией (Lay, Silverman, 1996). Тайс и Баумайстер (Tice, Baumeister, 1997) исследовали состояние

тревоги в течение длительного временного промежутка – от начала семестра в колледже до его конца. Они обнаружили, что прокрастинаторы, как правило, испытывают меньше тревоги в начале семестра, но больше тревоги в конце семестра и больше тревоги в целом. Хэйкок, Маккарти и Скай обнаружили, что прокрастинаторы чаще испытывают состояние тревоги, хотя не уточнили, в какое время проводили свои исследования (Hauck, McCarthy, Skay, 1988).

Вейнер Локус рассматривает также локус контроля как одну из причин прокрастинации, так как он имеет отношение к производительности и мотивации (Weiner, 1979).

Существует класс исследований, направленных на выявление связей между самодисциплиной, саморегуляцией, добросовестностью и прокрастинацией. Некоторые авторы установили, что прокрастинация связана со способом распределения времени, постановкой целей, а также с более общими отчетами о самоконтроле и саморегуляции (Лэй, 1992; Лэй, Шоуэнбург, 1993; Тайс, Баумайстер, 1997). Согласно теории контроля за действием Куля (Kuhl, 1994a), прокрастинация является основным условием незавершенных намерений и ориентации на состояние.

Связь прокрастинации и мотивации является сравнительно новой областью исследований, привлекающей все большее внимание отечественных и зарубежных психологов. Очевидно, что мотивация, как интегральная характеристика личности, тесно связанная с де-

ятельностью человека, не может быть не связана с бездеятельностью и промедлением. В основном исследования этой области направлены изучение связи мотивации и академической прокрастинации, так как распространено мнение, что наибольшие проблемы прокрастинация вносит в учебную сферу.

Многие исследователи отмечают связь прокрастинации с понятием времени, начиная от причин прокрастинации, порожденных распределением наград и наказаний во времени, заканчивая личностными особенностями прокрастинаторов, такими как погруженность в воспоминания о прошлых достижениях и успехах и неспособность к планированию будущего. Е.А. Ипполитова, ссылаясь на опыт зарубежных и отечественных исследований, указывает, что поведение личности в настоящем, планы, цели, их достижение определяются особенностями ее психологического времени, целостной временной перспективы. Эта мысль продвигалась и такими исследователями как К.А. Абульханова-Славская, Р.А. Ахмеров, Т.Н. Березина, Е.И. Головаха, В.И. Ковалев, А.А. Кроник, В.Э. Чудновский, Ф. Зимбардо, К. Левин, Ж. Нюттен, Л. Франк (Ипполитова, 2013).

Особенно важно изучение прокрастинации в таких профессиональных сферах, где хроническое промедление может стоить карьеры. Ярким примером такой сферой является профессиональный спорт. Данный вопрос привлекает внимание, так как прокрастинация в жизни спортсмена может крайне негативно сказаться на его спортивных результатах. Спортсмен вынужден соблюдать четкий график тренировок, приемов пищи, сна и отдыха, иначе правильная подготовка, а, следовательно, и высокие результаты, становятся недостижимыми. Однако, спортсмен, склонный к прокрастинации, может стараться следовать жесткому графику, но испытывать при этом большой дискомфорт, тревожность, что также может привести, по нашему мнению, к снижению его результативности.

Необходимо также обратить внимание на различия в проявлениях прокрастинации и связанных с ней феноменов у спортсменов индивидуальных и командных видов спорта. В этих видах спорта наблюдается различная структура взаимодействия с тренером, сопер-

никами, разная степень ответственности конкретного спортсмена, разные цели, а также структура тренировочного процесса, что не может не сказаться на проявлении личностных и поведенческих особенностей у спортсменов. В команде происходит разделение ответственности между всеми членами команды, у каждого участника есть своя роль, свои задачи и цели в рамках общей деятельности. В команде спортсмены могут обсуждать между собой свои опасения по поводу предстоящей игры или матча, что может снизить ситуативную тревожность и помочь достичь оптимального функционального состояния. С другой стороны, наличие «братского плеча» может увеличить склонность к прокрастинации, так как ответственность за промедление в подготовке или во время матча лежит на всех членах команды, а не только на одном конкретном спортсмене.

Как и учебная деятельность, спорт высших достижений является процессом, протяженным во времени. Дети приходят в спорт с раннего возраста и продолжают заниматься им до юности и даже дольше. При этом время является важнейшим невосполнимым ресурсом. По мнению Е.А. Ипполитовой, неадекватность соотношения объективного и субъективного времени влияет на специфику реализации деятельности, в том числе, на ее качество и эффективность (Ипполитова, 2013). Спортсмены в своей деятельности часто могут сталкиваться с несоответствием объективных (заданных соревновательными графиками) и субъективных (личностных) временных оценок в подготовке к соревнованиям и в освоении новых приемов, что может проявляться в откладывании «на потом» актуальных задач. Особенно часто это несоответствие может проявляться у спортсменов командных видов спорта, где необходимо соотносить субъективное временное отношение не только с объективно заданным, но и с субъективными временными отношениями других членов команды.

По нашему мнению, особого внимания при изучении прокрастинации заслуживает такая область как спорт высших достижений. Постоянно сталкиваясь с большими физическими и психологическими нагрузками, спортсмен высокого уровня должен выработать такую стратегию поведения, которая по-

зволяет справиться со стоящими перед ним задачами. Однако неправильно выбранная стратегия может стоить ему карьеры. Мы считаем, что прокрастинация является одним из факторов, способным привести к ухудшению результата, вплоть до полного выключения из деятельности. Это обуславливает необходимость изучения феномена прокрастинации в спорте. Необходимо также изучить различия в проявлении прокрастинации у спортсменов индивидуальных и командных видов спорта, так как особенности построения тренировочного процесса, а также взаимодействия с тренером и соперниками могут сказаться на проявлении тех или иных личностных особенностей.

Спортсмены в своей деятельности часто могут сталкиваться с несоответствием объективных (заданных соревновательными графиками) и субъективных (личностных) временных оценок в подготовке к соревнованиям и в освоении новых приемов, что может проявляться в откладывании «на потом» актуальных задач

Целью нашего исследования было выявление и анализ особенностей прокрастинации у спортсменов индивидуальных и командных видов спорта, а также связи прокрастинации с такими личностными особенностями как мотивация к успеху, нейротизм, экстраверсия, личностная и ситуативная тревожность, контроль за действием при планировании, реализации и неудаче и временная перспектива.

В исследовании проводилось сравнение содержательных особенностей прокрастинации у спортсменов индивидуальных и командных видов спорта и людей, не относящихся к профессиональному спорту, а также поиск предикторов прокрастинации в группах испытуемых.

В качестве гипотез исследования были выдвинуты следующие предположения:

1. Спортсмены индивидуальных и командных видов спорта обладают более низким уровнем прокрастинации, чем лица, не занимающиеся спортом;
2. Спортсмены индивидуальных видов спорта обладают более низким уровнем прокрастинации, чем спортсмены командных видов спорта;
3. Прокрастинация у спортсменов индивидуальных и командных видов спорта прямо связана с такими личност-

ными особенностями как: нейротизм, экстраверсия, личностная тревожность, ситуативная тревожность, ориентация на гедонистическое, фаталистическое настоящее и негативное прошлое, ориентация на непродуктивные копинг-стратегии (избегание, прокрастинация, сверхбдительность) в ситуации принятия решений.

4. Прокрастинация у спортсменов индивидуальных и командных видов спорта обратно связана с такими личностными особенностями как: контроль за действиями при планировании, мотивация к успеху, контроль за действиями при реализации, контроль за действиями при неудачах, ориентация на будущее и позитивное прошлое, а так-

же продуктивный копинг (бдительность) в ситуации принятия решений.

5. Предикторами прокрастинации являются: ориентация на гедонистическое настоящее, фаталистическое настоящее, негативное прошлое, низкий уровень контроля за действием при реализации и планировании, прокрастинация и избегание как непродуктивные копинг-стратегии в ситуации принятия решения.

В исследовании приняли участие спортсмены индивидуальных и командных видов спорта (73 человека), а также лица, не имеющие отношение к профессиональному спорту – студенты (32 человека), всего 105 человек в возрасте от 14 до 29 лет, среди которых 48 женщин и 57 мужчин. Среди спортсменов 33 человека относятся к одиночным видам спорта, включающим в себя физическое противоборство с противником (бокс, тайский бокс, самбо, дзюдо, карате, кикбоксинг, вольная борьба, тэквондо) и 40 человек – к командным игровым видам спорта, включающим в себя командное противоборство с командой соперника (хоккей, футбол, волейбол).

Численное описание выборки с указанием среднего возраста респондентов представлено в таблице 1.

Вышеперечисленные виды спорта предъявляют высокие требования к вы-

носивости, решительности, быстроте реакции и переключаемости внимания спортсмена, что может привести к повы-

шению уровня ситуативной и личностной тревожности и нейротизма. Спецификой боевых и игровых видов спорта

Спецификой боевых и игровых видов спорта является большая неопределенность, так как в каждом поединке/игре исход зависит не только от внешних условий, предметной среды и подготовки спортсмена, но и от противника или противоборствующей команды. Спортсмен должен обрабатывать огромное количество стимулов в единицу времени, что по нашему мнению может приводить к повышенной утомляемости, снижению мотивации и, как следствие, повышению уровня прокрастинации

Род деятельности	Мужчины		Женщины		Общая выборка	
	Количество	Средний возраст	Количество	Средний возраст	Количество	Средний возраст
Индивидуальные виды спорта	21	18,3	12	20,82	33	19,19
Командные виды спорта	28	18,86	12	17,25	40	18,38
Студенты	8	21	24	21,3	32	21,25

Таблица 1. Описание выборки.

Occupation	Males		Females		General Sample	
	Quantity	Average Age	Quantity	Average Age	Quantity	Average Age
Individual Sport	21	18,3	12	20,82	33	19,19
Team Sport	28	18,86	12	17,25	40	18,38
Students	8	21	24	21,3	32	21,25

Table 1. Sample Description

Мето дика	Шкала (показатель)	Описание
Шкала общей прокрастинации Тукмана	Прокрастинация	Тенденция к откладыванию заданий
Шкала контроля за действием Куля	Контроль за действием при планировании	Способность субъекта в процессе инициации действия отвлекаться от неполноценных, конкурирующих намерений и другой нерелевантной, интерферирующей информации (Куль, 1994а).
	Контроль за действием при реализации	Способность субъекта пребывать в процессе реализации намерения необходимое время, удерживать в фокусе внимания актуальную интенцию, проявлять настойчивость (Куль, 1994а).
	Контроль за действием при неудаче	Способность субъекта иницировать процесс реализации намерения, несмотря на сопровождающие его трудности (Куль, 1994а).
Мельбурнский опросник принятия решений (МОПР)	Бдительность	Основная стилевая характеристика человека, как ЛПР (личности, принимающей решение), связана с когнитивной сложностью, потребностью в познании и толерантностью к неопределенности. Уточнение целей и задач решения, рассмотрение альтернатив, связанное с поиском информации, ассимиляцией ее «без предрассудков» и оценки перед выбором (Корнилова, 2013).
	Прокрастинация	Откладывание решения (Корнилова, 2013).
	Избегание	Избегание самостоятельного принятия решения, перекалывание ответственности и рационализация сомнительных альтернатив (Корнилова, 2013).
	Сверхбдительность	Неоправданное «метание» между разными альтернативами, импульсивное принятие решения, обещающее избавление от ситуации. В экстремальных формах – «паника» при выборе между альтернативами (Корнилова, 2013).
Опросник ременной перспективы Ф. Зимбардо (ZTRI)	Позитивное прошлое	Выражает степень принятия собственного прошлого, при котором любой опыт является опытом, способствующим развитию и приведшим к сегодняшнему состоянию
	Негативное прошлое	Выражает степень неприятия собственного прошлого, вызывающего отвращение, полного боли и разочарований (Zimbardo, 1999).
	Будущее	Выражает наличие у личности целей и планов на будущее (Zimbardo, 1999).
	Фаталистическое настоящее	Оно видится независимым от воли личности, изначально predetermined, а личность – подчиненной судьбе (Zimbardo, 1999).
	Гедонистическое настоящее	Настоящее видится оторванным от прошлого и будущего, единственная цель – наслаждение (Zimbardo, 1999).

Таблица 2. Методики исследования.

является большая неопределенность, так как в каждом поединке/игре исход зависит не только от внешних условий, предметной среды и подготовки спортсмена, но и от противника или противоборствующей команды. Спортсмен должен обрабатывать огромное количество стимулов в единицу времени, что по нашему мнению может приводить к повышенной утомляемости, снижению мотивации и, как следствие, повышению уровня прокрастинации.

В исследовании нами использовались следующие методики:

1. Шкала общей прокрастинации Тукмана в адаптации Т.Л. Крюковой (Крюкова, 2009). Данный опросник состоит из 35 предложений, заключающих в себе то или иное утверждение, с которым испытуемый выражает свое согласие или несогласие. Методика включает в себя 25 прямых и 10 реверсивных вопросов.
2. Шкала контроля за действием Куля, адаптация С.А. Шапкина (Шапкин, 1997). Используется для диагностики волевых процессов испытуемого. Опросник позволяет диагностировать процессы реализации намерения

Methods	Scale (Index)	Description
Tuckman Procrastination Scale	Procrastination	Tendency to procrastinate
Kuhl Action Control Scale	Decision-related action orientation	The ability of the subject to be distracted from defective competing intentions and other irrelevant, interfering information (Kuhl, 1994a).
	Performance related action orientation	The ability of the subject to implement the necessary intention to keep the focus of current intention, to persevere (Kuhl, 1994a).
	Failure-related action orientation	The ability of the subject to initiate the process of implementation intentions despite difficulties (Kuhl, 1994a).
Melbourne Decision Making Questionnaire (MDMQ)	Vigilance	The main stylistic characteristics of a person as the decision-maker is associated with cognitive complexity, the need for knowledge and tolerance of uncertainty. Goals and objectives of the decision, consideration of alternatives associated with the search for information, assimilating "without prejudice" and evaluation of the choice (Kornilova, 2013).
	Procrastination	Procrastination (Kornilova, 2013).
	Avoidance	Avoidance of independent decision-making, shifting responsibility and rationalization of dubious alternatives (Kornilova, 2013).
	Hypervigilance	Unjustified hesitating between different alternatives, impulsive decision, promising to get rid of the situation. In extreme forms panic when choosing between alternatives (Kornilova, 2013).
Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI)	Past-Positive	Expresses the degree of acceptance of his/her own past in which every experience is experience, contributing to the development and led to the current state.
	Past-Negative	Expresses the degree of rejection of the past, disgusting, full of pain and frustration (Zimbardo, 1999).
	Future	Expresses individual goals and plans for the future (Zimbardo, 1999).
	Future-Fatalistic	It is seen as independent of the will of the individual, initially predefined and personality, i.e. the fate of the slave (Zimbardo, 1999).
		The present seems detached from the past and the future, the only o is pleasure (Zimbardo, 1999).

Table 2. Methods of Research

в действии. В основе методики лежит теория контроля за действием Ю. Куля (Куль, 1994а). Методика позволяет оценить эффективность функционирования стратегий волевого контроля.

3. Мельбурнский опросник принятия решений (МОПР), адаптация Т.В. Корниловой (Корнилова, 2013). Он позволяет диагностировать четыре свойства, трактуемые как продуктивные (бдительность) и непродуктивные копинг-стратегии (избегание, прокрастинация и сверхбдительность) в ситуации принятия решения. Опросник включает в себя 22 утверждения, согласие с которыми оценивается испытуемым по трехбалльной шкале.

4. Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI), адаптация А.Сырцовой, Е.Т. Соколовой, О.В. Митиной (Сырцова, 2008). Данная методика направлена на диагностику системы отношений личности к временному континууму. Опросник состоит из 56 утверждений, согласие с которыми испытуемый оценивает по пятибалльной шкале Лайкерта. Показатели выбранных методик представлены в таблице 2.

Как говорилось выше, респондентами выступили спортсмены индивидуаль-

ных, командных видов спорта и студенты, не имеющие отношения к профессиональному спорту. Вся исследуемая выборка была разделена на две группы по принципу принадлежности к профессиональному спорту, в свою очередь, группа спортсменов была разделена на две группы по принципу принадлежности к командным или индивидуальным видам спорта. Респондентам было предложено 4 опросника в следующей последовательности: Шкала общей прокрастинации Тукмана, шкала контроля за действием Куля, Мельбурнский опросник принятия решений и опросник временной перспективы Зимбардо.

Мы провели подсчет описательной статистики на общей выборке (105 человек), из которого следует, что спортсмены командных видов спорта демонстрируют сравнительно высокий уровень прокрастинации, что подчеркивает необходимость изучения феномена прокрастинации в спорте. Спортсмены индивидуальных видов спорта показывают средний уровень прокрастинации, это соотносится с нашей гипотезой (таблица 3).

У спортсменов индивидуальных видов спорта результаты по шкале «контроль за действием при неудаче» не вы-

ходят за рамки средних значений, что говорит о том, что спортсмены обладают промежуточным положением между ориентацией на состояние и противоположной диспозицией (ориентацией на действие). По шкалам «контроль за действием при реализации» и «контроль за действием при планировании» спортсмены индивидуальных видов спорта показали более высокие значения, что говорит о способности респондентов абстрагироваться от конкурирующих намерений и находиться в процессе реализации намерения необходимое время.

Спортсмены командных видов спорта демонстрируют средние значения по шкалам «контроль за действием при неудаче» и «контроль за действием при планировании», однако высокие значения по шкале «контроль за действием при реализации». Это свидетельствует о том, что у данных спортсменов лучше всего развита способность к проявлению настойчивости при реализации намерения и умение отвлекаться от конкурирующих намерений.

Студенты показали сравнительно высокие значения показателей по шкале прокрастинации и по шкале «контроль за действием при реализации», что демонстрирует нам склонность студентов

Шкалы	Спортсмены индивидуальных видов спорта (n=33)	Спортсмены командных видов спорта (n=40)	Студенты (n=32)
	Среднее (ст. откл.)	Среднее (ст. откл.)	Среднее (ст. откл.)
Прокрастинация	89,48 (12,17)	97,13 (9,33)	96,06 (16,90)
КД (Н)	5,15 (2,46)	4,72 (1,83)	5,81 (2,70)
КД (П)	6,24 (2,36)	5,27 (2,66)	5,53 (2,57)
КД (Р)	7,36 (2,50)	6,88 (3,25)	7,90 (2,88)
Бдительность	14,97 (2,11)	14,33 (2,15)	14,94 (3,20)
Прокрастинация	10,66 (2,01)	10,15 (3,66)	10,31 (3,81)
Избегание	8 (1,80)	8,02 (2,08)	9,03 (3,45)
Сверхбдительность	8,81 (1,78)	8,95 (2,29)	9 (2,82)
Позитивное прошлое	2,53 (0,67)	3,06 (0,74)	2,42 (0,74)
Негативное прошлое	3,42 (0,60)	3,48 (0,81)	3,09 (0,94)
Будущее	3,68 (0,50)	3,48 (0,78)	3,60 (0,68)
Фаталистическое настоящее	3,97 (0,52)	3,41 (0,88)	3,67 (0,68)
Гедонистическое настоящее	2,91 (0,76)	2,76 (0,61)	2,75 (0,80)

Таблица 3. Описательная статистика общей выборки по всем предложенным методикам.

Scales	Individual Athletes (n=33)	Team Athletes (n=40)	Students (n=32)
	Mean (mean deviation)	Mean (mean deviation)	Mean (mean deviation)
Procrastination	89,48 (12,17)	97,13 (9,33)	96,06 (16,90)
Failure-related action orientation	5,15 (2,46)	4,72 (1,83)	5,81 (2,70)
Decision-related action orientation	6,24 (2,36)	5,27 (2,66)	5,53 (2,57)
Performance related action orientation	7,36 (2,50)	6,88 (3,25)	7,90 (2,88)
Vigilance	14,97 (2,11)	14,33 (2,15)	14,94 (3,20)
Procrastination	10,66 (2,01)	10,15 (3,66)	10,31 (3,81)
Avoidance	8 (1,80)	8,02 (2,08)	9,03 (3,45)
Hypervigilance	8,81 (1,78)	8,95 (2,29)	9 (2,82)
Past-Positive	2,53 (0,67)	3,06 (0,74)	2,42 (0,74)
Past-Negative	3,42 (0,60)	3,48 (0,81)	3,09 (0,94)
Future	3,68 (0,50)	3,48 (0,78)	3,60 (0,68)
Future-Fatalistic	3,97 (0,52)	3,41 (0,88)	3,67 (0,68)
Present-Hedonistic	2,91 (0,76)	2,76 (0,61)	2,75 (0,80)

Table 3. Descriptive statistics of the total sample according to the methods proposed.

откладывать дела «на потом» и их высокую способность игнорировать конкурирующие намерения в процессе реализации действия.

Все три исследуемые группы продемонстрировали более высокие значения по шкале МОПР «бдительность», нежели по шкалами «прокрастинация», «избегание» и «сверхбдительность». Это говорит о том, что в ситуации принятия решения респонденты склонны опираться на продуктивный копинг и взвешивать альтернативы, не перекадывая ответственность на других и не избегая принятия решений. По шкалам опросника ZPTI у всех трех групп респондентов были выявлены сравнительно высокий уровень

ориентации на будущее и фаталистическое настоящее, более высокие значения по шкале «негативное прошлое» по сравнению со значением по шкале «позитивное прошлое» и средние значения по шкале «гедонистическое настоящее», что свидетельствует о несбалансированности временной перспективы. Это может объясняться высоким уровнем напряжения, которое испытывают спортсмены и студенты в своей деятельности, а также озабоченностью собственным будущим при заданных извне жестких требованиях и условиях деятельности.

Для выявления значимых различий по шкалам опросников между спортсменами и студентами, а также между спор-

тсменами индивидуальных и командных видов спорта мы провели сравнительный анализ.

Сравнительный анализ, проведенный на группах спортсменов (n=73) и студентов (n=32) при помощи непараметрического критерия Манна-Уитни показал, что достоверные отличия в группах по уровню прокрастинации, измеренной посредством опросника Тукмана, отсутствуют, что противоречит нашей гипотезе. Также не обнаружено достоверных отличий по ряду других свойств, а именно: контролю за действием при неудаче, реализации и планировании, бдительности, избеганию, прокрастинации (как копинга), сверхбдительности. Между группами найдены различия по одной из шкал опросника временной перспективы Зимбардо – «негативное прошлое». Спортсмены более склонны, по сравнению со студентами, воспринимать свое прошлое как негативное. Вероятно, это связано с большими физическими и эмоциональными нагрузками, которые испытывает спортсмен. Сравнительный анализ, проведенный на группах спортсменов индивидуальных видов спорта (n=33) и спортсменов командных видов спорта (n=40) показал различия между данными группами по показателям прокрастинации, позитивного и негативного прошлого (табл. 4).

Спортсмены командных видов спорта показывают более высокие значения прокрастинации, чем спортсмены индивидуальных видов спорта, что соответствует нашей гипотезе, более склонны оценивать свое прошлое как негативное и показывают меньшее значение по шкале «позитивное прошлое». Вероятно, это может быть связано с тем, что у спортсменов командных видов спорта происходит разделение ответственности за поражение или победу между всеми членами команды, в то время как у спортсменов индивидуальных видов спорта вся ответственность лежит на конкретном спортсмене. Возможно, осознание того, что победа или поражение – это результат совместных усилий многих игроков, может приводить к тому, что спортсмен менее ответственно подходит к жесткому соблюдению временных рамок, так как усилиями других членов команды промедление одного спортсмена может остаться незамеченным и не принести урон команде. Однако, с другой стороны, это может

стать причиной излишнего фатализма и ощущения, что от него мало что зависит, а также ориентации на негативное прошлое и обесценивание своих прошлых заслуг.

Эти данные дали основание для проведения корреляционного анализа и выявления качественных различий между группами.

На этом этапе был проведен корреляционный анализ между прокрастинацией и различными шкалами ZTRI, МОПР и опросника Куля на трех группах: спортсменов индивидуальных видов спорта, спортсменов командных видов спорта и студентов.

Из полученных данных следует, что у спортсменов индивидуальных видов спорта ($n=33$) прокрастинация связана с личностными особенностями избирательно. Прокрастинация прямо связана с избеганием в ситуации принятия решения ($r = 0,469$, при $p \leq 0,01$), со шкалой «негативное прошлое» ($r = 0,500$, при $p \leq 0,01$) и с прокрастинацией при принятии решения ($r = 0,385$, при $p \leq 0,05$) и обратно связана со шкалой «позитивное прошлое» ($r = -0,361$, при $p \leq 0,01$). Это может объясняться тем, что у спортсменов индивидуальных видов спорта присутствует паттерн поведения, проявляющийся в откладывании заданий и решений и попытках переложить ответственность на других. Это может объясняться чрезмерно высокой степенью ответственности, лежащей на плечах конкретного спортсмена, что может стать причиной повышенной тревожности, «застреваний» на прошлых неудачах и страха перед оценением другими людьми.

У спортсменов командных видов спорта прослеживаются следующие корреляции: прокрастинация прямо связана с избеганием в ситуации принятия решения ($r = 0,435$, при $p \leq 0,01$) и со шкалой «негативное прошлое» ($r = 0,748$, при $p \leq 0,01$) и обратно связана с контролем за действием при планировании ($r = -0,390$, при $p \leq 0,05$) и контролем за действием при реализации ($r = -0,667$, при $p \leq 0,01$). У спортсменов командных видов спорта, в отличие от спортсменов индивидуальных видов спорта, прокрастинация связана с контролем за действием при планировании и контролем за действием при реализации. Это может объясняться необходимостью согласования своих планов и их реализации

Шкалы	Спортсмены индивидуальных ВС	Спортсмены командных ВС	Уровень значимости (P)
	Среднее (ст. откл.)	Среднее (ст. откл.)	
Прокрастинация	89,48 (12,17)	97,13 (9,33)	0,003
КД (Н)	5,15 (2,46)	4,72 (1,83)	0,446
КД (П)	6,24 (2,36)	5,27 (2,66)	0,115
КД (Р)	7,36 (2,50)	6,88 (3,25)	0,522
Бдительность	14,97 (2,11)	14,33 (2,15)	0,170
Избегание	10,66 (2,01)	10,15 (3,66)	0,680
Прокрастинация (копинг)	8 (1,80)	8,02 (2,08)	0,915
Сверхбдительность	8,81 (1,78)	8,95 (2,29)	0,653
Негативное прошлое	2,53 (0,67)	3,06 (0,74)	0,010
Гедонистическое настоящее	3,42 (0,60)	3,48 (0,81)	0,516
Будущее	3,68 (0,50)	3,48 (0,78)	0,216
Позитивное прошлое	3,97 (0,52)	3,41 (0,88)	0,002
Фаталистическое настоящее	2,91 (0,76)	2,76 (0,61)	0,602

Таблица 4. Достоверность различий между спортсменами индивидуальных и командных видов спорта по различным шкалам предложенных опросников (критерий Манна-Уитни).

Scales	Individual Athletes	Team Athletes	Уровень значимости (P)
	Mean (mean deviation)	Mean (mean deviation)	
Procrastination	89,48 (12,17)	97,13 (9,33)	0,003
Failure-related action orientation	5,15 (2,46)	4,72 (1,83)	0,446
Decision-related action orientation	6,24 (2,36)	5,27 (2,66)	0,115
Performance related action orientation	7,36 (2,50)	6,88 (3,25)	0,522
Vigilance	14,97 (2,11)	14,33 (2,15)	0,170
Avoidance	10,66 (2,01)	10,15 (3,66)	0,680
Procrastination (coping)	8 (1,80)	8,02 (2,08)	0,915
Hypervigilance	8,81 (1,78)	8,95 (2,29)	0,653
Past-Negative	2,53 (0,67)	3,06 (0,74)	0,010
Present-Hedonistic	3,42 (0,60)	3,48 (0,81)	0,516
Future	3,68 (0,50)	3,48 (0,78)	0,216
Past-Positive	3,97 (0,52)	3,41 (0,88)	0,002
Future-Fatalistic	2,91 (0,76)	2,76 (0,61)	0,602

Table 4. The significance of differences between individual athletes and team athletes at the scales of the proposed questionnaires (Mann-Whitney test).

с другими членами команды, что может влиять на изменение временных рамок выполнения заданий.

У студентов, не связанных с профессиональным спортом, наблюдаются другие значимые корреляции с прокрастинацией. У них прокрастинация прямо связана с избеганием в ситуации принятия решения ($r = 0,531$, при $p \leq 0,01$), со шкалой «негативное прошлое» ($r = 0,377$, при $p \leq 0,05$) и со шкалой «фаталистическое настоящее» ($r = 0,395$, при $p \leq 0,05$) и обратно связана с контролем за действием при реализации ($r = -0,482$, при $p \leq 0,01$) и бдительностью как продуктивным копингом в ситуации при-

нятия решения ($r = -0,360$, при $p \leq 0,05$). Такие результаты могут объясняться строгими условиями деятельности, навязанными извне, жесткими критериями успешности и временными рамками. Студент может ощущать невозможность своего влияния на ситуацию, что приводит к повышению уровня фатализма и нежеланию выполнять задания. Однако, если студент в ситуации принятия решения опирается на продуктивный копинг – бдительность, что говорит о его способности взвешивать альтернативы и о готовности к принятию решений в любой момент, это значительно снижает уровень прокрастинации.

Различия во взаимосвязях между прокрастинацией и личностными особенностями на выборках спортсменов индивидуальных, командных видов спорта и студентов стали отправной точкой при построении гипотез о различиях в наборе предикторов и степени их влияния на прокрастинацию, а также в проведении на основании полученных данных регрессионного анализа.

Регрессионный анализ, проведенный в группе спортсменов индивидуальных видов спорта, показал, что значимым предиктором прокрастинации в данной группе респондентов (модель: $r=0,002$, скорректированный $R^2 = 0,368$) является ориентация на негативное прошлое (при $r = 0,007$, $\beta = 0,495$). Это может объясняться тем, что спортсмены испытывают огромные физические и эмоциональные нагрузки, что приводит к переутомлению. Постоянное сравнение своих результатов с результатами конкурентов может приводить к обесцениванию собственных достижений. Часто для спортсмена второе место субъектив-

реализации (при $r = 0,003$, $\beta = -0,465$). Ориентация на негативное прошлое может объясняться тем, что эти спортсмены вынуждены большую часть времени тренироваться с другими членами команды и, помимо сравнения собственных результатов с результатами соперников, спортсмен все время сравнивает себя со спортсменами своей команды. Это может приводить к снижению самооценки, так как темп освоения различных компонентов деятельности у всех людей разный. Спортсмен, который отстает в освоении новых элементов, может негативно оценивать свою деятельность, что может вызвать желание отложить задание или вовсе отказаться от него. Спортсмен же, обладающий более высокой скоростью освоения новых элементов, может ощущать давление, вызванное высокими ожиданиями со стороны тренера или других членов команды, и боязнь не оправдать высокие ожидания, что, в свою очередь, может стать причиной прокрастинации. Для спортсменов командных видов спорта также значимым предикто-

дывания ее на других людей, что может быть вызвано чрезмерным фатализмом и жесткими требованиями.

Проанализировав результаты регрессионного анализа, мы считаем, что различия в наборе значимых предикторов в группах испытуемых объясняется спецификой структуры тренировочного процесса и взаимодействия с тренером и другими спортсменами.

Различия в содержательной структуре феномена прокрастинации, а также в наборе предикторов данного феномена у спортсменов индивидуальных и командных видов спорта, а также отмеченный в исследовании высокий уровень проявления прокрастинации в рассматриваемой выборке ставит вопрос о высокой актуальности и практической значимости изучения прокрастинации в спорте высших достижений. По нашему мнению, прокрастинация является фактором, который может значительно снизить результативность спортсмена, поэтому необходимо особо подчеркнуть важность выявления и анализа предикторов подобного поведения и способы его профилактики.

Важным результатом нашего исследования является выявление отсутствия связи между мотивацией к успеху и выраженностью прокрастинации. Это значит, что даже при высокой мотивации к успеху спортсмен может иметь склонность к откладыванию дел «на потом». То есть, повышение уровня мотивации спортсмена может не влиять на уровень прокрастинации.

Чем большую склонность к прокрастинации имеют спортсмены, тем более выражены у них личностная тревожность и нейротизм и тем меньшим контролем за действием при планировании они обладают. Поэтому для профилактики прокрастинации необходимо уменьшать негативные состояния спортсмена, снижать уровень личностной тревожности и нейротизма и повышать способность к планированию. Для решения этой задачи надо обучить спортсменов методам психологической саморегуляции, методам целеполагания. Их освоение позволит оптимизировать функциональное состояние спортсмена и сформировать способность к долгосрочному планированию своей деятельности, что, в свою очередь, должно способствовать снижению желания откладывать дела.

Различия во взаимосвязях между прокрастинацией и личностными особенностями на выборках спортсменов индивидуальных, командных видов спорта и студентов стали отправной точкой при построении гипотез о различиях в наборе предикторов и степени их влияния на прокрастинацию, а также в проведении на основании полученных данных регрессионного анализа

но воспринимается как поражение. Это может вызывать нежелание спортсмена продолжать свою деятельность, а иногда и может стать причиной полного отказа от профессии. Это обуславливает необходимость дальнейшего изучения предикторов прокрастинации и способов борьбы с данным феноменом.

ром прокрастинации является контроль за действием при планировании и реализации, что может объясняться необходимостью согласования своих действий, планов и их реализации с другими членами команды.

Регрессионный анализ, проведенный в группе студентов, не имеющих отно-

Важным результатом нашего исследования является выявление отсутствия связи между мотивацией к успеху и выраженностью прокрастинации. Это значит, что даже при высокой мотивации к успеху спортсмен может иметь склонность к откладыванию дел «на потом»

Другие результаты показал регрессионный анализ, проведенный в группе спортсменов командных видов спорта. Для данной группы испытуемых значимыми предикторами (модель: $r=0,000$, скорректированный $R^2 = 0,581$) являются ориентация на негативное прошлое (при $r = 0,003$, $\beta = 0,463$), контроль за действием при планировании ($r = 0,05$, $\beta = -0,220$) и контроль за действием при

шения к профессиональному спорту, показал, что для данной группы респондентов значимым предиктором (модель: $r=0,000$, скорректированный $R^2 = 0,469$) является избегание как непродуктивный coping в ситуации принятия решения (при $r = 0,018$, $\beta = 0,372$). Это может объясняться желанием снизить уровень тревоги и стресса посредством снятия с себя части ответственности и перекла-

Как уже упоминалось выше, спортсмены командных видов спорта более склонны к прокрастинации, чем спортсмены индивидуальных видов спорта, а также более ориентированы на негативное прошлое. Для профилактики прокрастинации у них необходимо повышать чувство личной ответственности за результат команды. Это можно сделать благодаря четкому разделению обязанностей между всеми игроками. Когда каждый спортсмен будет видеть результат своих действий и ошибок и их влияние на результат команды, это может увеличить чувство ответственности и снизить желание отложить дела или задания. Также четкое осознание своего вклада в победы команды могут снизить склонность к фатализму и обесцениванию своих достижений и, как следствие, уменьшить ориентацию на негативное прошлое.

Спортсмены индивидуальных видов спорта, согласно полученным данным, обладают паттерном поведения, проявляющимся в сознательном откладывании заданий и принятия решений, для них свойственно избегание как непродуктивная копинг-стратегия в ситуации принятия решений. Значимым предиктором прокрастинации в данной группе респондентов является ориентация на негативное прошлое. Повышение ориентации спортсмена на позитивное прошлое, умение извлекать опыт из прошлых ситуаций может значительно снизить уровень прокрастинации.

Выводы.

Спортсмены командных видов спорта склонны к прокрастинации в большей степени, по сравнению со спортсменами индивидуальных видов спорта, а также более склонны оценивать свое прошлое как негативное, что может объясняться разделением ответственности между всеми членами команды, а также обесцениванием своих собственных заслуг и успехов. Спортсмены командных видов спорта демонстрируют высокие значения по шкале «контроль за действием при реализации», что говорит о способности респондентов к удерживанию актуальной интенции.

Спортсмены индивидуальных и командных видов спорта обладают сравнительно высоким уровнем прокрастинации, что противоречит выдвинутой

нами гипотезе и доказывает необходимость дальнейшего изучения феномена прокрастинации в спорте.

У спортсменов командных и индивидуальных видов спорта проявляется несбалансированность временной перспективы с уклоном в фаталистическое настоящее и негативное прошлое, что может объясняться высокими требованиями и напряжением, переживаемым спортсменами во время подготовки к соревнованиям.

Спортсмены командных видов спорта склонны к прокрастинации в большей степени, по сравнению со спортсменами индивидуальных видов спорта, а также более склонны оценивать свое прошлое как негативное, что может объясняться разделением ответственности между всеми членами команды, а также обесцениванием своих собственных заслуг и успехов

Спортсмены индивидуальных и командных видов спорта склонны опираться на продуктивный копинг («бдительность») в ситуации принятия решения, что говорит о способности спортсменов выбирать лучшую альтернативу и самостоятельно принимать решения.

Корреляционный анализ данных показал содержательные различия прокрастинации у исследуемых групп респондентов, вызванные различной спецификой деятельности.

У спортсменов индивидуальных видов спорта прокрастинация прямо связана с избеганием и прокрастинацией в ситуации принятия решения, со шкалой «негативное прошлое» и обратно связана со шкалой «позитивное прошлое», что означает склонность к проявлению паттерна поведения, характеризующегося откладыванием дел и решений и избеганием ответственности, что в свою очередь может приводить к обесцениванию своих достижений и «застреванию» на прошлых ошибках.

У спортсменов командных видов спорта прокрастинация прямо связана с избеганием в ситуации принятия решения и со шкалой «негативное прошлое» и обратно связана с контролем за действием при планировании и контролем за действием при реализации. Полученные результаты свидетельствуют о том, что необходимость постоянного согласования своего темпа деятельности, планов и их реализации с другими членами команды может сказываться на повышении уровня прокрастинации

и избегания в ситуации принятия решений, что также влияет на оценку спортсменом своего прошлого как негативного.

У студентов, не связанных с профессиональным спортом, прокрастинация прямо связана с избеганием в ситуации принятия решения, со шкалой «негативное прошлое» и со шкалой «фаталистическое настоящее» и обратно связана с контролем за действием при реализации и бдительностью как продуктивным

копингом в ситуации принятия решения. Это может объясняться тем, что жесткие временные рамки и условия деятельности студента, навязанные извне, приводят к чрезмерному фатализму и обесцениванию своих достижений. Бдительность же, как продуктивный копинг, помогающий принимать взвешенные решения, и способность находиться в процессе реализации намерения необходимое время являются теми факторами, которые способствуют снижению прокрастинации.

Существуют различия в наборе предикторов прокрастинации у трех групп испытуемых. У спортсменов индивидуальных видов спорта значимым предиктором является ориентация на негативное прошлое, что может быть вызвано высоким уровнем эмоционального и физического напряжения и обесцениванием собственных результатов по сравнению с результатами других спортсменов. У спортсменов командных видов спорта значимыми предикторами являются ориентация на негативное прошлое, контроль за действием при планировании и контроль за действием при реализации, что также может быть объяснено высоким уровнем напряжения, а также необходимостью соотношения своих действий с действиями других членов команды. У студентов значимым предиктором является избегание как непродуктивный копинг в ситуации принятия решения, что может быть вызвано желанием снизить уровень личной ответственности за счет перекалывания ее на других людей, а также излишне высоким уровнем фатализма.

В спорте высших достижений спортсмен регулярно сталкивается с жесткими временными рамками, серьезным напряжением, вызванным большими нагрузками и оценением результата и процесса деятельности по сравнению с другими спортсменами. Все это сказывается на продуктивности деятельности спортсмена и может вызывать

прокрастинацию, которая негативно сказывается на результатах и самооценке спортсмена. Высокий уровень прокрастинации, тенденция к откладыванию как решений, так и заданий, ставит перед психологами серьезную задачу – снижение уровня прокрастинации как фактора, препятствующего успешности спортсмена и поиск предикторов

и причин данного поведения, поскольку подобные деструктивные формы поведения могут оказывать негативное влияние не только на процесс спортивной карьеры спортсмена, но и на всю его дальнейшую жизнь.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-06-00567

Литература:

- Большой психологический словарь / под ред. Б.Т. Мещерякова, В.П. Зинченко. Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
- Варваричева Я.И. Психологические механизмы феномена лени / Я.И. Варваричева // Материалы докладов XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – Москва :Издательский центр факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007.
- Варваричева Я.И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования / Я.И. Варваричева // Вопросы психологии. – 2010. – № 3.
- Гесиод. Теогония. Труды и дни. Щит Геракла / Гесиод. – Москва, 2001.
- Ильин Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень / Е.П. Ильин. – Москва : Питер, 2011.
- Ипполитова Е.А. Особенности временной перспективы студентов с высоким уровнем учебной прокрастинации / Е. А. Ипполитова // Молодой ученый. – 2013. – № 11.
- Ковылин В.С. Теоретические основы изучения феномена прокрастинации / В.С. Ковылин // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2013. – № 2.
- Корнилова Т.В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6. – № 31. – С. 4.
- Посохова С.Т. Лень: психологическое содержание и проявления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. –2011. – № 2.
- Практикум по психологии состояний : учеб. пособие / под ред. проф. О.А. Прохорова. – Санкт-Петербург : Речь, 2004.
- Сырцова А. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо / А. Сырцова, Е.Т. Соколова, О.В. Митина // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 3. – С. 101-109.
- Тащилина Е.А. Исследование прокрастинации и перфекционизма у студентов университета различных направлений подготовки : диссертация магистра психологии. – Екатеринбург: Уральский Федеральный Университет им. Б.Н. Ельцина, 2014.
- Фьоре Н. Легкий способ перестать откладывать дела на потом. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения / Х. Хекхаузен. – Санкт-Петербург : Речь, 2001.
- Шапкин С.А. Экспериментальное изучение волевых процессов / С.А. Шапкин. – Москва, 1997.
- Beswick G., Rothblum E., Mann L. Psychological antecedents of student procrastination // Australian Psychologist. – 1988. – 23. – 207-217.
- Burka J.B., Yuen L.M. Procrastination: Why you do it, what to do about it, Reading, M.A. Addison-Wesley, 2008.
- Costa P.T.J., McCrae R.R., Dye D.A. Facet scales for agreeableness and conscientiousness: a revision of the NEO personality inventory // Personality and Individual Differences. 1991. – 12. – 887-898.
- Ellis A., Knaus W.J. Overcoming procrastination. – N.Y.: Signet Books, 1997.
- Ferrari J., Emmons R. Procrastination as revenge: do people report using delays as a strategy for vengeance. – Psychological Science– 1994. – vol 17. – No. 4.
- Ferrari J.R., Johnson J.L., Mc Cown W.G. Procrastination and task avoidance: theory, research and treatment. – N.Y.: Plenum Press, 1995.
- Ferrari J. Psychometric validation of two procrastination inventories for adults: Arousal and avoidance measures // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. – 1992. – 14. – 97-110.
- Haycock L., McCarthy P., Skay C. Procrastination in college students: The role of self-e cacy and anxiety // Journal of Counseling & Development. – 1988. – 76. – 317-324.
- Hill M., Hill D., Chabot A., Barrall J. A survey of college faculty and student procrastination // College Student Personnel Journal. – 1978. – 12. – 256-262.
- Kanfer F.H., Phillips J. Learning Foundations of Behavior Therapy. – Wiley 1970.
- Kuhl J. A theory of action and state orientations // J. Kuhl & J. Beckmann (Eds.), Volition and personality: Action versus state orientation. – Toronto: Hogrefe & Huber, 1994a. – pp. 9-46.
- Lay C. At last, my research article on procrastination // Journal of Research in Personality. – 1986. – 20. – 474-495.
- Lay C. Trait procrastination and the perception of person-task characteristics // Journal of Social Behavior and Personality. – 1992. – 7. – 483-494.
- Lay C., Schouwenburg H. Trait procrastination, time management, and academic behavior // Journal of Social Behavior and Personality. 1993. – 8. – 647-662.
- Lay C., Silverman S. Trait procrastination, anxiety, and dilatory behavior // Personality and Individual Differences. – 1996. – 21. – 61-67.
- Mayers A. Anxiety and the group // Journal of Nervous and Mental Disease. – 1946. – 103. – 130-136.

- McCown W., Petzel T., Rupert P. Personality correlates and behaviors of chronic procrastinators // *Personality and Individual Differences*. – 1987. – 11. – 71-79.
- Milgram N.A., Batory G., Mowrer D. Correlates of academic procrastination // *J.of School Psychol.* – 1993. – V. 31.
- Morris E., Surber C., Bijou S. Self-versus instructor-pacing: Achievement, evaluations, and retention // *Journal of Educational Psychology*. 1978. – 70. – 224-230.
- Nguyen B., Steel P., Ferrari J.R. Procrastination's Impact in the Workplace and the Workplace's Impact on Procrastination // *International Journal of Selection and Assessment*. – 2013. – V. 21. – N. 4.
- Pychyl T.A. et al. Five days of emotion // *J. of Soc. Behav. and Personality*. – 2000. –V. 15. – N 5.
- Rothblum E., Solomon L., Murakami J. Affective, cognitive, and behavioral differences between high and low procrastinators // *Journal of Counseling Psychology*. 1986. – 33. – 387-394.
- Rubin T.I. *Compassion and Self-Hate: An Alternative to Despair* Publisher: Touchstone; 1st Touchstone edition, 1998.
- Senecal C., Lavoie K., Koestner R. Trait and situational factors in procrastination: An interactional model // *J. of Soc. Behav. And Personality*. – 1997. – V. 12. – N. 4.
- Solomon L., Rothblum E. Academic procrastination: Frequency and cognitive-behavioral correlates // *Journal of Counseling Psychology*. – 1984. – N. 31 (4). – 503-509.
- Specter M.H., Ferrari J.R. Time orientations of procrastinators: Focusing on the past, present, or future // *J. of Soc. Behav. and Personality*. – 2000. – V. 15. – N 5.
- Tice D., Baumeister R. Longitudinal study of procrastination, performance, stress, and health: The costs and benefits of dawdling // *Psychological Science*. – 1997. – 8. – 454-458.
- Wartley D., Witt R. *The Joy of Working: The 30-Day System to Success, Wealth, and Happiness on the Job*, 1995.
- Weiner B. A theory of motivation for some classroom experiences // *Journal of Educational Psychology*. 1979. – 71. – 3-25.
- Wesley J. Effects of ability, high school achievement, and procrastinatory behavior on college performance // *Educational and Psychological Measurement*. – 1994. – 54. – 404-408.
- Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – № 77.

References:

- Beswick, G., Rothblum, E., & Mann, L. (1988) Psychological antecedents of student procrastination. *Australian Psychologist*. 23, 207-217.
- Burka, J.B., Yuen, L.M. (2008) *Procrastination: Why you do it, what to do about it*, Reading, M.A. Addison-Wesley.
- Costa, P.T.J., McCrae, R.R., & Dye, D.A. (1991) Facet scales for agreeableness and conscientiousness: a revision of the NEO personality inventory. *Personality and Individual Differences*. 12, 887-898.
- Ellis, A., & Knaus, W.J. (1997) *Overcoming procrastination*. N.Y., Signet Books.
- Ferrari, J., & Emmons, R. (1994) Procrastination as revenge: do people report using delays as a strategy for vengeance. *Psychological Science*, Vol. 17, 4.
- Ferrari, J.R., Johnson, J.L., & Mc Cown, W.G. (1995) *Procrastination and task avoidance: theory, research and treatment*. N.Y., Plenum Press.
- Ferrari, J. (1992) Psychometric validation of two procrastination inventories for adults: Arousal and avoidance measures. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 14, 97-110.
- Fiore, N. (2013) *Legkij sposob perestat' otkladyvat' dela na potom [The Now Habit: A Strategic Program for Overcoming Procrastination and Enjoying Guilt-Free Play]*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber.
- Haycock, L., McCarthy, P., & Skay, C. (1988) Procrastination in college students: The role of self-efficacy and anxiety. *Journal of Counseling & Development*. 76, 317-324.
- Hesiod (2001) *Teogoniya. Trudy i dni. Shhit Gerakla [Theogony. Works and Days. Shield of Heracles]*. Moscow.
- Hekhauzen H. (2001) *Psikhologiya motivatsii dostizheniya [Psychology of motivation achievement]*. St. Petersburg, Rech'.
- Hill, M., Hill, D., Chabot, A., & Barrall, J. (1978) A survey of college faculty and student procrastination. *College Student Personnel Journal*. 12, 256-262.
- Il'yin, E.P. (2011) *Rabota i lichnost'. Trudogolizm, perfektsionizm, len' [The work and personality. Workaholism, perfectionism, laziness]*. Moscow, Piter.
- Ippolitov, E.A. (2013) *Rabota i lichnost'. Trudogolizm, perfektsionizm, len' [Features temporal perspective of students with high academic procrastination]*. *Molodoy uchenyy [Young scientist]*. 11.
- Kanfer, F.H., & Phillips, J. (1970) *Learning Foundations of Behavior Therapy*. Wiley.
- Kovylin, V.S. (2013) *Teoreticheskie osnovy izucheniya fenomena prokrastinatsii [Theoretical basis of studying the phenomenon of procrastination]*. *Lichnost' v menyayushhemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitiye [Person in a changing world: health, adaptation, development]*. 2.
- Kornilov, T.V. (2013) *Mel'burnskiy oprosnik prinyatiya resheniy: russkoyazychnaya adaptatsiya [Melbourne questionnaire decision]*. *Psikhologicheskie issledovaniya [Russian-language adaptation of psychological research]*. Vol. 6, 31, 4.
- Kuhl, J. (1994a) A theory of action and state orientations. J. Kuhl & J. Beckmann (Eds.), *Volition and personality: Action versus state orientation*. Toronto, Hogrefe & Huber, 9-46.
- Lay, C. (1986) At last, my research article on procrastination. *Journal of Research in Personality*. 20, 474-495.
- Lay, C. (1992) Trait procrastination and the perception of person-task characteristics. *Journal of Social Behavior and Personality*. 7, 483-494.
- Lay, C., & Schouwenburg, H. (1993) Trait procrastination, time management, and academic behavior. *Journal of Social Behavior and Personality*. 8, 647-662.
- Lay, C., & Silverman, S. (1996) Trait procrastination, anxiety, and dilatory behavior. *Personality and Individual Differences*. 21, 61-67.
- Mayers, A. (1946) Anxiety and the group. *Journal of Nervous and Mental Disease*. 103, 130-136.

- McCown, W., Petzel, T., & Rupert, P. (1987) Personality correlates and behaviors of chronic procrastinators. *Personality and Individual Differences*. 11, 71-79.
- (Eds.) Meshcheryakov, B.G. & Zinchenko, V.P. (2003) Bol'shoy psikhologicheskii slovar' [Big psychological dictionary] Sankt_Peterburg, Praym.
- Milgram, N.A., Batory, G., & Mowrer, D. (1993) Correlates of academic procrastination. *J. of School Psychol.* Vol. 31.
- Morris, E., Surber, C., & Bijou, S. (1978) Self-versus instructor-pacing: Achievement, evaluations, and retention. *Journal of Educational Psychology*. 70, 224-230.
- Nguyen, B., Steel, P., & Ferrari, J.R. (2013) Procrastination's Impact in the Workplace and the Workplace's Impact on Procrastination. *International Journal of Selection and Assessment*. Vol. 21, 4.
- Posokhova, S.T. (2011) Len': psikhologicheskoe sodержanie i proyavleniya [Sloth: psychological content and manifestations]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University]. Episode 12: The Psychology. Sociology. Pedagogy. 2.
- (Ed.) Prokhorov, O.A. (2004) Praktikum po psikhologii sostoyaniy: uchebnoe posobie [Practice file on the psychology of states: manual]. St. Petersburg, Rech.
- Pychyl, T.A. et al. (2000) Five days of emotion. *J. of Soc. Behav. and Personality*. Vol. 15, 5.
- Rothblum, E., Solomon, L., & Murakami, J. (1986) Affective, cognitive, and behavioral differences between high and low procrastinators. *Journal of Counseling Psychology*. 33, 387-394.
- Rubin, T.I. (1998) Compassion and Self-Hate: An Alternative to Despair Publisher: Touchstone; 1st Touchstone edition.
- Senecal, C., Lavoie, K., & Koestner, R. (1997) Trait and situational factors in procrastination: An interactional model. *J. of Soc. Behav. And Personality*. Vol. 12, 4.
- Shapkin, S.A. (1997) Eksperimental'noe izuchenie volevykh protsessov [Experimental study of volitional processes]. Moscow.
- Solomon, L., & Rothblum, E. (1984) Academic procrastination: Frequency and cognitive-behavioral correlates. *Journal of Counseling Psychology*. 31 (4), 503-509.
- Specter, M.H., & Ferrari, J.R. (2000) Time orientations of procrastinators: Focusing on the past, present, or future. *J. of Soc. Behav. and Personality*. Vol. 15, 5.
- Syrtsova, A. (2008) Adaptatsiya oprosnika vremennoy perspektivy lichnosti F. Zimbardo [Adaptation of Zimbardo personality time perspective questionnaire]. Syrtsova, A., Sokolova, E.T., & Mitina, O.V. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 29, 3, 101-109.
- Tashchilin, E.A. (2014) Issledovanie prokrastinatsii i perfektsionizma u studentov universiteta razlichnykh napravleniy podgotovki: dissertatsiya magistra psikhologii [Research on procrastination and perfectionism in university students of various areas of training: Master's Thesis Psychology]. Yekaterinburg, Ural'skiy Federal'nyy Universitet im. B.N. El'tsina.
- Tice, D., & Baumeister, R. (1997) Longitudinal study of procrastination, performance, stress, and health: The costs and benefits of dawdling. *Psychological Science*. 8, 454-458.
- Varvaricheva, Ya.I. (2007) Psihologicheskie mehanizmy fenomena leni [Psychological mechanisms of the phenomenon of laziness]. *Materialy dokladov XIV Mezhdunarodnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Lomonosov»* [Proceedings of the 14th International Conference of Students and Young Scientists «Lomonosov»]. Moscow, Izdatel'skiy tsentr fakul'teta zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova.
- Varvaricheva, Ya.I. (2010) Fenomen prokrastinatsii: problemy i perspektivy issledovaniya [The phenomenon of procrastination: problems and prospects of the research]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology]. 3.
- Waitley, D., & Witt, R. (1995) The Joy of Working: The 30-Day System to Success, Wealth, and Happiness on the Job.
- Weiner, B. (1979) A theory of motivation for some classroom experiences. *Journal of Educational Psychology*. 71, 3-25.
- Wesley, J. (1994) Effects of ability, high school achievement, and procrastinatory behavior on college performance. *Educational and Psychological Measurement*. 54, 404-408.
- Zimbardo, P.G., & Boyd, J.N. (1999) Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 77.

Представления детей о болезни и их опосредующая роль в терапевтической работе с болеющими детьми

А.Н. Харьковский Научно-практический центр медицинской помощи детям с пороками развития черепно-лицевой области и врожденными заболеваниями нервной системы, Москва, Россия

Поступила 14 июня 2015 / Принята к публикации: 20 августа 2015

Disease representation in children and its mediating role in the therapeutic work with patient children

Arkady N. Kharkovskiy Scientific Practical Center of Medical Care for Children with Developmental Disabilities, Craniofacial and Congenital Diseases of the Nervous System, Moscow, Russia

Received: 14 June, 2015 / Accepted for publication: August 20, 2015

В ходе лечения тяжелого заболевания перед человеком возникают вопросы, связанные не только с медицинской стороной лечения, но и со смыслом происходящих событий. В равной степени это справедливо как для взрослых онкологических больных, так и для детей.

Статья посвящена исследованию представлений о болезни у детей, находящихся на лечении тяжелых заболеваний. Рассматриваются как общие психологические аспекты ситуации болезни, так и понимание ее болеющими детьми и возможность использования этих представлений в практической психологической помощи. В исследовании выдвигаются следующие гипотезы. Во-первых, смысловая структура представления о болезни у данной группы детей обладает специфическими характеристиками, отличающимися от представлений здоровых детей. Во-вторых – данные представления, имея некий терапевтический потенциал, могут быть использованы в качестве психологических орудий. Опосредующая функция этих психологических орудий обосновывается в данной статье с точки зрения культурно-исторического подхода и концепции уровней психического здоровья. Экспериментальное исследование проводилось в специализированных детских клиниках г. Москвы. В качестве контрольной группы испытуемых привлекались ученики одной из московских школ. Исследование включало организацию экспериментальной ситуации, формирование критериев для получения данных, их сравнительный анализ и оценку.

Гипотезы нашли свое подтверждение. Выявлена характерная для болеющих детей структура представлений, отражающая определенный вектор, по которому идет осмысление ими болезни. Это придает исследованию значительную практическую ценность, т.к. полученные результаты могут обеспечить решение важных практических задач медицинской психологии в сфере оказания помощи болеющим детям. Кроме того, исследование открывает перспективы дальнейшего изучения особенностей смысловой сферы болеющих детей.

Ключевые слова: болезнь, детская онкология, образ болезни, психологическое орудие, смысл, представление о болезни у ребенка, психологическая помощь тяжелобольным детям.

In the course of treating a serious illness, a person is faced with questions related not only to the medical side of treatment, but also with the realizing the sense of the events. This is equally true for both oncology adults and for children.

The paper researches the disease representation in children who suffer from severe diseases. General psychological aspects of the disease situation and the understanding of patient children and the ability to use these concepts in practical psychological help are considered.

The study hypothesizes, first of all, the semantic structure of representation in this group of children having specific characteristics that distinguish them from healthy children. Secondly, data representation having a therapeutic potential can be used as a psychological tool. Mediating function of the psychological tools mentioned is justified in this paper from the perspective of cultural historical approach and the concept of mental health levels. The experimental study was conducted in the specialized pediatric clinics in Moscow, Russia. Control group include students of one of Moscow schools. The study included organization of the experimental situation, criteria for obtaining data, comparative analysis and evaluation.

The hypothesis is confirmed. The characteristic structure of disease representations in patient children reflecting some vector of the disease course is outlined. This makes the study an important practical value as the results may provide a solution to practical issues of medical psychology in assisting patient children. The research offers further studying the semantic sphere of patient children.

Keywords: disease, pediatric oncology, image of the disease, psychological tool, meaning.

Лечение тяжелых заболеваний связано не только с длительным и серьезным воздействием на соматические процессы, но, в значительной степени, влияет на всю психическую структуру болеющего человека. Что делает необходимым активное участие психологов в лечебном процессе. В частности, это справедливо для детской онкологии.

Объектом данного исследования являются представления детей о болезни. В качестве предмета исследования выбрано содержание и структура этих представлений у детей, проходящих лечение по поводу тяжелых соматических заболеваний.

Гипотезой исследования является предположение, что актуализация образа болезни у детей, страдающих тяже-

лыми предметно-теоретических оснований профессиональной деятельности медицинских психологов, работающих в клинике тяжелых заболеваний.

Психологическая проблематика в лечении тяжелых заболеваний у детей

В конце XX века наметилась смена вектора научных исследований в сторону интеграции различных областей знания. На этом фоне началось активное взаимодействие психологии и медицины, что в конечном итоге привело к возникновению медицинской психологии в ее нынешнем понимании – как дисциплины, активно участвующей во всех областях современной медицинской помощи, так или иначе взаимодействующих с личностью человека. Исследования стали затрагивать и такие сложные темы, как лечение соматических заболеваний с возможным летальным исходом. При этом обнаруживались значительные проблемы, сопровождающие процесс их лечения (Николаева, 1987, С. 88-104). В частности, выяснилось, что болезнь, ограничивая возможности человека, значительно изменяет условия развития его личности, провоцируя различные кризисные ситуации в ее динамике, что «в свою очередь, может видоизменить весь имеющийся жизненный (в том числе, и телесный) опыт» (Сokolova, 1995, С. 229). Это справедливо, как для взрослой, так и детской онкологии (Бялик, 2000, С. 37).

Психическое состояние детей в ходе специального лечения, для которого характерны длительность, однообразность, побочные эффекты и т.п., и под действием самого процесса болезни (сопутствующие симптомы, интоксикация, сомато-психические влияния) претерпевает значительные изменения. Основными его факторами являются неопределенность ситуации и пассивность ребенка, как ее участника.

В реалиях больницы ребенок лишен возможности быть лично включенным в ситуацию. На этом фоне происходит его как внешнее, так и внутреннее отчуждение и он начинает воспринимать себя пассивным объектом медицинских манипуляций, прежде всего, в отношении неотъемлемой части своей жизни – тела. Однако, пассивность ребен-

На этапе активного лечения ребенок не имеет эффективных стратегий, позволяющих ему справляться со стрессовой ситуацией. Вместе с резким изменением жизненных событий, связанных с постановкой диагноза, госпитализацией, ребенок оказывается в среде, которая навязывает ему свою, медицинскую систему представлений о болезни. Согласно этой системе, в ходе лечения ему отведена роль пассивного объекта

Как правило, на этапе активного лечения ребенок не имеет эффективных стратегий, позволяющих ему справляться со стрессовой ситуацией. Вместе с резким изменением жизненных событий, связанных с постановкой диагноза, госпитализацией, ребенок оказывается в среде, которая навязывает ему свою, медицинскую систему представлений о болезни. Согласно этой системе, в ходе лечения ему отведена роль пассивного объекта.

лыми соматическими заболеваниями, может проявить характерную для них структуру представлений о болезни. Что, в свою очередь, поможет найти психологические ресурсы для формирования у них более эффективных моделей взаимодействия с ситуацией.

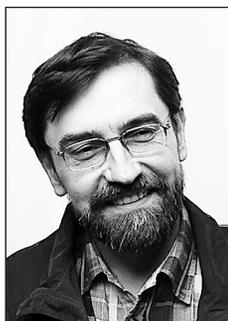
Методологической основой исследования стали положения концепции уровня психического здоровья Б.С. Братуся, культурно-исторического подхода

Актуализация образа болезни у детей, страдающих тяжелыми соматическими заболеваниями, может проявить характерную для них структуру представлений о болезни. Что, в свою очередь, поможет найти психологические ресурсы для формирования у них более эффективных моделей взаимодействия с ситуацией

В то же время, практика показывает необходимость привлечения ребенка к сотрудничеству, способному в значительной степени повысить эффективность проводимых лечебных мероприятий. Поэтому, задачу для медицинского психолога можно сформулировать, как обеспечение активного участия ребенка в лечении. Для этого специалисту необходимо понимать особенности восприятия детьми самой болезни и ситуации лечения в целом.

Л.С. Выготского касающиеся механизмов опосредования в человеческой психике, основные положения деятельностного подхода о структуре деятельности человека и базовые положения логотерапевтического подхода В. Франкла.

Значимость работы определяется высоким уровнем психологических проблем, возникающих в ходе лечения детских онкозаболеваний, и связанной с этим необходимостью конкретиза-

Аркадий Николаевич Харьковский – психолог Научно-практического центра медицинской помощи детям с пороками развития черепно-лицевой области и врожденными заболеваниями нервной системы, соискатель учёной степени кандидата наук по кафедре общей психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: ark-har@mail.ru

ка вынужденная, он хочет деятельности. В литературе описаны эксперименты с участием обожженных детей и детей-астматиков показавшие, что участие ребенка в процессе лечения значительно ускоряет его выздоровление (Sigel, 1986, p. 52). Но есть и другая сторона вопроса.

Потребность действия блокируется, в том числе, и отсутствием у ребенка адекватных психологических орудий осмысления происходящего. Стрессовая ситуация лечения требует от ребенка значительного количества ресурсов, необходимых для адекватного понимания происходящего. Большую роль в решении этого вопроса играют различные способы информирования детей о болезни и лечении (Франк, 1995; В помощь родителям ..., 1995; Кременс, Лейкемия – что это ..., 1993). Но достаточно ли этого? Дети, долго находившиеся в лечебных заведениях на совершенно безобидный вопрос «как дела?» могут начать очень профессионально пересказывать свой анамнез. Почему так происходит? В ходе лечения произошла деформация понимания ребенком ситуации в соответствии с медицинскими представлениями.

Однако, кроме того, ребенок испытывает дефицит психологических средств, с помощью которых он мог бы ответить на стоящие перед ним бытийные вопросы. Как свидетельствуют сами дети и их родители, пребывание в больнице «не просто лечение, это жизнь» (Бобров, 2004, С. 82; Цахерт К., 1997). А жизнь требует активности, реализации потребности действовать. Противоречие заключается в том, что от ребенка требуется решение вопросов, связанных со всей жизнью, с бытийными ценностями, с высшими личными смыслами, а представления, которые ему навязываются в стандартной ситуации лечения, не позволяют ему выйти за рамки смыслов ситуативных. Эти представления обусловлены ситуацией и являются следствием медицинского понимания болезни.

Смысловые уровни понятия «болезнь»

Осознание явления требует его выделения из ряда прочих. Назвав нечто «болезнью», мы отделяем явления, обладающие определенными характеристиками

от всех других. Постараемся определить эти характеристики. Понятие «болезнь» употребляется довольно часто – в списке из тысячи наиболее употребительных существительных русского языка оно занимает 456-е место (Ляшевская, 2009).

Противоречие заключается в том, что от ребенка требуется решение вопросов, связанных со всей жизнью, с бытийными ценностями, с высшими личными смыслами, а представления, которые ему навязываются в стандартной ситуации лечения, не позволяют ему выйти за рамки смыслов ситуативных. Эти представления обусловлены ситуацией и являются следствием медицинского понимания болезни

Несмотря на это, при ближайшем рассмотрении это понятие оказывается довольно сложным и трудноопределяемым. Вот несколько характерных примеров понимания болезни в медицине:

«Болезнь – это процесс превращения нормального состояния в патологическое, связанный с реактивно-детерминированными изменениями оптимальной меры компенсаторно-приспособительной саморегуляции живых систем» (Словарь физиологических ..., 1987).

Некоторые авторы считали, что болезнь это – «нарушение внутреннего равновесия в организме, нарушение гармонии его

Если нет целостного подхода к человеку, подхода, вобравшего в себя всю полноту и неповторимость человеческой личности, то нет и настоящего понимания самого человека. А это влечет за собой подмену реальных задач частными вопросами той или иной дисциплины

частей, нарушение приспособительных механизмов организма или особая форма его приспособления, локальное нарушение и суммарное повреждение клеточных элементов, ответная реакция организма на болезнетворные раздражители...» (Петленко, 1984, С. 60-66)

Кроме того, в медицине очевидно отсутствие «единой общепризнанной дефиниции болезни» Но, если нет четкого понятийного аппарата, то нет и адекватного понимания предмета деятельности. При таком подходе и сам человек – «не более чем биохимический механизм» (Хлуновский, 1997, С. 214).

Но если нет целостного подхода к человеку, подхода, вобравшего в себя всю полноту и неповторимость человеческой личности, то нет и настоящего понимания самого человека. А это влечет за собой подмену реальных задач частными вопросами той или иной дисциплины. И тогда человек, как целостный

субъект, живущий в реальном мире исчезает, а вместо него появляется объект, наделенный определенными функциями. Эти функции, в случае медицины, органические, и становятся объектами воздействия. В этом случае и заболев-

вание воспринимается как нарушение в биохимических механизмах, ведущее к поломке всей машины. Такая система представлений транслируется и вольно или невольно навязывается пациенту.

Возможно ли обращение к другим смысловым уровням в понимании болезни? Для ответа надо посмотреть на понятие «болезнь» с иных, нежели медицинская, точек зрения. Это даст нам возможность поискать в нем смыслы отличные от тех, что актуализируются в системе медицинских представлений.

Анализ самого понятия болезнь свидетельствует, что, кроме страданий те-

лесных, в понятии болезнь отражаются и страдания душевные: «Чувство горя, истомы, страданий душевных; скорбь, грусть, тоска, кручина, жаль, сокрушение, жутьба». (Даль, Электронный ресурс). Эти переживания могут быть связаны с состоянием, как самого человека, так его близких, или тех, кто дорог ему: « Болький, и нареч. болько или болячо, выражает не состояние или чувство, как больной и больно, а наклонность, расположение, свойство болеть; дети отцу-матери больки, близки к сердцу, обидно, досадно за них. Кому не горячо, тому и не болячо. Больки – жена, земля да холоп, т.е. своя семья да имущество» (Даль, Электронный ресурс)

Самый глубокий слой, наибольшее обобщение, к которому приводит этимологический анализ слова «болезнь», есть понятие «зла»: «боль ... родственно (древне-верхне-немецкому) «balo» – «пагуба», «зло», «злость», «мучить» (Фасмер, 1985, С. 191).

В результате мы получили следующие смысловые слои понятия болезнь, которые могут рассматриваться как уровни понимания этого явления:

1. телесная составляющая, телесное страдание;
2. психическая составляющая, душевное страдание;
3. нравственная составляющая, страдание от зла.

Наличие в болезни смысловых пластов, отличных от телесного, открывает нам перспективы в поисках помощи болеющему ребенку. Прежде всего, в переосмыслении всей ситуации

Очевидно, что в самом явлении болезни эти уровни присутствуют одновременно, но, в зависимости от точки зрения, с которой мы рассматриваем болезнь, степень проявления того или иного уровня будет различна.

Наличие в болезни смысловых пластов, отличных от телесного, открывает нам перспективы в поисках помощи болеющему ребенку. Прежде всего, в переосмыслении всей ситуации.

Смысловая сфера личности и ее место в формировании представлений о болезни

В рамках теории деятельности А.Н. Леонтьевым было введено понятие личностного смысла, который он определял как отражение в сознании отношения мотива деятельности к цели действия (Леонтьев, 1975, С. 171). Дальнейшее развитие исследование смысловой сферы личности получило в работах его учеников, в частности, Б.С. Братуся, который предложил вывести определение смысла из отдельно взятой деятельности, сделать его категорией, более соответствующей целостности человеческой личности. В его понимании смысловая сфера: «это целостная динамическая система, отражающая взаимоотношения внутри пучка мотивов, реализующих то или иное смысловое отношение к миру» (Братусь, 1981, С. 48).

Смысловые образования отличаются по степени обобщенности, по своему месту в иерархии смысловой сферы личности. Наиболее общие смысловые образования касаются вопросов мировоззрения, представлений человека о смысле жизни, его жизненных целях

и ценностях, они поддерживают представления человека о себе.

В процессе мотивационно-личностной саморегуляции формируются личностные смыслы определенных жизненных событий (например, личностного смысла болезни). «Саморегуляция в этом понимании есть особая деятельность, «внутренняя работа» или «внутреннее движение душевных сил, направленное

на связывание систем личностных смыслов» (Соколова, 1995, С. 101).

Основная функция смысловых образований личности заключается в регуляции деятельности. Именно на их основе задается та или иная смысловая направленность деятельности, создается возможность сознательно менять эту направленность (Мазур, 1983, С. 37). Регулирующая роль смысловых образований проявляется и при осознании и принятии их в качестве ценностей. «Когда же «задача на смысл» все же решена и речь идет о той или иной форме осознанности, отрешенности наиболее общих смысловых образований, то уместно, на наш взгляд, говорить о ценностях личности или, лучше, о личностных ценностях, отличая их от личностных смыслов, которые далеко не всегда носят осознанный характер» (Братусь, 1988, С. 89). И, что особенно важно для нас, смысловые системы служат «не столько отражению, сколько преобразению действительности» (там же, С. 107).

В вопросе о регулирующей роли смысловых образований важен также вывод, сделанный Ф.Е. Василюком о возможности выделения особой деятельности, которую могут выполнять смысловые образования. Это деятельность по производству смысла «в критических ситуациях невозможности реализации внутренних потребностей своей жизни» (Василюк, 1985, С. 25).

Чтобы болезнь обрела смысл, требуется решить некую задачу: «уяснение человеком смысла того или иного отношения к миру не дается ему прямо и автоматически, но требует сложной и специфической внутренней деятельности оценивания своей жизни, реше-

ния особой «задачи на смысл». «Причем, как мы видели, чем выше по иерархическим ступеням смысловые образования, тем труднее работа по их осознанию, поскольку все шире и неопределеннее становится область смыслопорождающей действительности, все сложнее и опосредованнее те связи и отношения, из которых завязывается динамическая смысловая система» (Братусь, 1988, С. 88).

Эти взгляды имеют некоторые параллели в западной психологии и психотерапии в работах В. Франкла, который пишет о том, что смысл той или иной ситуации не может быть «придуман», а должен быть открыт конкретным человеком в конкретных условиях его жизни (Франкл, 2000, С. 276).

Орудийная функция представлений о болезни

Болеющий ребенок сталкивается с явлением болезни. Как мы видели, в понятии, отражающем это явление, есть три уровня: уровень физических страданий, уровень переживаний, эмоций, когнитивных представлений о болезни и уровень нравственных смыслов. Значит, возможна динамика понимания ребенком болезни. В тоже время, сама деятельность (жизнь) ребенка в больнице может меняться по мере осмысления ребенком болезни, поскольку: «деятельность разомкнута в смысловое пространство, а не замыкает его в себе. Но и смысловые пространства жаждут воплощения и потому, в свою очередь, разомкнуты в деятельность» (Братусь, 2004, С. 111).

Вместе с открытием, обретением смысла возникает задача его реализации. Деятельность переосмысления события в критической ситуации нуждается в психологических образованиях, способных выполнять в рамках этой деятельности орудийную функцию. Согласно культурно-исторической теории Л.В. Выготского, специфически человеческий способ регуляции поведения и деятельности связан с использованием знаковых психологических орудий. (Выготский, 1983, С. 89). Следовательно, деятельность саморегуляции, как базовый момент формирования навыков совладания, нуждается в опосредующих ору-

дних. В нашей работе мы предполагаем, что таким опосредующими образованиями могут быть представления детей о болезни.

В современной психологической литературе понятие рассматривается как сложное образование, включающее и словесный, и образный компоненты. В зависимости от степени абстрактности или уровня обобщенности понятия, соотношение этих компонентов различно – чем конкретнее понятие, чем ниже его обобщенность, тем более ярко выражен образный компонент. Однако даже наиболее абстрактные понятия, как показывают экспериментальные исследования, имеют образный компонент и их смысл может быть объективизирован в рисунках (Осорина, 1976).

Однако, раскрывая смысл понятия пиктографически, испытуемый обращается к языку образов и не связан законами логических действий. А.Р. Лурия отмечает, что «каждое слово является не только образом предмета, но и системой потенциальных связей, в которое вступает данный предмет» (Лурия, 1967, С. 47).

Кроме того, «формирование способности личности к конструированию, оперированию образно-символическими средствами и присвоение ценностно-смысловой составляющей мира рассматриваются ... как две стороны единого процесса, протекающие одновременно» (Потанина, 2008, С. 33).

Предпосылки и средства для этого есть у самих детей, они заложены в строении их психики, что отмечено специалистами: «известно, какое большое место в душевной работе ребенка принадлежит воображению – само познание мира ... в значительной степени связано с работой воображения» (Зеньковский, 1993, С. 106).

Можно говорить, что универсальной вневозрастной характеристикой детского мышления является его символичность. «Картина мира, представленная в творчестве ребенка, является реализацией системы его отношений (к окружающей среде, взрослым и сверстникам, к себе самому) посредством освоения первичных символов, знаков, универсальных форм бытия (выделено нами)» (Абраменкова, 2007, С. 63).

Методики, основанные на использовании свойств образного мышления, дав-

но и успешно применяется в лечении соматических заболеваний (Аралова, 2001; Шутценберг, 1990; Simonton O., 1978).

Прежде всего, нам необходимо:

- 1) понять, что из сложной ситуации болезни представлено в сознании детей, то есть, исследовать факт болезни с точки зрения самого ребенка;
- 2) выявить категории, используемые ребенком для отражения субъективно значимых сторон понятия болезнь.

Постановка проблемы исследования

Задача психолога состоит в том, чтобы определить особенности представления о болезни детей, как ограничивающие ребенка, так и обладающие определенным потенциалом для их использования в терапевтической работе.

Предметом нашего исследования являются представления о болезни детей, находящихся на лечении тяжелых хронических заболеваний и заболеваний с возможным летальным исходом. Целью данной работы является изучение особенностей структуры этих представлений.

Исходя из цели исследования, ставятся следующие задачи:

- 1) выявление и классификация образно-описаний, отражающих детские представления о болезни;
- 2) анализ содержательной стороны образов и категорий, встречающихся в образах;
- 3) соотнесение содержательной стороны описаний с представлениями об уровне строения понятия «болезнь»;
- 4) выяснение отличий в понимании болезни детьми, находящимися на лечении и их здоровыми сверстниками;
- 5) поиск элементов описания, с опорой на которые можно изменять понимание ребенком болезни и ситуации лечения.

В качестве гипотез выступают следующие предположения:

1. Актуализация образа болезни у детей, страдающих тяжелыми соматическими заболеваниями, может проявить характерную для них структуру представлений о болезни;
2. Смысловая структура этих представлений обладает специфическими для этих детей характеристиками.

Организация исследования. Методики исследования. Способы обработки данных.

В проведенном исследовании, были реконструированы представления детей о болезни посредством анализа описаний и образов-ассоциаций, возникающих у них при слове «болезнь».

Задачи практической работы обусловили выбор методик, позволяющих выявить образную составляющую понятия. Методики исследования выбирались с учетом особенностей ситуации испытуемых – нахождение в стационаре, эмоциональная усталость, астенизация в результате проводимого лечения. Отсюда следовали требования к методикам: краткость и диагностическая емкость, позволяющая, сильно не истощая ресурс испытуемых, выявить важные для исследования моменты.

Таким требованиям удовлетворяют краткосрочные методики с элементами проективности. Для исследования нами были выбраны методика «Беседа» и модифицирована методика «Незаконченное предложение».

При использовании методики «Беседа» устанавливался контакт с испытуемым, выяснялись сначала вопросы общего характера или темы, интересующие испытуемого.

Затем, в ходе специальной встречи испытуемому предлагалось ответить на несколько вопросов, связанных с его заболеванием. На этом этапе применялась модифицированная методика «Незаконченное предложение», относящаяся к проективным методикам (Бурлачук, 1989, С. 50). Методика была редуцирована до продолжения одного высказывания т.к. это отвечает поставленным в работе задачам. Элементы проективности заключаются в некоторой неопределенности инструкции, в создании атмосферы доброжелательности, в полном отсутствии оценочного отношения со стороны экспериментатора, а также в отсутствие у испытуемого информации о том, что в его ответах диагностически значимо (Соколова, 1980).

Показатель активности осмысления оценивался по среднему количеству сравнений, приходящихся на понятие. Он подсчитывался для каждой группы испытуемых, как отношение общего количества сравнений к количеству участников группы.

Содержательная сторона образов-описаний была подвергнута ряду аналитических процедур, выявляющих различные качественные характеристики ответов испытуемых по аналогии с методом пиктограмм. Эта аналогия требует некоторого пояснения. Как известно, метод «пиктограмм» заключается в подборе образа к определенным понятиям. Исследователи, использующие метод пиктограмм в своей практике, отмечают, что «ближе всего построение «пиктограммы» стоит к операции определения понятия, раскрытия его смысла». (Херсонский, 2003, С. 12). Но верно и обратное – построение понятия имеет значительное сходство с построением «пиктограммы». Что позволяет нам применить к этому процессу процедуры анализа сходные с теми, что используются при анализе пиктограмм.

При классификации образов пиктограмм используется полифакторный подход, обусловленный потребностью в нескольких критериях для установления психологического значения образа (Херсонский, 2003, С. 27)

С учетом задач исследования нами были отобраны следующие факторы:

1) Фактор абстрактности. В зависимости от степени абстрактности, возможны следующие уровни:

- а) Конкретные образы (К);
- б) Атрибутивные образы (А);
- с) Определения (О);
- д) Метафорические образы (М).

Характеристики этих уровней совпадают с описанными в литературе (Херсонский, 2003, С. 27-34). Уровень определений (О) отсутствовал в оригинале методики, он был добавлен нами в ходе предварительного анализа полученных данных. Он характеризует описание образа, которое, по сути, является рациональным определением понятия «болезнь».

2) Фактор индивидуальной значимости

- а) Индивидуально-значимые образы, в том числе, персонифицированные стимулы (И);
- б) Формальные образы (Ф);

Фактор индивидуальной значимости (И) характеризует описание, с точки зрения наличия в нем фактов из личного опыта испытуемого. Это может быть описание конкретной ситуации, наличие в описании косвенных признаков эмоциональной окраски события или его оценки, указание на кинестетиче-

скую составляющую опыта испытуемого и пр. В случае отсутствия признаков индивидуальной значимости, описание считается формальным (Ф)

В качестве критериев оценки содержательной стороны образа был выделен ряд диагностических категорий, на основании категорий Роршаха (Белый, 2005, С. 36) и содержательных показателей Тематического апперцептивного теста (ТАТ) (Леонтьев, 2000, С. 113-115). Требования адекватного представления полученных результатов привели к необходимости создания модифицированного списка категорий. Дополнение исходных категорий необходимо, так как:

- мы имеем дело не со зрительным образом в чистом виде, а с его описанием, которое, в некотором смысле, «шире» простого зрительного образа;
- мы не ограничиваемся задачами психодиагностики, а должны содержательно описать представления ребенка;
- категории должны отражать представления об уровне строения понятия «болезнь», а именно – к описаниям, характеризующим телесную составляющую болезни, относятся описания ощущений, связанных с болезнью (Ощ), названия симптомов, названия болезней, диагнозы (Д).

Психологическая составляющая представлена описанием переживаний, чувств, эмоциональными оценками. Это характеризуется как личная тема (Л). Кроме того, к этому уровню относятся высказывания о семье или упоминания семьи (Сем), высказывания, характеризующие социальные отношения испытуемых (Соц) и характеристики событий в профессиональной сфере, у детей – это упоминания о школе, учебе (Уч).

К уровню высших смыслов (ВС) относятся упоминания в описаниях следующих тем: тема жизни и смерти, тема добра и зла, темы, связанные с религиозными представлениями, высказывания, отражающие систему нравственных ценностей испытуемых.

Ниже представлен полученный набор категорий и их буквенные обозначения в тексте и таблицах.

I. Физический уровень

- описание телесных ощущений (Ощ);
- названия болезней (Д).

II. Психологический уровень

- личная тема (эмоциональные оценки, чувства, переживания) (Л);

- семейная (Сем);
- профессиональная (Уч);
- социальная (Соц).

III. Уровень высших смыслов

(тема добро – зло, тема смерти, темы, выявляющие бытийные ценности испытуемого).

Группы испытуемых.

В основную группу испытуемых входили дети подросткового возраста, находящиеся на лечении в стационаре, по поводу тяжелых соматических заболеваний (добро- и злокачественных опухолей различной локализации). Были выбраны специализированные лечебные учреждения г. Москвы: Российский научный центр рентгенорадиологии и Научно-практический центр медицинской помощи детям с пороками развития центральной нервной системы. Количество испытуемых в этой группе составило 51 человек.

Контрольная группа была выбрана для того, чтобы сравнить представление о болезни детей одной возрастной категории, но находящихся в разных жизненных ситуациях. В нее вошли ученики 7-х и 8-х классов одной из школ г. Москвы. Количество испытуемых в этой группе – 41 человек.

Процедура исследования

В силу различия жизненных ситуаций каждой из групп испытуемых, исследование проводилось как индивидуальным (болеющие дети), так и групповым (школьники) способом.

С детьми, проходящими лечение, контакт устанавливался заранее в ходе бесед, сопровождающих знакомство, и во время последующих встреч, направленных как на обсуждение интересующих их вопросов, так и на обсуждение общих тем, связанных с их лечением. При этом учитывались такие параметры как:

- общее состояние испытуемого;
- эмоциональные реакции на ситуацию в целом, на беседу и затронутые в ней темы;
- варианты совладающего поведения, проявившиеся в описаниях испытуемых.

Затем, в ходе одной из бесед теме заболевания уделялось больше времени.

Задавались вопросы, касающиеся начала заболевания, отношения к заболеванию, выяснялось, что является наиболее трудным в сложившейся ситуации.

В дальнейшем, в ходе этой беседы в контексте главной темы ребенка просили продолжить предложение: «Болезнь похожа на ...». Ответы испытуемых фиксировались ими самими, либо записывались экспериментатором.

Со здоровыми школьниками процедура исследования была иной. После установления контакта и предварительной беседы на общие бытовые темы в разговор включалась тема болезни и через некоторое время испытуемым предлагалось письменно на отдельных листах бумаги продолжить предложение «Болезнь похожа на ...». Процесс контролировался экспериментатором и учителем, чтобы исключить возможность списывания ответов у товарищей. Важно отметить, что все испытуемые отнеслись к обследованию заинтересованно. Можно сказать, что основным мотивом исследования, как для болеющих детей, так и для школьников был мотив общения.

Результаты эмпирического исследования.

Анализ полученных результатов проходил в несколько этапов:

- 1) Оценка активности осмысления понятия (среднее количество сравнений по группам);
- 2) Классификации полученных описаний;
- 3) Анализ содержательной стороны образов и категорий.

1. Оценка активности осмысления понятия

Средние значения количества сравнений в каждой группе испытуемых приняты нами за коэффициент активности осмысления представлены в таблице № 1.

2. Классификация описаний

Полученные описания классифицировались в соответствии с выбранными категориями. Примеры формализованной оценки описаний приведены ниже.

– По фактору абстрактности:

Конкретные образы (К). В эту группу мы относили описания, содержащие

Группа испытуемых	Количество испытуемых	Количество сравнений	Среднее значение количества сравнений в группе
Болеющие дети	51	93	1,8
Школьники	41	44	1,0

Таблица №1 Средние значения количества сравнений в каждой группе испытуемых

Participant Group	Number of Participants	Number of Comparisons	Mean number of comparisons in the group
Patient Children	51	93	1,8
School Students	41	44	1,0

Table 1. Mean number of comparisons in each group of subjects

упоминание о какой-либо конкретной ситуации, связанной с лечением, или ее развернутое описание. Например, «Болезнь похожа на одиночество, когда болеешь, друзья не приходят, гулять не ходишь. Сидишь дома, принимаешь лекарства, скука».

описания, заменяющиеся определением с неопределенным смыслом, например, «Болезнь похожа на ... это когда что-то не в порядке».

Метафорические образы (М). В эту группу попадали описания, носящие образный метафорический характер.

Категория ответа	Болеющие дети		Здоровые дети	
	Количество ответов	% от суммы	Количество ответов	% от суммы
Формальный ответ (Ф)	43	46,2	10	22,7
Индивидуально значимый ответ (И)	50	53,8	34	77,3
Сумма:	93	100,0	44	100,0
Среднее	46,5		22	
Стандартное отклонение	4,9		17	

Таблица № 2. Фактор индивидуальной значимости.

Answer Category	Patient Children		Healthy Children	
	Formal Answer (F)	% of the Total Amount	Number of Answers	% of the Total Amount
Answer of Individual Significance (I)	43	46,2	10	22,7
Total:	50	53,8	34	77,3
Average	93	100,0	44	100,0
Regular Deviation	46,5		22	
Стандартное отклонение	4,9		17	

Table 2. Factor of Individual Significance.

Атрибутивные образы (А). К ним относились описания, содержащие образы или понятия, являющиеся частью процесса лечения или самого заболевания. Например, «Болезнь похожа на таблетку», «болезнь похожа на вирус».

Определения (О). В эту группу включались описания, по сути, являющиеся попыткой не просто сравнить болезнь с чем-либо, а определить, что такое болезнь. Например, «Болезнь похожа на то, с чем надо бороться». Сюда же вошли

Например, «Болезнь похожа на страшный сон» или «Болезнь похожа на старую, сморщенную, черную, злую горбатую старуху, которая все время пытается тебя настичь и уничтожить».

– По фактору индивидуальной значимости:

Индивидуально-значимые образы (И). Описание считалось индивидуально-значимым, если оно содержало указания на участие ребенка в событии. Например, «Болезнь похожа на кошмар,

Категории ответов	Болеющие дети		Здоровые дети	
	Количество ответов	% от суммы	Количество ответов	% от суммы
Конкретный ответ (К)	6	6,3	23	52,3
Атрибутивный (А)	19	20,0	15	34,1
Определение (О)	6	6,3	3	6,8
Метафора (М)	64	67,4	3	6,8
Сумма:	95	100,00	44	100,0
Среднее	23,8		11	
Стандартное отклонение	27,5		10	

Таблица № 3. Фактор абстрактности.

Answer Category	Patient Children		Healthy Children	
	Exact Answer (E)	% of the Total Amount	Number of Answers	% of the Total Amount
Attributive Answer (A)	6	6,3	23	52,3
Definition (D)	19	20,0	15	34,1
Metaphor (M)	6	6,3	3	6,8
Total:	64	67,4	3	6,8
Average	95	100,00	44	100,0
Regular Deviation	23,8		11	
Стандартное отклонение	27,5		10	

Table 3. Abstractness Factor

мучаешься, ходишь по врачам, лежишь в постели, пьешь горькие таблетки». Или, если описание каким-либо образом отражало личное отношение испытуемого,

например, содержало описание переживаний: «Болезнь похожа на скучный, мрачный, темный подвал». Описания, содержащие указания на телесные ощущения,

Темы описаний	Болеющие дети		Здоровые дети	
	Количество ответов	% от суммы	Количество ответов	% от суммы
Симптомы (Ощ)	14	16,3	15	25,0
Названия болезней (Д)	11	12,6	8	13,3
Личная тема (Л)	44	50,6	23	38,3
Семейная тема (Сем)	0	0,0	0	0,0
Социальные отношения (Соц)	2	2,3	7	11,7
Профессиональная тема (Уч)	0	0,0	3	5,0
Тема высших смыслов (ВСм)	16	18,4	4	6,7
Сумма:	87	100,0	60	100,0
Среднее	12,4		9	
Стандартное отклонение	15,5		7,6	

Таблица № 4. Уровни понимания болезни.

Issues to Describe	Patient Children		Healthy Children	
	Symptoms (P)	% of the Total Amount	Number of Answers	% of the Total Amount
Names of Diseases (D)	14	16,3	15	25,0
Personal Issue (P)	11	12,6	8	13,3
Family Issue (Fam)	44	50,6	23	38,3
Social Relations (Soc)	0	0,0	0	0,0
Professional Issue (Ac)	2	2,3	7	11,7
Highest Sense Issue (HS)	0	0,0	3	5,0
Total:	16	18,4	4	6,7
Average	87	100,0	60	100,0
Regular Deviation	12,4		9	
Стандартное отклонение	15,5		7,6	

Table 4. Levels of disease awareness

также расценивались как индивидуально-значимые. Например, «Болезнь похожа на боль, когда все болит». Кроме того, к этой группе были отнесены описания, затрагивающие тему смерти. Например, «Болезнь похожа на смерть, так как это плохо».

Формальные образы (Ф). К формальным образам относились описания, имеющие «констатирующий» характер, не несущие явных признаков личной заинтересованности. Например, «Болезнь похожа на тухлое яблоко».

– По смысловым уровням понимания болезни:

А. Телесный уровень

Описание телесных ощущений (Ощ). В эту категорию попадали описания, включающие описание телесных симптомов или упоминания боли. Например, «Болезнь похожа на ..., когда что-то не в порядке, когда что-то болит», «Болезнь похожа на боль».

Названия болезней (Д). В этом случае болезнь сравнивалась с какой-либо конкретной нозологической единицей. Например, «Болезнь похожа на грипп». Либо упоминается тема здоровья без конкретизации. Например, «Болезнь похожа на термита, потому что всегда пытается заразить человека и вредит его здоровью».

В. Психологический уровень

Личная тема (Л). Описания содержат эмоциональные оценки, чувства, переживания. Например, «Болезнь похожа на ... это очень плохо, потому, что болезнь захватывает твоё здоровье». Описания, попадающие под эту категорию, не встречались ни в одной группе испытуемых.

Профессиональная (Уч). К этой категории относились описания, включавшие тему учебы. Например, «Болезнь похожа на прогул, не ходишь в школу»

Социальная (Соц). Эта категория включала в себя описания, в которых явно или косвенно упоминались какие-либо социальные взаимодействия испытуемых. Например, «Болезнь похожа на старость, скучно и никто не приходит».

С. Уровень высших смыслов (ВСм)

К этому уровню относились описания, в которых встречались упоминания темы смерти (или противопоставление жизни и смерти), темы добра и зла, темы, связанные с религиозными представлениями, а также описания, отражающие систему нравственных ценностей испытуемых. Например: «Болезнь похожа на смерть. Когда человек болеет, ему уже ничего не хочется, он думает, что жизнь его кончается», «Болезнь по-

хожа на большое зло, т.к. мешает человеку жить, как жил раньше».

В соответствии с классификацией, описания могут быть зашифрованы буквенными символами. Так, описание «Болезнь похожа на прогул, потому что не ходишь в школу» получает следующую буквенную кодировку (К И У), так как в ней имеет место описание конкретной ситуации, индивидуально-значимой для испытуемого и связанной с его профессиональной (учебной) деятельностью.

А описание «Болезнь похожа на цветок, который вянет, так как человек плохо себя чувствует» будет иметь кодировку (М И Ощ Л), поскольку образ явно метафорический, отражает личную значимость для испытуемого через переживания и телесные ощущения.

3. Анализ содержательной стороны образов и категорий

Фактор индивидуальной значимости

В таблице №2 представлены результаты подсчета количества ответов по фактору индивидуальной значимости. В ячейках таблицы выделены процентные значения, соответствующие статистически значимым результатам.

Фактор абстрактности

В таблице №3 представлены результаты подсчета количества ответов характеризующих фактор абстрактности. В ячейках таблицы выделены процентные значения, соответствующие статистически значимым результатам.

Для большей наглядности данные представлены в виде графика.

Уровни понимания болезни

В таблице № 4 представлены результаты подсчета количества ответов по темам, характеризующим уровни понимания болезни. В ячейках таблицы выделены процентные значения, соответствующие статистически значимым результатам.

Для большей наглядности данные представлены в виде графика.

Обсуждение результатов.

В результате качественного и количественного анализа полученных данных можно сказать следующее:

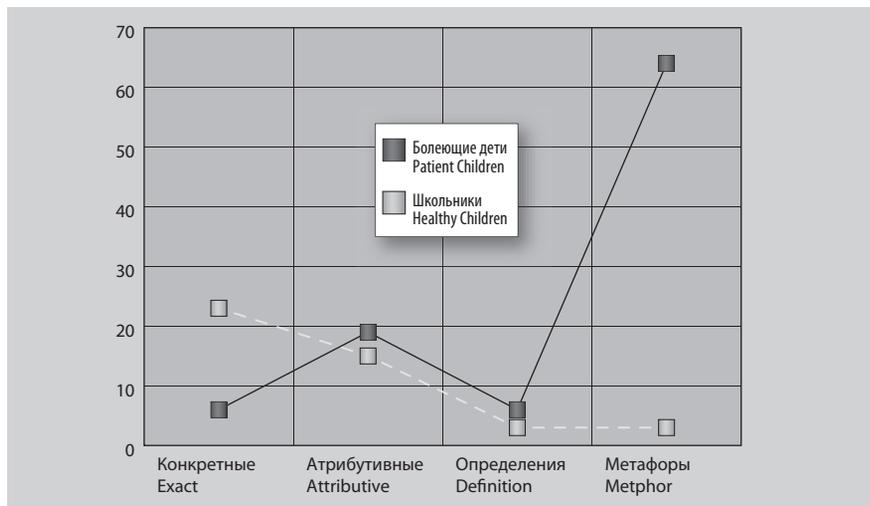

График №1. Фактор абстрактности.

Graph 1. Abstractness Factor

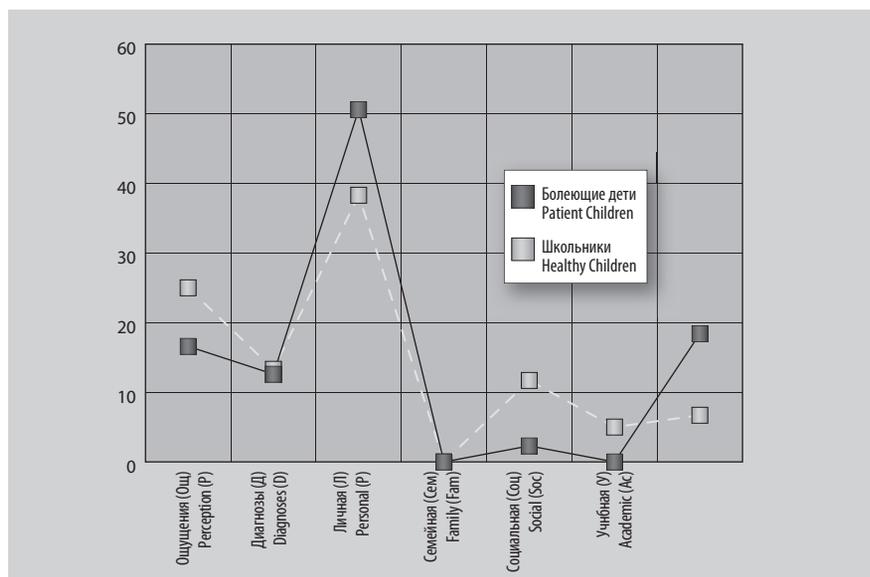

График №2. Уровни понимания болезни.

Graph 2. Levels of disease awareness

1. Активность осмысления понятия болезни, согласно выбранному нами критерию (среднее количество сравнений на человека), в группе детей, проходящих лечение (1,8), почти в два раза превышает этот показатель в группе здоровых сверстников (1,0). Что может интерпретироваться как то, что сама ситуация заболевания способствует большей познавательной активности у детей, проходящих лечение, направленной на осмысление болезни.
2. Анализируя полученные данные по критерию индивидуальной значимости (см. табл. № 2), мы получили следующее распределение результатов: в группе болеющих детей распределение формальных и индивидуально-

значимых ответов примерно равно. В то же время, в группе здоровых школьников количество индивидуально значимых ответов – 34 (77,3 %) более чем в три раза превышает количество ответов формальных – 10 (22,7%).

3. Эти данные получают большую ценность при сопоставлении их с данными табл. № 3 – оценки описания с точки зрения конкретности-абстрактности. Индивидуальная значимость проявляется у здоровых школьников, прежде всего в конкретных описаниях (52,3%) и атрибутивных (34,1%). В то время как у болеющих детей большинство описаний являются метафорическими (67,4%), количество таковых у здоровых школьников составляет всего 6,8%.

4. Что касается представленности смысловых уровней понятия болезни в описаниях, то полученные данные и здесь позволяют говорить о значимых отличиях в каждой из групп. В группе болеющих детей в значительной степени выражена «личная» составляющая (Л) – 50,6% описаний, что сопоставимо с ответами здоровых школьников, у которых этот параметр также стоит на первом месте – 38,3% описаний. Однако, представленность других уровней в исследуемых группах резко различается. В группе здоровых школьников следующим по значимости выступает «телесный» уровень: описание симптомов и ощущений (Ощ) – 25%, упоминание диагнозов (Д) – 13,3%. А у болеющих детей на втором месте оказался уровень «ценностей и высших смыслов» (ВСм), упоминание о котором, мы находим в 18,4% описаний. У здоровых школьников этому критерию соответствовало только 6,7% описаний.
5. В обеих группах испытуемых в описаниях отсутствует упоминание семейной темы (Сем), что может быть связано с их возрастными особенностями. Как известно, подростки большое внимание уделяют общению в группе сверстников и значимость семейных отношений в этом возрасте снижается.
6. Интересен тот факт, что в группе болеющих детей нет ответов, использующих профессиональную тему, а в группе здоровых школьников процент этих ответов составляет 5%. Также очень мал у больных ребят показатель ответов по социальной теме (Соц) – 2,3%, в то время как среди здоровых сверстников этот показатель составляет 11,7%. Низкий показатель может свидетельствовать о нарушении социальных связей у детей, длительное время находящихся на лечении в стационаре.
7. По результатам исследования мы можем составить «усредненные» описания болезни, характерные для каждой из групп испытуемых.

Группа болеющих детей.

Для этой группы буквенная формула описания будет выглядеть так: И(Ф) М Л ВСм – индивидуально значимое (И) или формальное (Ф) описание, опирающееся, прежде всего, на метафорический образ (М) и отражающее личный (Л) уровень понимания болезни и уровень высших смыслов (ВСм).

Группа школьников.

В этой группе буквенная формула описания будет следующей: И К А Л Ощ Д – индивидуально значимое (И) описание, основным содержанием имеющее конкретный (К) и атрибутивный (А) образ и отражающее личный (Л) уровень понимания болезни и уровень телесный (Ощ), со значительным количеством ответов формально характеризующих болезнь (Д).

Выводы:

По результатам исследования мы можем сделать следующие выводы:

1. Гипотезы о том, что актуализация образа болезни у детей, страдающих тяжелыми соматическими заболеваниями, может выявить характерную для них структуру представлений о болезни и что смысловая структура данных представлений обладает специфическими для этих детей характеристиками, получили свое подтверждение.
2. Жизненная ситуация, в которой оказался болеющий ребенок, требует от него значительных усилий в плане своего осмысления. Что оказывает влияние на его представления о болезни. Эта структура у болеющих детей имеет свои уникальные характеристики.
3. Понимание болезни ребенком, реконструированное на основе анализа его представлений, можно сформулировать следующим образом: это явление:
  - интенсивно переживаемое ребенком;
  - которое он активно стремится понять;

- прежде всего, на метафорическом уровне;
  - с обращением особого внимания на бытийную сторону заболевания;
  - при этом испытывая трудности в выражении «телесной» составляющей заболевания.
4. Можно говорить о необходимости формирования особой деятельности болеющего ребенка по переосмыслению, деятельности, задающей вектор его активности для изменения понимания болезни и всей ситуации лечения. Болезнь из физиологического симптома превращается в значимое событие, разворачивающееся в понятных образах.
  5. В качестве опосредующих структур деятельности осмысления могут выступать представления детей о болезни, имеющие метафорический, образный характер. Изменяя образы, взаимодействуя с ними, ребенок вступает в новые отношения со своей болезнью, участвует в процессе лечения.
  6. Эта деятельность может рассматриваться как одна из возможностей формирования стратегий совладающего поведения детей, находящихся на лечении. Поскольку она обеспечивает улучшение показателей личностного здоровья, понимаемого как «результат ... поиска своего подлинного места в жизни и мире, осознания своих уникальных жизненных смыслов и действительных ценностей, преодоления препятствий на пути реализации этих смыслов и ценностей» (Братусь, 1988, С. 41)
  7. Актуализация понимания ребенком болезни, его направление и формирование на его основе стратегий совладающего поведения являются важными задачами для медицинских психологов, работающих в этой области.
  8. Полученные данные, позволяя говорить об обоснованности выдвинутых нами гипотез, тем не менее, нуждаются в дальнейшей статистической проверке и подтверждении.

Литература:

- Абраменкова В.В. Отражение картины мира современных российских детей в графических и вербальных образах / В.В. Абраменкова // Вопросы психологии. – 2007. – № 7.
- Аралова М.П. Роль и место гештальт-терапии детей с онкопатологией в структуре психосоциальной службы детского онкоцентра / М.П. Аралова // Теория и практика гештальт-терапии на пороге XXI века. – Ростов-на-Дону, 2001.
- Белый Б.И. Тест Роршаха. Практика и теория / Б.И. Белый. – Санкт-Петербург, 2005.
- Бобров Н.П. Сашенька. Последний год / Н.П. Бобров. – Москва, 2004

- Братусь Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. – Москва : Мысль, 1988. – 304 с.
- Братусь Б.С. К изучению смысловой сферы личности / Б.С. Братусь // Вестник Московского ун-та. Серия 14. «Психология». – 1981. – № 2. – С. 48.
- Братусь Б.С. Леонтьевские основания смысловых концепций личности / Б.С. Братусь // Вопросы психологии. – 2004. – № 4.
- Братусь Б.С. Психологические проблемы изучения и коррекции аномалий личности / Б.С. Братусь, И.Я. Розовский, В.Н. Цапкин. – Москва : Изд-во МГУ, 1988.
- Бурлачук Л.Ф. Словарь-справочник по психологической диагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – Киев, 1989.
- Бялик М.А. Международный и отечественный опыт создания и функционирования системы социальной и психологической поддержки детей с онкологическими заболеваниями и их семей / М.А. Бялик // Паллиативная медицина и реабилитация. – 2000. – № 4.
- Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) / Ф.Е. Василюк. – Москва, 1984.
- В помощь родителям, думающим о том, как говорить с ребенком о его болезни. – Москва, 1995.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 тт. Т. 3. – Москва : Педагогика, 1983.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://v-dal.ru/>
- Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В.В. Зеньковский. – Москва, 1993.
- Кременс Б. Лейкемия – что это такое? Книга для детей и родителей. – Электронный ресурс. – Режим доступа : http://pediatriconcology.ru/upload/iblock/5d8/bernhard_kremens.pdf
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – Москва : Политиздат, 1977.
- Леонтьев Д.А. Тематический Апперцептивный Тест / Д.А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 2000.
- Лурия А.Р. Лекции по психологии памяти / А.Р. Лурия. – Москва : Изд-во МГУ, 1967.
- Ляшевская О.Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – Москва : Азбуковник, 2009.
- Мазур Е.С. Проблема смысловой регуляции в свете идей Л.С. Выготского / Е.С. Мазур // Вестник Московского университета. Серия 14. – № 1. – 1983.
- Миллс Дж. Терапевтические метафоры для детей и внутреннего ребенка / Дж. Миллс, Р. Кроули. – Москва, 1996.
- Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику / В.В. Николаева. – Москва : Изд-во МГУ, 1987.
- Орлова Т.В. Краткосрочный вариант метода терапии творческим самовыражением Бурно для применения в паллиативной онкологии / Т.В. Орлова // Консультативная психология и психотерапия. – 2014. – № 1.
- Осорина М.В. Использование метода пиктограмм при исследовании мышления / М.В. Осорина // Диагностические методы в клинической психологии. – Ленинград, 1977.
- Петленко В.П. Проблема человека в теории медицины / В.П. Петренко, В.Ф. Сержантов. – Киев, 1984.
- Петренко В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко. – Москва : Изд-во МГУ, 1988.
- Потанина Л.Т. Связь образно-символического мышления с развитием ценностно-смысловых представлений личности / Л.Т. Потанина, А.Н. Гусев // Вопросы психологии. – 2008. – № 2.
- Словарь физиологических терминов / отв. ред. О.Г. Газенко. – Москва : Наука, 1987. – 446,[1] с.
- Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности / Е.Т. Соколова. – Москва : Изд-во МГУ, 1980. – С. 174.
- Соколова Е.Т. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях / Е.Т. Соколова, В.В. Николаева. – Москва, 1995.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. / М. Фасмер. – Москва : Прогресс, 1985.
- Франк Г. Жить с опухолью. Книга для детей, подростков и их родителей. – Электронный ресурс. – Режим доступа : http://pediatriconcology.ru/upload/iblock/6ab/zhit_s_opukholyu.pdf
- Франкл В. Человек перед лицом смысла / В. Франкл. – Москва, 1990.
- Франкл В. Основы логотерапии / В. Франкл. – Санкт-Петербург, 2000.
- Херсонский Б.Г. Метод пиктограмм в психодиагностике / Б.Г. Херсонский. – Санкт-Петербург : Сенсор, 2003.
- Хлуновский А.В. Концепция болезни / А.В. Хлуновский // Сознание и физическая реальность. – 1997. – Т. 2. – № 1.
- Цахерт К. Встретимся в раю / К. Цахерт, И. Цахерт. – Москва, 1997.
- Шутценберг А.А. Тяжелобольной пациент / А.А. Шутценберг // Вопросы психологии. – 1990. – № 5.
- Энциклопедический словарь медицинских терминов / гл. ред. В.И. Покровский. – Москва : Медицина, 2001. – 960 с.
- Rossi E. The psychobiology of mind-body healing. – N.Y., 1986.
- Sigel B. Love, medicine and miracle. – N.Y., 1986.
- Simonton O., Simonton S., Creighton J. Getting well again. – L.A., 1978.

References:

- Abramenkova, V.V. (2007) Otrazhenie kartiny mira sovremennykh rossiyskikh detey v graficheskikh i verbal'nykh obrazakh [Reverberation of the world picture in the graphic and verbal images of contemporary Russian children]. *Voprosy psihologii* [Issues of Psychology], 7.
- Aralova, M.P. (2001) Rol' i mesto geshtal't-terapii detey s onkopatologiyev v strukture psikhosotsial'noy sluzhby detского onkotsentra [The role and place of Gestalt therapy in children oncopathology in the structure of children's psychosocial service cancer center]. *Teoriya i praktika geshtal't-terapii na poroge XXI veka* [In Theory and Practice of Gestalt therapy at the threshold of the 21st century]. Rostov-on-Don.
- Belyu, B.I. (2005) Test Rorschakha. *Praktika i teoriya* [Rorschach test. Practice and theory]. St. Petersburg.

- Bobrov, N.P. (2004) Sashen'ka. Posledniy god [Sashen'ka. The last year]. Moscow.
- Bratus', B.S. (1988) Anomalii lichnosti [Abnormalities of personality].
- Bratus', B.S. (1981) K izucheniyu smyslovy sfery lichnosti. [On studying the semantic sphere of personality]. Vestnik Moskovskogo Universiteta [Bulletin of Moscow University]. Series 14 «Psychology», 2, 48.
- Bratus', B.S. (2004) Leont'evskie osnovaniya smyslovykh kontseptsiy lichnosti [Leontiev's base semantic concepts of personality psychology]. Voprosy psikhologii [Issues of psychology]. 4.
- Bratus', B.S. Rozovskiy, I.J., & Tsapkin, V.N.
- (1988) Psikhologicheskie problemy izucheniya i korrektsii anomalii lichnosti [Psychological issues of studying and correction of anomalies of personality. MGU.
- Burlachuk, L.F., & Morozov, S.M. (1989) Slovar'- spravochnik po psikhologicheskoy diagnostike [A guide to psychological diagnostics]. Kiev.
- Byalik, M.A. (2000) Mezhdunarodnyy i otechestvennyy opyt sozdaniya i funktsionirovaniya sistemy sotsial'noy i psikhologicheskoy podderzhki detey s onkologicheskimi zabolevaniyami i ikh semey [International and local experience of creation and functioning of the social and psychological support to children with cancer and their families]. [Palliative Medicine and Rehabilitation, 4.
- Dahl', V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian language]. (electronic version)
- Fasmer (1985) Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol.1.13. Frank, G. (1995) Zhit' s opukhol'nyu [Living with a tumor].
- Frankl, V. (1990) Chelovek pered litsom smysla [Man faced with the meaning]. Moscow.
- Frankl, V. (2000) Osnovy logoterapii [Fundamentals of logotherapy]. St. Petersburg.
- Kremens B. (1993) Leykemiya – chto eto takoe? [Leukemia - What Is It?].
- Kherson, B.G. (2003) Metod piktogramm v psikhodiagnostike [Method icons in psychological diagnostics]. St. Petersburg, Sensor.
- Khulunovskiy, A.V. (1997) Konceptsiya bolezni [Concept of disease]. Soznanie i fizicheskaya real'nost' [Consciousness and Physical Reality]. Vol.2, 1.
- Leontiev, A.N. (1977) Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activities. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat.
- Leontiev, D.A. (2000) Tematicheskyy Appertseptivnyy Test [Thematic Apperception Test]. Moscow, Smysl.
- Luria, A.R. (1967) Lektsii po psikhologii pamyati [Lectures on the psychology of memory]. Moscow, MGU, 76.
- Lyashevskiy, O., & Sharov, S.A. (2009) Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo azyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [Frequency dictionary of modern Russian language (based on the Russian National Corpus)]. Moscow, Azbukovnik.
- Mazur, E.S. (1983) Problema smyslovy regulyatsii v svete idey L.S. Vygotskogo [The problem of semantic regulation in the light of L.S. Vygotsky's ideas]. Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. Series 14, Psychology, 1.
- Mills, J., & Crowley, R. (1996) Terapevticheskie metafory dlya detey i vnutrennego rebyonka [Therapeutic metaphors for children and the inner child]. Moscow.
- Nikolaeva, V.V. (1987) Vliyanie khronicheskoy bolezni na psikhiku [Impact of chronic disease on the psyche]. Voprosy korrektsii [Issues of Correction] MGU, 101
- Orlova, T.V. (2014) Kratkosrochnnyy variant metoda terapii tvorcheskim samovyrazheniem Burno dlya primeneniya v palliativnoy onkologii [Short-term version of Burno creative self-expression method for treating palliative cancer. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and psychotherapy]. 1.
- Osorina, M.V. (1977) Ispol'zovanie metoda piktogramm pri issledovanii myshleniya [Using pictograms in the study of thinking]. Diagnosticheskie metody v klinicheskoy psikhologii [Diagnostic methods in clinical psychology]. Leningrad.
- Petlenko, V.P., & Sergeantov, V.F. (1984) Problema cheloveka v teorii meditsiny [The issue of human in medical theory]. Kiev
- Petrenko, V.F. (1988) Psikhosemantika soznaniya [Psychosemantics of consciousness]. Izdatel'stvo MGU.
- Potanina, L.T., & Gusev, A.N. (2008) Svyaz' obrazno-simvolicheskogo myshleniya s razvitiem tsennostno-smyslovykh predstavleniy lichnosti [Interrelation of figurative and symbolic thinking with the development of value semantic representations in the human individual]. Voprosy psikhologii [Issues of Psychology]. 2.
- Pokrovskiy, V.I. (2005) Entsiklopedicheskyy slovar' meditsinskikh terminov [Encyclopedic Dictionary of medical terms]. Moscow.
- Rossi, E. (1986) The psychobiology of mind-body healing. N.Y. 39. Sigel B. Love, medicine and miracle. N.Y. 1986
33. Sokolova, E.T. (1980) Proektivnye metody issledovaniya lichnosti [Projective methods of personality research]. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 174.
- Sokolova, E.T., & Nikolaeva, V.V. (1995) Osobennosti lichnosti pri pogranichnykh rasstrokystvakh i somaticheskikh zabolevaniyakh [Personality traits in borderline disorders and somatic diseases]. Moscow.
- Shuttsenberg, A.A. (1990) Tyazhelobol'noy patsient [Critically ill patients]. Voprosy psikhologii [Issues of Psychology]. 5.
- Simonton, O., Simonton, S., & Creighton, J. (1978) Getting well again, LA.
- Tsahert, K. & Tsahert, I. (1997) Vstretimysya v rayu [I'll see you in heaven]. Moscow.
- Vasilyuk, F.E. (1984) Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy) [Psychology experience (analysis of overcoming crisis situations)]. Moscow.
- (1995) V pomoshch' roditelyam, dumayushhim o tom, kak govorit' s rebyonkom o ego bolezni [Helping parents to talk with their child about his/her illness], Moscow.
- Vygotsky, L.S. (1983) Sbranie sochineniy [Collected Works]. Vol. 3, Moscow.
- Zenkovsky, V.V. (1993) Problemy vospitaniya v svete khristianskoy antropologii [Issues of education in the light of Christian anthropology]. Moscow.

V Международная научно-практическая конференция «Воспитание и обучение детей младшего возраста»

состоится 12-14 мая 2016 года

Организаторы конференции: **Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Московская педагогическая академия дошкольного образования**

Рабочие языки конференции: **русский, английский (Синхронный перевод).**

Приглашаются: педагоги, психологи, управленцы, а также все специалисты, заинтересованные в проблематике дошкольного образования.

В 2016 году Международная научно-практическая конференция «Воспитание и обучение детей младшего возраста» пройдет в пятый раз. Конференция уже стала одним из главных событий для профессионалов в данной области.

Главные цели конференции: обсуждение профессиональным международным научным сообществом актуальных вопросов дошкольного образования и перспектив развития исследований в области ВОДМ, расширение партнерских отношений и сетевого взаимодействия в сфере дошкольного образования, развитие использования ИКТ в области ВОДМ, ознакомление российских ученых и практиков с зарубежным опытом и системой организации дошкольного образования.

Формы работы конференции:

- пленарные заседания
- панельные дискуссии
- научные секции
- мастер-классы
- семинары
- лекции
- молодежная программа

Направления работы конференции:

- Мировой опыт: программы, мониторинг, оценка качества.
- Достижения отечественного дошкольного образования. Опыт регионов.
- Оценка качества дошкольного образования.
- Дошкольник и школьник: проблемы перехода
- Информационно-коммуникационные технологии в дошкольном и начальном образовании.
- Личностно-развивающее взаимодействие ребенка и воспитателя.
- Обзор и сравнительный анализ образовательных техник в современном дошкольном образовании.
- Мониторинг развития ребенка в ДОУ.
- Ребенок с особенностями развития в детском саду.
- Развивающая среда детского сада.
- Здоровье дошкольника и здоровьесберегающие технологии.
- Нейропсихология дошкольного детства.
- Одаренный ребенок.
- Познавательное развитие дошкольника
- Семейное воспитание и дошкольное образование.
- Ребенок в мире современных технологий.
- Социология дошкольного детства.
- Философия – детям.
- Межличностные отношения дошкольников.
- Игра в системе дошкольного образования.
- Продуктивные виды деятельности в развитии ребенка.
- Психологическая служба в ДОУ.
- Ребенок в поликультурной среде, многоязычие.

Открыт прием тезисов для публикации в сборнике материалов

Открыт прием тезисов для публикации в сборнике материалов V юбилейной международной конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста».

Для публикации тезисов в сборнике материалов Конференции необходимо:

- заполнить форму заявки на участие в Конференции, указав желаемую форму участия;
- отправить тезисы в сборник Конференции,
- дождаться подтверждения принятия тезисов к публикации в сборнике;
- оплатить регистрационный взнос участника Конференции.

Прием тезисов продлится до 1 февраля 2016 года.

Подробная информация на сайте: <http://ecceconference.com/>

Информация для авторов

«Национальный психологический журнал» – всероссийское научное информационно-аналитическое издание, на страницах которого отражаются достижения различных направлений современной психологической науки и практики.

Журнал публикует оригинальные научные и практико-ориентированные статьи по актуальным проблемам различных областей психологии, отличающиеся научной новизной и выраженной авторской позицией.

Подача рукописи

Рукописи представляются в редакцию «Национального психологического журнала» в электронном виде. Они должны содержать оригинальный материал, не публиковавшийся ранее и не рассматриваемый для публикации в других изданиях. Для подтверждения этого ставится пометка «Оригинальная статья». Автор сообщает адрес электронной почты, по которому будет проводиться переписка, а также номер телефона и полный почтовый адрес.

Оформление рукописи

В начале статьи должны содержаться: инициалы и фамилия автора (на русском и английском языках, ученое звание и степень, должность, полное название научного учреждения, в котором проведены исследования или разработки (на русском и английском языках), заголовок статьи (на русском и английском языках), аннотация на русском и английском языках (не менее 1700 знаков на русском языке и 250 слов на английском языке), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках, индекс УДК. Далее идет основной текст статьи и библиографический список.

Объем статей – не менее 25 тыс. знаков (с пробелами). Большие материалы могут быть опубликованы в нескольких номерах журнала.

Оформление текста статьи

Публикация материалов в журнале осуществляется на русском языке. Названия зарубежных учреждений приводятся в тексте без кавычек латинскими буквами. После упоминания в тексте фамилий зарубежных ученых, руководителей учре-

ждений и т. д. на русском языке в полукруглых скобках приводится написание имени и фамилии латинскими буквами.

Все сокращения должны быть при первом употреблении полностью расшифрованы, за исключением общепринятых сокращений математических величин и терминов.

Информация о грантах и благодарностях приводится в виде сноски в конце первой страницы статьи.

Не допускается использование:

- пробелов и табуляции для форматирования абзацного отступа («красной – строки») и выравнивания иного, чем по левому краю или середине,
- расстановки переносов,
- концевых сносок.

В тексте не должно быть двойных пробелов и двойных абзацев (пустых строк).

Ссылки и список литературы

Библиографический список должен включать не меньше 20, но не более 40 ссылок.

Источники приводятся в алфавитном порядке. Сначала приводятся источники на русском языке, затем на других языках. Нумерация списка сквозная.

Должное внимание следует уделить правильному описанию и полноте библиографической информации. (Образцы библиографических описаний см. в Приложении «Оформление пристатейных списков литературы (или ссылок)» по адресу: <http://www.psy.msu.ru/science/nprj/requirements.html>).

Ссылки на электронные публикации в сети Интернет допускаются только на официальные ресурсы, имеющие регистрацию в Роскомнадзоре, с указанием всех данных. В тексте ссылки на литературные источники приводятся в виде указания фамилии автора и года издания, заключенных в скобки (например, (Выготский, 1982). При цитировании добавляется номер страницы (Выготский, 1982, с. 47). Использование сносок в качестве ссылок на литературу не допускается.

Таблицы, графики, рисунки

Таблицы, рисунки, схемы в тексте должны быть пронумерованы и озаглавлены.

Недопустимо дублирование текстом графиков, таблиц и рисунков.

Графики, диаграммы могут быть построены в программе MS Excel. При наличии диаграмм, построенных с помощью MS Excel, обязательно предоставляется файл с исходными данными. Содержащиеся в таблицах и графиках данные должны быть тщательно проверены. За правильность приведенных данных ответственность несет автор.

Рисунки и схемы могут быть построены в графических редакторах и должны допускать редактирование. Рисунки должны быть представлены в форматах .jpeg (показатель качества не ниже 8) или .tiff (с разрешением не менее 300 dpi без сжатия).

Графики, таблицы и рисунки, а также фотографии, которые не отвечают качеству печати, будут возвращены авторам для замены.

Информация об авторах

Информация об авторах представляется в отдельном файле.

Пожалуйста, укажите фамилию, имя и отчество полностью, научные степени и ученые звания, должность, место работы, количество публикаций. Указывается адрес электронной почты, персонального web-сайта, а так же телефон и почтовый адрес (которые не будут печататься в журнале).

Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются.

Рукописи рецензируются для определения обоснованности предлагаемой тематики, ее новизны, а также научно-практической значимости содержания.

Все рецензенты остаются анонимными. После принятия положительного решения относительно публикации рукописи авторы информируются о нем. При возвращении статьи автору для доработки рецензия прилагается.

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, направленное на придание им лаконичности, ясности в изложении материала и соответствие текста стилю журнала. С точки зрения научного содержания авторский замысел полностью сохраняется.

Information For Authors

“National Psychological Journal” is All-Russian scientific and analytical issue which highlights achievements in different areas of modern psychological science and practice.

The Journal publishes original scientific and practice-oriented articles on topical issues of the various areas of psychology, which is distinguished by scientific novelty and distinctive author's viewpoint.

Submitting Manuscripts

Electronic version of manuscripts is submitted to the Editor of the “National Psychological Journal”. Manuscripts must contain original material, previously unpublished and not under consideration for publication elsewhere. The Author Information includes contact email address, phone number and full postal address.

Manuscript Submission Form

The beginning of the article should contain the author's Russian and English initials and surname, academic title and degree, job title, full name of the institution, where the study or experiment was carried out, Russian and English article title, Russian and English summary (up to 1700 Russian characters within 100-250 English word limit), 5-7 keywords in Russian and in English, UDC identifier, the body of the article and reference literature.

The paper is up to than 25 thousand characters (including spaces).

Large materials can be published in several issues of the Journal.

Article Layout

Publication is in the Russian language. The names of foreign institutions are given in Latin letters without inverted comas. Names of foreign scholars, names of heads of institutions, etc. in the Russian language are followed by transliterated Latin names in parentheses.

Acronyms and abbreviations should be fully deciphered when used for the first time, with the exception of common

abbreviations and terms of mathematical units.

Information about grants and acknowledgments are provided in a footnote at the foot of the first page.

Do not use:

- Spaces and tabs to format indents (new paragraph) and paragraph
- alignment other than left or middle margins;
- Hyphenation;
- Endnotes.

The text should not contain double spaces and double paragraphs (blank lines).

Links and References

The bibliographical list should include not less than 20 links but should not include more than 40 links.

Bibliography should include at least three sources. Sources are listed in alphabetical order. Russian sources are followed by the sources in other languages. List sequential numbering is used.

Due attention should be paid to the correct specification and completeness of reference information. (For samples of reference descriptions see Appendix “Making Article Reference Lists (or Links)” at: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>)

The citation of electronic publications on the Internet showing all data are allowed only to the official sources and registered with Roskomnadzor (Federal Supervision Agency for Information Technologies and Communications). In the article text references to literature sources are given in round brackets as surnames followed by the year of publication after the comma, e.g., (Vygotsky, 1982). Footnotes as reference sources are not allowed.

Tables, Graphs, Drawings Tables

Tables, Graphs, Drawings Tables, figures and diagrams in the text should be numbered and titled.

Duplication of text graphs, tables and figures is not allowed.

Charts and diagrams can be built in MS Excel. MS Excel diagrams shall be provided with the original data file. Tables and graphs data should be carefully checked. The author is responsible for the information provided in tables and graphs.

Drawings and diagrams can be built with the use of graphic editors, and should not allow editing. Figures should be submitted in the following formats: .Jpeg (quality score of at least 8), or .Tiff (resolution of 300 dpi with no compression).

Charts, tables and figures, and photos that do not meet the print quality will be returned to author and shall be submitted with better quality.

Information About Authors

Information about authors should be submitted in a separate file. Please enter your full last name, first name and patronymic name/middle name, degree and academic title, position, place of work, number of publications. Specify your contact email address, personal website, phone, and postal address (which will not appear in the printed version of the Journal.)

Articles that do not meet these requirements are not published by the decision of the Editorial Board.

Manuscripts are reviewed to reveal the novelty, scientific and practical relevance of content. All reviewers remain anonymous. Author is contacted to be informed about a positive decision regarding the publication of the manuscript. If article is returned to the author for further improvement the revision review is attached.

The editors reserve the right to edit articles to give them brevity and clarity of the presentation form, and to correspond the text style of the Journal. The author's scientific content is preserved.

Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям)

Guidelines for Abstract Writing

Использованы материалы статьи О.В. Кирилловой (к.т.н., зав. отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) БД SCOPUS) «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии»

Аннотации (рефераты, авторские резюме) на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация на английском языке на русскоязычную статью по объему может быть больше аннотации на русском языке, так как за русскоязычной аннотацией идет полный текст на этом же языке.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем до 250 слов).

В аннотациях, которые пишут наши авторы, допускаются самые элементарные ошибки. Чаще всего аннотации представляют прямой перевод русскоязычного варианта, изобилуют общими ничем не значащими словами, увеличивающими объем, но не способству-

ющим раскрытию содержания и сути статьи. А еще чаще объем аннотации составляет всего несколько строк (3-5). При переводе аннотаций не используется англоязычная специальная терминология, что затрудняет понимание текста зарубежными специалистами. В зарубежной БД такое представление содержания статьи совершенно неприемлемо.

Авторское резюме (аннотации) выполняют следующие функции:

- дают возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа;
- предоставляют информацию о документе и устраняют необходимость чтения
- полного текста документа в случае, если документ представляет для читателя
- второстепенный интерес;
- используются в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Авторское резюме ближе по своему содержанию, структуре, целям и задачам к реферату.

Это – краткое точное изложение содержания документа, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы. Текст авторского резюме (в дальнейшем – реферата) должен быть лаконичен и четок, свободен от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок.

Реферат включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность изложения содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Предмет, тема, цель работы указываются в том случае, если они не ясны из заглавия статьи.

Метод или методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы. В рефератах документов, описывающих экспериментальные работы, указывают источники данных и характер их обработки.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в реферате не приводятся.

В тексте реферата следует применять значимые слова из текста статьи.